

Gretsch, Nic. H. 5 Bde (in schwarz
braun Leder, handschriftl. kleine Schrift)

2, 10/2

3.0. nel 3067 Gretsch

<36609364230019

<36609364230019

Bayer. Staatsbibliothek

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГРЕЧА.

Ахъ, сколько я въ мой вѣкъ бумаги исписалъ!
Дмитріевъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Александръ Федоровъ
ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА.

I.

Восхити

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

=
1838.

М. Г. Гречъ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 15-го Апрѣля 1836 года.

Ценсоръ Петръ Корсаковъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

Мавр. 1.

Рис. Нотбекъ.

Грав. Райтеръ.

ЧЕРНАЯ
ЖЕНЩИНА.
РОМАНЪ

Николая Греча.

Любовь и дружба — вотъ чѣмъ должно
Себя подъ солнцемъ утѣшать!
Искашь блаженства намъ не можно,
Но можно — менѣе страдать.
А кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Былъ другомъ нѣжнымъ, свято чшимымъ,
Тотъ въ свѣтѣ семъ не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ!

КАРАМЗИНЪ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1838.

Василію Аполлоновичу

УШАКОВУ.

Наконецъ могу заплатить вамъ долгъ свой!
За два тома, приписанные мнѣ вашею дружескою
благосклонностью, подношу вамъ четыре. При-
мите количествомъ по неимѣнію качества; удо-
вольствуйтесь разказами о дѣлахъ обыкновенна-
го, прозаическаго быта — за свѣжую, оригиналь-
ную, поэтическую повѣсть сына Степей Киргизъ-
Кайсацкихъ; за произведеніе привольнаго москов-
скаго досуга, возьмите книгу, составленную по-
среди непрерывныхъ развлеченій, заботъ, хло-
потъ самыхъ мелочныхъ, ничтожныхъ, убійствен-
ныхъ для чувства и воображенія! — Не знаю, по-
нравится ли вамъ моя Черная Женица; не знаю,

какъ приметъ ее публика: знаю только то, что я употребилъ все стараніе, всѣ завистьшія отъ меня средства, чтобъ этотъ романъ былъ сколько нибудь достоинъ вниманія любителей русскаго чтенія. Неудачу въ цѣломъ — припишу отсутствію во мнѣ авторскаго таланта; недостатки и промахи въ частности — неотвратимымъ моимъ обстоятельствамъ. Журналисту труднѣе, нежели всякому другому, заниматься сочиненіемъ книгъ: отъ цѣнителя чужихъ трудовъ читатели требуютъ гораздо больше нежели отъ инаго; и всѣ хотятъ быть судьями того, кто принялъ на себя званіе судьи всѣхъ другихъ.

Все кажется въ другихъ ошибкой намъ,

А примешься за дѣло самъ,

Такъ напроказишь вдвое хуже.

Теперь нѣсколько словъ о содержаніи, или собственной повѣсти романа. Но если вы не хотите разочароваться до времени, совѣтую вамъ пробѣжать это объясненіе уже по прочтеніи отраднaго для писателя и читателей слова — конецъ!

Лѣтъ за двадцать предъ симъ слышалъ я, въ одномъ пріятельскомъ кругу, невымышленный рассказъ о жизни чловѣка, который, въ младенчество своемъ, былъ испуганъ однимъ страннымъ явленіемъ во время московской чумы. Это явленіе сдѣлалось его неразлучнымъ спутникомъ, предвѣщало ему счастье и бѣду, радость и печаль, успѣхъ въ дѣлѣ и неудачу, и исчезло только съ того времени, какъ повторилось предъ глазами мечтателя въ дѣйствительности. Главное содержаніе моего романа основано на этомъ преданіи.

Разказы о видѣніяхъ, помѣщенные въ этомъ романѣ эпизодами, равномѣрно не вымышлены мною. Всѣ они основаны на изустныхъ преданіяхъ. Извѣстіе объ огненномъ змѣѣ, пролетѣвшемъ чрезъ Петербургъ, въ сентябрь 1796 года, найдете въ книгѣ П. И. Сумарокова о жизни Екатерины Великой. — О странномъ видѣніи шествія изъ Адмиралтейства въ Зимній Дворецъ рассказывалъ одному моему пріятелю очевидецъ этого случая, корреспондентъ Академіи Наукъ, Г. Шретеръ, астрономъ и метеорологъ, умершій въ 1810

году, въ глубокой старости. — Разсказъ о видѣніи
Карла XI заимствованъ изъ шведскаго акта, сообщеннаго мнѣ П. Г. Бутковымъ. — Анекдотъ о
Густавѣ III слышалъ я отъ И. И. Козлова, которому онъ сообщенъ Графомъ Армфельтомъ. —
Вѣщій сонъ артиллериста приснился дѣйствительно и сбылся въ 1821 году, на походъ гвардіи
чрезъ Витебскую Губернію. — Предсказаніе Казотта напечатано въ его сочиненіяхъ. — Мнѣ казалось,
что эти и подобные разсказы не могутъ быть неумѣстными въ романъ, гдѣ главную роль
играютъ вымыслы и причуды воображенія.

Николай Грезъ

С. Петербургъ,
25-го Мая 1834.

КНИГА ПЕРВАЯ.

REMITTANCE

I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, 1796.

Въ первыхъ числахъ сентября, два молодые человека, во фракахъ, но, какъ замѣтно было по всѣмъ ихъ пріемамъ, военные, сидѣли на скамьѣ въ большой аллеѣ Лѣтняго Сада. Немногіе городскіе жители пользовались ясностью пріятнаго осенняго дня. Одинъ изъ молодыхъ людей всматривался въ прохожихъ, перемигивался съ пріятелями, кланялся знакомымъ; другой сидѣлъ тихо, смотрѣлъ въ землю, и чертилъ что-то тросточкою на пескѣ. — «Что ты опять задумался, князь?» спросилъ первый у своего товарища. Князь не отвѣчалъ, и, по-видимому, не слыхалъ вопроса. — «Полно размышлять!» повторилъ первый громче. «Опять ты въ своихъ

*

воздушныхъ чертогахъ! Очнись. Вспомни хоть о товарищѣ, котораго ты оставилъ на землѣ.» Князь взглянулъ на него, какъ будто припоминая, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается, и послѣ минутнаго молчанія сказалъ: «Виновать, другъ мой! Я не знаю.... Что бишь такое?» — «Ничего!» отвѣчалъ другъ: «только пора обѣдать. Въдѣ у сестрицы твоей ждать не будутъ, а если застанемъ ее за столомъ, то прійдется выслушать длинную рацею твоей мачихи о развратѣ рода человѣческаго, обѣдающаго нынѣ послѣ полудня.» — «Ты правъ!» сказалъ князь, вставая: «поѣдемъ.» Молодые люди, взявъ другъ друга подъ руки, вышли изъ саду, и сѣли въ карету. «Къ сестрицѣ!» сказалъ князь. — «Къ Алевтинѣ Михайловнѣ!» закричалъ лакей, вскочилъ на запятки, и карета помчалась къ Таврическому Саду.

Князь въ каретѣ молчалъ, по прежнему. Пріятелю это вскорѣ наскучило. «Если бѣ я не зналъ тебя съ младенчества, если бѣ не былъ свидѣтелемъ твоей задумчивости въ корпусѣ, то подумалъ бы, что ты влюбленъ, милый князь! Брось, сдѣлай дружбу, этотъ обычай. Ты часто приводишь въ смущеніе всѣхъ друзей и знакомыхъ. Посреди шумнаго общества, въ кругу веселыхъ товарищей, ты вдругъ умолкнешь, задумаешься, не видишь, не слышишь ничего. Въ корпусѣ, думали мы, что ты размышляешь о дифференціалахъ и интегралахъ. Но вотъ я воротился послѣ пятилѣтней разлуки, и опять нахожу тебя бую и философомъ, какъ прозвали тебя въ дѣт-

ствѣ товарищи.» — «Что дѣлать, Хвалы́нскій?» отвѣчалъ князь: «никто не воленъ въ своемъ нравѣ, когда нравъ этотъ получилъ направленіе съ первыхъ дней его жизни. Ты знаешь, что младенчество мое протекло среди ужасныхъ происшествій; что я въ дѣтствѣ былъ очевидцемъ такихъ явленій, какихъ иной во всю жизнь не встрѣтитъ. Потомъ осиротѣлъ, остался одинокъ, и изнылъ бы душою, если бъ не сохранила меня дружба. Она вспыхнула въ нашихъ сердцахъ въ одну секунду, когда насъ привезли въ корпусъ, къ генералу Пурпуру, тебя изъ Пскова, меня изъ Симбирска. Помнишь ли? Мы оба вдругъ очутились на чужбинѣ, среди людей неизвѣстныхъ, и когда удалились наши проводники, мы бросились другъ другу въ объятія, и залились горькими слезами.» — «Помню, помню!» сказалъ Хвалы́нскій съ чувствомъ: «Какъ уладительны эти воспоминанія! Теченіемъ времени они во мнѣ отчасти изгладились, но ты, вижу, памятливъе меня. Когда ты говоришь о временахъ нашего дѣтства, прошедшее воскресаетъ въ душѣ моей, и мнѣ кажется, что я, какъ прежде, хожу съ тобою по корпусному саду, въ кофейномъ камзолчикѣ, потомъ въ голубомъ, а наконецъ и въ мундирѣ. Продолжай, продолжай, любезный князь!» — «И мнѣ эти воспоминанія несказанно пріятны. Ты одинъ привязывалъ меня къ жизни. Казалось бы, что пылкій, вѣтреный, шумливый Хвалы́нскій не можетъ быть другомъ угрюмому, молчаливому, подъ

часть и несносному Кемскому, но не такъ было на дѣлѣ: ты былъ рѣзовъ, но чувствителенъ, смѣлъ и неугомоненъ съ другими товарищами, со мною уступчивъ, тихъ и нѣженъ. Кровати наши стояли рядомъ. Помнишь ли, какъ я однажды, въ испугъ отъ сновидѣнія, вскочилъ съ постели, и конечно больно бы ушибся, если бы ты не схватилъ и не удержалъ меня?» — «Помню! помню! Ты былъ блѣденъ, дрожалъ и, глядя ужасными глазами въ уголъ комнаты, кричалъ: вотъ она! вотъ черная женщина! Страшно, какъ вспомню!» — «И мнѣ страшно: въ эту самую ночь скончался батюшка.» — «Что ты? вотъ этого я не помню! Странно! И въ эту ночь тебѣ такъ причудилось? Поди же, толкуй съ философами! А право, я думаю, въ человѣкѣ есть что-то такое, чего не разгадали мудрецы, да врядъ ли и впредь разгадаютъ.» — «Точно!» сказалъ Князь Кемскій, сжавъ руку своего друга: «есть, навѣрное есть; только не всѣ это видятъ, не всѣ этому вѣрятъ.» — «А ты вѣришь?» спросилъ Хвалынский съ любопытствомъ. — «Увѣренъ!» отвѣчалъ князь: «причинъ не знаю, самыхъ явленій растолковать не умѣю, но они существуютъ. Мысль ли это, облеченная воображеніемъ въ видимыя формы; затаившееся ли въ душѣ воспоминаніе былаго случая, которое въ памяти разсудка исчезло; только есть видѣнія, представляющіяся не внѣшнему, а внутреннему нашему зрѣнію въ видѣ существъ дѣйствительныхъ. Есть! есть!» — «И ты говоришь объ этомъ такъ утвер-

дительно?» сказалъ Хвалынскій въ недоумѣніи: «я почитаю это одною догадкою.» — «Догадкою!» отвѣчалъ князь, улыбнувшись: «догадкою! Когда я говорю тебѣ, что такія видѣнія бываютъ, что мнѣ представляются они часто, и не безъ причины!» — «Да отъ чего же именно тебѣ, и тебѣ одному? Я, напримѣръ, никогда не видалъ ничего подобнаго; развѣ, бывало, иногда на походѣ, въ Польшѣ, послѣ хорошаго обѣда, причудится какая нибудь глупость.» — «Понимаю,» сказалъ князь: «эти призраки дымокъ винограднаго жару. Я говорю о другомъ: случаются видѣнія наяву, когда человекъ обладаетъ всѣмъ разсудкомъ и всѣми чувствами. И эти явленія имѣютъ связь съ его душевными движеніями, прошедшими, настоящими и будущими. Ты говоришь: отъ чего не всѣмъ видятся эти призраки? А я спрошу: отъ чего не всѣмъ нравятся, не всѣмъ понятны музыка, живопись и другія выраженія нашихъ внутреннихъ ощущеній? Образованіе, обученіе для этого не нужны: надобно особенное устроеніе души и ея органовъ. Одного учатъ музыкѣ весь вѣкъ, а онъ ничего въ ней не слышитъ и не чувствуетъ; въ другомъ, при первомъ звукѣ гармоніи, родной съ его душою, возникаютъ ощущенія, до толъ невѣдомыя. Такъ и съ голосомъ духовнаго міра: онъ внятень только тому, кто одаренъ способностью его слышать.» — Князь умолкъ и задумался по прежнему. Лице его пылало; глаза сверкали. Хвалынскій смотрѣлъ на него

съ изумленіемъ: онъ никогда не видалъ своего друга въ такомъ изступленномъ положеніи, хотѣлъ просить подробнѣйшаго объясненія; но въ это время карета остановилась у подъѣзда, открылись дверцы, и оба друга вышли.

II.

Мы знаемъ, что молодые друзья пріѣхали къ сестрѣ одного изъ нихъ.

Алевтина Михайловна, не родная сестра Князя Кемскаго, была дочь храбраго генерала Астіонова, убитаго въ первую Турецкую Войну. Матушка ея, Прасковья Андреевна, сочеталась вторымъ бракомъ съ вдовцемъ, Княземъ Кемскимъ, у котораго былъ одинъ сынъ, герой нашей повѣсти, и вскорѣ, какъ говорится, схоронила и втораго мужа. Дочь ея, Алевтина, воспитывалась у ней въ домѣ; пасынокъ, Князь Алексѣй Кемскій, въ кадетскомъ корпусѣ. Онъ былъ моложе сведенной сестры двумя годами, и когда онъ едва выходилъ изъ отрочества, Алевтина блистала уже на всѣхъ балахъ и праздникахъ. генералъ Астіоновъ прожилъ почти все свое имѣніе на службѣ; но Князь Кемскій оставилъ четыре тысячи душъ, назначивъ попечительницею своего сына его мачиху, и объявивъ падчерицу свою наслѣдницею имѣнія и фамиліи Князей Кемскихъ, если бъ сынъ его умеръ бездѣтнымъ. Поэтому князь иѣжно любилъ вторую жену свою?

Нельзя сказать; развѣ если примемъ правило: кого боишься, того и любишь. Она умѣла овладѣть умомъ и волею слабаго старика, и заставила его написать завѣщаніе въ пользу дочери, увѣривъ, что изъ любви къ нему отказала въ рукѣ своей милліонщику, который хотѣлъ, жениась на ней, записать все имѣніе Алевтинѣ. Между тѣмъ, молодая лѣта, цвѣтущее здоровье и крѣпкое сложеніе Алексѣя Кемскаго тревожили мачиху. «Бѣдное дитя!» говорила она, вздыхая: «Все миръ, да миръ; выйдеть въ службу, и отличиться нѣтъ случая. Я общала покойнику, Князь Ѳедору, непременно заставить сына пойти въ военную службу, а теперь не знаю, въ прокъ ли это ему будетъ. Ну, что за военная служба въ мирное время? Бѣдный мальчикъ! А онъ такъ и рвется, какъ бы положить животъ за Государыню и отечество. Подойдетъ къ портрету моего покойника, Михайлы Ѳедосѣича, да по часамъ глазъ не сводить съ георгіевскаго креста — такая военная натура!»

Княгиня Прасковья Андреевна, которой въ то время было уже за шестьдесятъ лѣтъ, могла служить живымъ примѣромъ тому, что для проложенія себѣ тропинки въ мірѣ, не нужно имѣть ни блистательнаго ума, ни отличнаго воспитанія, и что сіи качества очень хорошо могутъ быть замѣнены постоянствомъ въ преслѣдованіи своей цѣли, смѣтливостью, хитростью и лицемеріемъ. Она воспитана была по старинѣ, грамотъ знала плохо, ничего въ жизни не читала, по-Фран-

цузски говорила только: *бонъ-журъ* и *бонъ-суаръ*, *анишанте* и *о дезеспуаръ*, а между тѣмъ умѣла найти себѣ двухъ хорошихъ мужей, воспользо- ваться въ свѣтѣ блистательнымъ именемъ одно- го, княжествомъ и богатствомъ другаго. Видя очень хорошо, чего не достаетъ ей самой, она старалась замѣнить эти недостатки воспитаніемъ своей любезной Алевтины, единственной наслѣд- ницы ея умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Алевтина получила образованіе свѣтское: гово- рила по-французски и по-италіянски, какъ уро- женка Орлеана или Флоренціи, танцевала какъ четвертая грація, играла на фортепіанѣ и на арфѣ, пѣла какъ соловей, рисовала безъ помощи и поправокъ учителя. Природа украсила ее всѣ- ми своими дарами. Дочь маленькой, сухой, гор- батой Прасковьи Андреевны, была высока ро- стомъ, статна, граціозна, можно сказать величе- ственна. Большіе черные глаза безпрекословно повиновались ея расчетамъ, и, какъ храбрые вои- ны, въ нападеніи на врага исполняли долгъ свой. Руки нѣжныя, но не малыя; ножки — ихъ никто не видалъ: Алевтина не любила короткаго платья, и хотя во время ея служенія въ свѣт- скомъ легіонѣ, мода ровно семнадцать разъ вы- ставляла любопытнымъ взглядамъ ножки ми- лыхъ жрицъ своихъ, но Алевтина въ этомъ пунктѣ была непреклонна. Во все продолженіе моды, которую называла *неприличною*, она при- мѣтно тосковала и даже спадала съ лица; но лишь только бывало замѣтить въ модномъ жур-

налъ , что платя начали опускаться , вдругъ развеселится и похорошѣетъ. Лице у ней было правильное, овальное; ротъ не ротикъ, но за то зубы бѣлые , ровные , блестящіе. Непріятнѣе всего у ней былъ голосъ, звонкій, грубый, повелительный. — Умъ и нравъ, какъ уже сказано, заимствовала она у своей родительницы, но образовала ихъ по требованіямъ вѣка и новыхъ обстоятельствъ. Столь же постоянная, хитрая и пронырливая въ достиженіи того , что она почитала цѣлю жизни, Алевтина отринула кроткое лицемѣріе своей матери: начитавшись романовъ и разсужденій о добродѣтели и порокахъ, она составила свою собственную систему нравственности, облекла ее въ громкія фразы, и все-народно проповѣдовала. Добродѣтель, вѣчность, ничтожество благъ земныхъ , святость дружбы и родства, великодушіе, забвеніе самой себя — были у ней непрерывно на языкѣ. И — странное дѣло! — люди, ее окружавшіе, даже тѣ, которые имѣли съ нею отношенія независимыя, не близкія, были какъ будто заколдованы этимъ тономъ повелительнымъ и недопускающимъ противорѣчій; знали, что на сердцѣ у ней совсѣмъ не то , что на языкѣ; видѣли ея поступки, ни мало не сходные съ словами — и молчали, покорялись ей, изрѣдка только позволяя себѣ замѣтить кое-что объ этомъ страшилищѣ добродѣтели. — Подъ руководствомъ хитрой матери, пользуясь и дѣйствуя своими дарами, природными и пріобрѣтенными, Алевтина, холодная

и безсердая, не могла не сдѣлать хорошей партіи. Къ тому должно прибавить, что княгиня управляла, въ званіи опекуниши, всѣмъ имѣніемъ своего пасынка, и пользовалась его доходами, какъ собственными, называла его деревни и дома своими, и провозглашала дочь свою наследницею четырехъ тысячъ душъ. Эти прелести, эти добродѣтели, эти души плѣнили сердца многихъ. Алевтина могла выбрать любого. Она долго колебалась, рассчитывала, и наконецъ подала руку пятидесяти-двухлѣтнему генераль-поручику Элимову. Всѣ изумились: девятнадцатилѣтняя, блистательная, свѣтская дѣвица выходитъ замужъ за старика! Но она знала, что дѣлаетъ. Мужъ чиновный, въ александровской лентѣ, кандидатъ въ генераль-губернаторы, представлялъ великолѣпную перспективу ея властолюбію. Элимовъ же, съ своей стороны, рассчитывалъ, что ей достанется великолѣпное имѣніе, которымъ пользуется ея матушка. Красота, умъ, таланты Алевтины не умножали ея достоинствъ въ глазахъ жениха; нравъ крутой, повелительный ихъ не уменьшалъ. Элимовъ былъ выведенъ въ люди слѣпымъ случаемъ, прожилъ небольшое свое имѣніе, и рѣшился поправить состояніе бракомъ. Оба ошиблись въ своихъ расчетахъ: Алевтина, вскорѣ по вступленіи въ замужство, увидѣла, что мужъ ея человекъ ничтожный и по уму, и въ свѣтъ. Его принимали въ домахъ, приглашали на обѣды и вечера, но онъ вездѣ игралъ роль самую посредственную,

и не было ни какой надежды, чтобъ онъ когда либо могъ возвыситься службою. Это открытіе привело было молодую жену въ отчаяніе, но она утѣшилась мыслию, что нѣтъ такой вещи въ свѣтѣ, которой нельзя было бы поправить терпѣніемъ, постоянствомъ и умомъ, и рѣшилась пользоваться настоящимъ. Элимовъ, съ своей стороны, узналъ, также послѣ свадьбы, что только малая часть имѣнія Князя Кемскаго достается женѣ его, и что истинный наслѣдникъ живъ и воспитывается въ корпусѣ. Не трудно понять, что послѣдовало за этими открытіями: объясненія, ссоры, упреки, остуда. Высокопарныя фразы Алевтины, возгласы о добродѣтели и безкорыстіи не дѣйствовали на жесткую душу Элимова: онъ насмѣхался надъ ея правоученіемъ и краснорѣчіемъ, ѣздилъ въ англійскій клубъ, игралъ до глубокой ночи въ вистъ, и проигрывалъ, сколько было возможно. Одно должно сказать въ похвалу ему: узнавъ, что у Алевтины есть братъ, сирота, онъ поспѣшилъ навѣстить его въ корпусъ, и ни мало не помышляя о томъ, что этотъ молодой человѣкъ препятствуетъ ему поправить свое состояніе, приласкалъ его, въ послѣдствіи полюбилъ искренно, и всегда защищалъ безпріютнаго сироту отъ явныхъ и скрытныхъ нападеній своей жены и тещи. Элимовъ былъ человѣкъ необразованный и не слишкомъ нѣжный, но въ военной службѣ напился праводушіемъ и доброжелательствомъ къ ближнему: онъ женился по расчету, но ни-

когда, по расчету, не обидѣлъ бы своего шурина. Шесть лѣтъ протекло въ этомъ бракѣ. Элимовъ получилъ приказаніе ѣхать къ арміи, стоявшей тогда въ Польшѣ. Онъ охотно поскакалъ подѣ пули, чтобъ отдохнуть отъ непрерывной домашней перепалки, и чрезъ мѣсяцъ пришло извѣстіе, что онъ убитъ въ сраженіи. Алевтина увидѣла себя вдовою на двадцать шестомъ году, съ тремя дѣтьми. Всѣ церемоніи, обычныя при такихъ случаяхъ, исполнены были во всей точности: при полученіи письма, въ которомъ адъютантъ покойнаго, капитанъ фонъ-Дракъ, съ достодолжнымъ чинопочитаніемъ извѣщалъ ея превосходительство о постигшей ее и отечество потерѣ, она упала въ обморокъ; очнулась, при помощи домашняго доктора, чрезъ четверть часа; велѣла пустить себѣ кровь, и слегла въ постелю. Чрезъ три дня, когда поспѣлъ глубокой трауръ, вышла она изъ спальни, и начала велерѣчиво толковать о бренности жизни человѣческой, о безсмертіи души, о наградахъ на томъ свѣтѣ, объ отечествѣ, о сладости умереть на полѣ брани, и такъ далѣе. Печаль ея прошла скорѣе траурнаго года. Она очутилась вновь на свободѣ, еще молодою и красавицею. Многіе изъ прежнихъ вздыхателей бросились искать руки ея. Она слушала ихъ рассказы о сердечныхъ страданіяхъ, глядѣла на небо и утирала слезу. «Кто возьметъ за себя бѣдную вдову съ тремя сиротами? Не тѣ нынѣ времена!» говорила она.

III.

Въ то время, съ котораго мы начали рассказъ, исполнился годъ по кончинѣ генерала Элимова.

Когда Князь Кемскій вышелъ изъ кареты, очутилось у подъѣзда нѣсколько человѣкъ слугъ. Всѣ они съ искреннимъ усердіемъ, безъ низкаго раболѣпства, привѣтствовали своего добраго барина: они видѣли въ немъ истиннаго наследника господъ своихъ; чувствовали, что, поступивъ подъ его законную власть, отдохнуть отъ попечительства добродѣтельныхъ барынь. Князь Алексѣй, поздоровавшись съ добрыми людьми, пораспросивъ кое-о-чемъ стариковъ, взошелъ на лѣстницу. Хвалынскій, поискавъ лорнетомъ, нѣтъ ли въ этой толпѣ представительницъ прекраснаго пола, послѣдовалъ за своимъ другомъ.

Молодые люди вошли въ гостиную. На канapé, передъ круглымъ столикомъ, сидѣла Княгиня Прасковья Андреевна, маленькая, сухощавая старушка, въ простомъ бѣломъ платьѣ, въ старушьемъ чепчикѣ съ крыльями, и вязала сѣтку на палочкѣ. Подлѣ нея, на вышитыхъ подушкахъ, лежали двѣ гнусныя моськи. Надъ канapé висѣли два портрета: Михаила Ѳедосѣича Астіонова, въ армейскомъ мундирѣ, и супруги его, въ высокой прическѣ семидесятыхъ годовъ: на портретѣ она сохранила свою умильную улыбку; въ рукѣ у ней былъ пестрый тюльпанъ.

Вокругъ портретовъ висѣло около двадцати фамильныхъ силуэтовъ. Комната убрана была въ старинномъ вкусѣ: въ бортахъ стѣнной живописи извивались арабески, въ которыхъ гнѣздились небывалыя въ природѣ птицы. Посреди комнаты висѣла большая люстра съ гранеными стеклышками. Мебели простаго дерева, выкрашенные бѣлою краскою съ синими каемками; на спинкахъ стульевъ нарисованы цвѣты. Окна украшены бѣлыми миткалевыми занавѣсками. Подъ зеркалами въ золотыхъ рамахъ, стояли бѣлые мраморные столики на деревянныхъ вызолоченныхъ ножкахъ; на столикахъ фарфоровыя вазы съ душистыми травами. На уступѣ изразчатого камина представлялась въ лицахъ эклога Александра Сумарокова: фарфоровый пастушокъ *млѣлъ* у ногъ фарфоровой пастушки. На аркадскую сцену смотрѣли съ боку два китайскіе урода.

У одного окна сидѣла, въ креслахъ, Алевтина Михайловна, въ модномъ утреннемъ неглиже, и думая о чемъ-то крѣпкую думу, играла въ рулетку. — Передъ нею стоялъ, въ покорномъ молчаніи, капитанъ Иванъ Егоровичъ фонъ-Дракъ, въ мундирѣ, при шпагѣ, держа пальцы по квартирамъ, смотрѣлъ ей въ глаза, и готовился сказать: «Да, да! точно такъ, ваше превосходительство!»

Какъ очутился здѣсь адъютантъ? Предавъ землѣ тѣло своего генерала, и не чувствуя въ себѣ охоты послѣдовать его примѣру, онъ выпросилъ

ся въ Петербургъ, подъ предлогомъ необходимости его присутствія для сдачи дѣлъ генерала по начальству. Главнокомандующій не колебался уволить его, и когда Фонъ-Дракъ пришелъ къ нему, чтобъ поблагодарить за отпускъ и откланяться, сказалъ вслухъ при множествѣ офицеровъ: «Съ Богомъ, батюшка, съ Богомъ! Помилуй Богъ, сколько было дѣлъ у покойника! Вамъ не справиться до окончанія кампаніи. Оставайтесь же въ Петербургъ, сколько угодно: мы и безъ васъ какъ нибудь сладимъ.» — Всѣ присутствовавшіе засмѣялись. Фонъ-Дракъ низко поклонился, вышелъ изъ палатки, и на вопросъ одного товарища, какъ его принялъ генералъ, отвѣчалъ съ восторгомъ: «Какъ сына роднаго! Этакой милости я не ожидалъ. Шелъ было къ нему, какъ на батарею, анъ нѣтъ: обласкалъ и осчастливилъ! Истинно великій человекъ!» — И вотъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и поступилъ въ прежнюю должность, не догадываясь, какія великія судьбы его ожидали.

«Ахъ, милый другъ, Алеша!» вскрикнула княгиня, приподнимаясь съ канапе. Князь Алексѣй подошелъ къ ней, и съ учтивостью и ласковымъ взглядомъ поцѣловалъ ей руку. «Какъ вы еъ своемъ здоровьѣ, маменька?» Между тѣмъ Хвалынскій, готовясь въ свою очередь подойти къ рукъ, исподтишка моднымъ востроносымъ сапогомъ толкнулъ спавшую моську. Она завизжала, а другая залаяла. — «Тише, проклятыя!» закричала Княгиня, замахнувшись на

нихъ табакеркою. «Слава Богу, душенька! Вчерашняя дурнота прошла отъ капель Христіана Карловича; я сегодня у Всѣхъ Скорбящихъ всю раннюю обѣдню отстояла, такъ теперь что-то устала. Да это пройдетъ. А ты, голубчикъ, здоровъ ли, ангелъ мой?» Князь Алексѣй поклонился, и повернулся къ сестрѣ. Хвалынскій, въ свою очередь, поздоровался съ княгинею. Зоркая старуха, замѣтивъ, что онъ былъ виною страданій и вопля бѣдныхъ мосекъ, отвѣчала ему на вопросы съ явною досадою.

«Bon jour, mon frère!» сказала, вставъ съ своего мѣста, Алевтина, какъ будто пробужденная изъ какого-то глубокаго размышленія. Князь поцѣловалъ ее. «Qu'avez vous, ma chère?» спросилъ онъ: «Vous êtes pensive?» — «Ce n'est rien, mon cher!» отвѣчала она, стараясь скрыть волненіе душевное. — «Послушай, душа моя, Алешенька!» начала княгиня: «я скажу тебѣ новость!» Алевтина покраснѣла, топнула ногою и взглянула на мать свою грознымъ окомъ. — Княгиня отвѣчала дочери взглядомъ же, чтобъ она не боялась, и продолжала начатое: «Княгиня Пелагья Васильевна женить сынка на купеческой дочкѣ, и беретъ полтора милліона чистагану. Вотъ умная женщина! Покойникъ-отъ князь все спустилъ въ карты, а она, матушка, видишь, какъ поправляется.» — «Знаю, ваше сіятельство!» возразилъ, смѣючись, Хвалынскій: «я собираюсь поднести новой княгинѣ самаго лучшаго парижскаго порошку, чтобъ вычистить зубы. Румянъ

и бѣлилъ у ней довольно.» — Княгиня съ возраставшею злобою глядѣла на Хвалынскаго, и искала въ умѣ отвѣта. Въ это время фонъ-Дракъ, не замѣчая, что поднимается буря, подошелъ къ Князю Алексѣю, и сказалъ съ низкимъ поклономъ: «Все ли вы въ добромъ здоровьѣ, ваше сіятельство, Князь Алексѣй Ѳедоровичъ?» — Здоровъ, а вы, Иванъ Егоровичъ?» спросилъ князь привѣтливо. — «Да-съ, не могу не быть здоровымъ!» отвѣчалъ онъ, раболѣпно поглядывая на Алевтину: «ея превосходительство....» — Алевтина взглянула на него значительно и гнѣвно. «Да, да, да!» пробормоталъ дробью фонъ-Дракъ, смѣшавшись.

Молодые люди замѣчали, что въ домѣ происходитъ нѣчто необыкновенное, что всѣ въ какомъ-то смущеніи; видно, скрываютъ, и кажется, хотятъ открыть. Не знаемъ, что послѣдовало бы за этимъ, если бъ не вошелъ въ комнату низенькій, толстый дворецкій, въ сѣромъ фракѣ, съ объявленіемъ: кушанье поставлено! Княгиня поднялась. Алексѣй подалъ руку махихѣ, и повелъ ее. Хвалынскій хотѣлъ повести Алевтину, но она, представясь, будто не замѣчаетъ его движенія, подала руку Ивану Егоровичу, который, до принятія этой чести, низко поклонился. Молодой вѣтреникъ вскорѣ утѣшился: въ столовой подошелъ онъ къ миловидной гувернанткѣ, которая привела къ обѣду дѣтей, и забылъ обѣихъ барынь.

За столомъ господствовало молчаніе. Хва-

лынскому казалось, что объ хозяйки задумываются и размышляют о чем-то важномъ. Князь Алексѣй былъ молчаливъ и задумчивъ, по обыкновенію. Фонъ-Дракъ, занимая всегдашнее свое адъютантское мѣсто, насупротивъ командира, разливалъ супъ, но не съ обыкновенными своими форменными пріемами: онъ былъ также въ какомъ-то смущеніи. Это безмолвіе наскучило Хвалынскому, и онъ началъ экзаминовать заслуженнаго адъютанта. «Что, почтеннѣйшій Иванъ Егоровичъ, сколько сегодня градусовъ тепла?» — «Тринадцать съ половиною въ тѣни,» отвѣчалъ Фонъ-Дракъ. — «А барометръ каковъ?» — «Поднялся на три линіи со вчерашняго вечера.» — «Какой сегодня вѣтеръ?» — «Юговосточный тихій.» — «Что вода въ Невѣ?» — «Убыла противъ вчерашней на полтора дюйма.» — «Исправно!» сказалъ Хвалынскій, и замѣтивъ, что этотъ разговоръ досаденъ Алевтину, прибавилъ: «Удивительно! какъ лексиконъ! такой адъютантъ чудо! — Скажите, почтеннѣйшій Иванъ Егоровичъ, сколько вы клали померанца на бутылку въ этотъ бишофъ — прекрасный!» — Алевтина вышла изъ терпѣнія. «Иванъ Егоровичъ,» отвѣчала она въ сердцахъ: «этимъ не занимается. Онъ истинный мнѣ другъ, и руководитель дѣтей моихъ. Не его вина, что скромныя добродѣтели не находятъ цѣнителей въ нынѣшнемъ мишурномъ свѣтѣ. Дѣти мои.....» — «Ахъ, точно, Алевтина Михайловна! Я знаю, какъ достойный капитанъ печется о вашихъ дѣтяхъ. Скажите, почтеннѣй-

шій Иванъ Егоровичъ, какъ спала эту ночь Катенька? Она зубы дѣлаетъ, такъ, я думаю, вамъ отдыху не дала!» — «А почему же такъ? да...съ?» спросилъ фонъ-Дракъ, въ замѣшательствѣ: «не могу-съ этого знать, да...съ.» — «Такъ вы ужъ перестали ее укачивать?» — Алевтина вспыхнула: «Помилуйте, Александръ Петровичъ, съ чего вы взяли, что Иванъ Егоровичъ укачиваетъ моихъ дѣтей?» — Хвалынскій смѣялся, не отвѣчая ни слова. — «Это-съ отъ того-съ, ваше превосходительство,» сказалъ фонъ-Дракъ: «они-съ, то есть, Александръ Петровичъ-съ... однажды-съ, — да-съ — однажды-съ, видѣли-съ, какъ я укладывалъ спать Платона Сергѣевича, такъ они-съ и заключили-съ, будто-съ...» — «Истинный другъ мой, благодѣтель моихъ сиротъ!» сказала Алевтина торжественнымъ голосомъ: «пусть порочный свѣтъ судить о тебѣ по своимъ превратнымъ понятіямъ. Я тебя понимаю!» Съ этими словами протянула она чрезъ столъ руку свою къ фонъ-Драку, который схватилъ ее и съ почти-тельнымъ жаромъ поцѣловалъ. Князь Алексѣй смотрѣлъ на сестру съ изумленіемъ. «Это что?» спросилъ Хвалынскій въ недоумѣніи. — «А это то,» отвѣчала ему съ злобою Алевтина: «что вы своими неумѣстными шутками заставляете меня при васъ, при чужомъ человѣкѣ, открыть тайну, которую я хотѣла объявить въ тѣсномъ кругу своего семейства. Знайте же, сударь...» — Князь, видя возрастающій гнѣвъ сестры своей, прервалъ ее съ кротостью: «Полно, сестрица! Не

сердись на моего Александра. Онъ любитъ по-смѣяться, но, право, никого обижать не станетъ. И вы, Иванъ Егоровичъ, конечно понимаете дружескія шутки?»—«Какъ не понимать, ваше сіятельство; да-съ, точно-съ... они шутить изволятъ-съ.»—«А я этого не терплю!» сказала Алевтина, вставая изъ-за стола: «на все есть время и мѣсто!» Она перекрестилась, обратясь къ образу, поспѣшно подала руку адъютанту, и пошла въ гостиную впереди всѣхъ. Прочіе послѣдовали за нею въ безмолвіи. Князь, посматривая на Хвалынскаго, качалъ съ упрекомъ головою; Хвалынскій отнѣкивался взглядами, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣху, а княгиня шла съ пасынкомъ, бормоча что-то сквозь зубы. Въ гостиной всѣ, по заведенному этикету, подошли къ ручкѣ, сначала къ княгинѣ, потомъ къ Алевтинѣ Михайловнѣ. Послѣ этого усѣлись на канapé и на близстоящихъ креслахъ. Фонъ-Дракъ также занялъ мѣсто, по нетерпѣливому приглашенію Алевтины. Минуть десять продолжалось прежнее молчаніе. Наконецъ Алевтина откашлялась громко, по своему обыкновенію, потерла руки, какъ будто умываясь, и начала слѣдующую рѣчь: «Любезный братецъ! я хотѣла было наединѣ сообщить тебѣ о предметѣ весьма для меня важномъ, но теперь рѣшилась говорить при всѣхъ (взглянувъ значительно на Хвалынскаго). Подкрѣпляемая правилами религіи и добродѣтели, я не боюсь толковъ, но уважая въ себѣ достоинство женщины и матери, должна

стараться избѣгать ихъ. И такъ объявляю тебѣ, что я рѣшилась вступить въ бракъ.» При этихъ словахъ Фонъ-Дракъ всталъ и почтительно поклонился всей компаніи.— «Пусть свѣтъ судить по наружному блеску и минутной славѣ: я наслаждалась всѣми его благами, и не нашла въ нихъ удовлетворенія истиннымъ моимъ чувствамъ и мыслямъ. Есть достоинства, которыми затмѣваются всѣ фальшивыя блески развратнаго и недостойнаго свѣта. Есть люди, которые, подъ скромною наружностью, скрываютъ необыкновенныя достоинства, и одними добродѣтелями своими заставляютъ молчать злобу, клевету и зависть. Есть наслажденія душевныя, которыя превыше всѣхъ тщетныхъ удовольствій въ вихрь свѣтской жизни. Я нашла себѣ друга, нашла отца моимъ дѣтямъ, и рѣшилась соединить съ нимъ навѣки судьбу свою. Вотъ мой женихъ!» — Она произнесла послѣднія слова съ напряженіемъ всѣхъ силъ своихъ, указала на Фонъ-Драка, залилась слезами и закрыла глаза платкомъ.

Всѣ остолбенѣли. Князь не зналъ, что дѣлать. Хвалынскій также. Фонъ-Дракъ глядѣлъ на всѣхъ съ вопросительною миною. Старушка княгиня нюхала табакъ, и смотрѣла на моську.

Князь прервалъ утомительное молчаніе: «Не могу не одобрить вашего выбора, сестрица,» сказалъ онъ въ величайшемъ замѣшательствѣ: «Я самъ всегда уважалъ Ивана Егоровича за его честность, исправность по службѣ, уваженіе къ старшимъ, за его...» Князь остановился,

не зная, чѣмъ кончить. — «Но маменька,» — сказалъ онъ: «какъ маменька думаетъ? Скажите маменька, что вы думаете?» — «Никто какъ Богъ!» отвѣчала княгиня со вздохомъ и умильнымъ взглядомъ въ передній уголъ комнаты. — «А самъ Иванъ Егоровичъ?» спросилъ князь, болѣе и болѣе смущавшійся. — «Онъ!» вскричала Алевтина: «онъ — эта добродѣтельная душа, онъ открылъ мнѣ свои чувства — онъ уже давно...» При этихъ словахъ Фонъ-Дракъ бросился предъ нею на колѣни, и поднявъ руки, вскричалъ: «Владычица души моей!» — Алевтина, видно боясь дальнѣйшаго объясненія, сильно притиснула его ртомъ къ корсету, то есть, прижала къ сердцу нѣжной невѣсты, но Хвалынскій довершилъ начатое, и прошепталъ въ ухо изумленному князю:

Познай, koliko я тобою страстенъ!

Познай, koliko я несчастенъ,

Ставь плѣнникъ красоты твоей!

Засимъ пошли, какъ водится, поздравленія, лобызанія, слезы. Хвалынскій восхищался комическою сценою; но князь былъ очень огорченъ страннымъ поступкомъ Алевтины; не зналъ, чему приписать мгновенное воспаленіе пламенной страсти въ умной женщинѣ къ деревянному капитану, и поспѣшилъ, съ другомъ своимъ, выбраться изъ дому. Карета еще не пріѣзжала, и они пошли пѣшкомъ.

IV.

Дорогою Хвалынскій далъ полную волю смѣху, который такъ долго удерживалъ въ границахъ. «Ай-да женихъ! ай-да супругъ! И гордая генераль-поручица, покоренная любовною страстію, выходитъ замужъ за капитана! Превосходительство и благородіе! О любовь! любовь! Какія штуки ты творишь на свѣтъ!» — «Тебѣ смѣшно,» сказалъ князь: «а мнѣ такъ очень больно! Алевтина, умная, расчетливая, гордая Алевтина, выбрала этого болвана! И такъ скоро, такъ неожиданно! Непонятно и крайне обидно!» — «А тебѣ что до этого за дѣло?» спросилъ Хвалынскій. «Вѣдь она тебѣ почти совершенно чужая. Твой отецъ женился на ея матери — что это за родство?» — «Конечно не близкое,» сказалъ князь: «но у меня другой родни нѣтъ. Къ тому же я свято чту волю покойника батюшки: онъ назначилъ Алевтину и дѣтей ея наследниками моего имѣнія, если бъ я не имѣлъ своихъ. Это утверждено законнымъ порядкомъ. Но я и безъ его завѣщанія поступилъ бы не иначе. Покойника ея мужа уважалъ я искренно. Сергѣй Борисовичъ былъ человекъ простой, не-образованный, можно сказать, дикій; но имѣлъ доброе сердце, былъ честенъ и любилъ меня, какъ роднаго. Я обязанъ воздать тѣмъ же его дѣтямъ. И повѣришь ли, иногда закрадывается въ душу мою странная мысль, что я отнюдь

не долженъ жениться, для исполненія воли моего отца?» — «Вотъ это вздоръ!» сказалъ Хвалынскій. «Покойный Элимовъ никогда не рѣшился бы на такую жертву для чужихъ дѣтей.» — «А почему знать? Тебѣ извѣстенъ поступокъ его съ сыномъ бывшаго его начальника, Ветлина. Узнавъ о смерти благодѣтеля своей юности, убитаго подъ Измаиломъ, онъ поспѣшилъ къ его вдовѣ, и нашелъ ее на столѣ: она умерла въ родахъ. Добрый Элимовъ взялъ новорожденного сына, привезъ къ себѣ въ домъ, и объявилъ женѣ, что намѣренъ воспитать сироту наравнѣ съ своими дѣтьми. Жена и теща напали на него, называя мотомъ, врагомъ своего племени, и такъ далѣе. Но онъ устоялъ, какъ храбрый воинъ. Ребенка окрестили. Самъ Элимовъ былъ его воспріемникомъ. По совершеніи обряда, поцѣловавъ крестъ, Элимовъ сказалъ мнѣ строгимъ голосомъ: «Знаешь ли ты, Князь Алексѣй, что значить это крестное цѣлованіе? Я присягнулъ предъ Богомъ и людьми, быть отцемъ, наставникомъ и защитникомъ этого несчастнаго младенца. Но мнѣ не долго остается жить на свѣтѣ. Врядъ ли я дождусь того, чтобъ мой крестникъ выросъ. Меня не станетъ, такъ ты заплатишь за меня долгъ моему доброму командиру и благодѣтелю.» При этихъ словахъ, на грубомъ, дикомъ лицѣ Элимова, проглянуло какое-то необыкновенное чувство; слеза выкатилась изъ подъ густыхъ бровей по израненой щекѣ. Тогда въ первый и въ послѣдній разъ я

видѣлъ его плачущаго. И я оставляю дѣтей человека, который такъ благородно пекся о чужихъ дѣтяхъ! Нѣтъ! Я не даю монашескаго обѣта; не отказываюсь вовсе отъ возможности жениться, но дѣти Элимова всегда будутъ близки моему сердцу. Правда, что сестрица Алевтина....» — «Сдѣлай милость, перестань называть эту несносную женщину своею сестрою, а хитрую лицемѣрку, княгиню, матерью. Меня это всякой разъ какъ ножемъ въ сердце ударить!» вскричалъ Хвалынскій. «Пусть будутъ дѣти твоими питомцами — это такъ. Впрочемъ и они не пропадутъ: старшій, Григорій, крестникъ покойнаго Князя Потемкина; младшій, Платонъ...» — «Полно, полно, Хвалынскій, судить о дѣтяхъ! Никто не знаетъ, что изъ нихъ будетъ.» — «Конечно,» сказалъ Хвалынскій насмѣшливымъ тономъ: «подъ опекою и руководствомъ Ивана Егоровича Фонъ-Драка они сдѣлаются великими людьми. Но твоего Сережу надобно куда нибудь пристроить. Его тамъ заколотятъ. Онъ мальчикъ острый, рѣзвый; умъ и способности его быстро развиваются.» — «Да, благодаря доброй Натальѣ Васильевнѣ! Почтенная дѣвица! въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, исполняетъ она свои обязанности съ примѣрнымъ усердіемъ. Я и четверти часа не выдержалъ бы въ этомъ Содомѣ.» — «Вотъ умно, князь, что ты обратился къ этому предмету! Эта Наташа, признаюсь въ слабости, одна и привлекаетъ въ скучный домъ княгининъ. Я терпѣливо слушаю безконечные рассказы кня-

гини о старинѣ, и длинныя рѣчи Алевтины Михайловны о добродѣтели и безкорыстіи, въ ожиданіи той счастливой минуты, когда это благородное, миловидное, прелестное существо войдетъ въ комнату. Я никогда въ жизни порядочно не влюблялся, но, смотря на черные глаза Наташи, слѣдя ея очаровательную улыбку, частехонько хватаюсь за сердце, тутъ ли еще оно. И при этомъ, какой умъ, какое образованіе!» — «Правда,» отвѣчалъ Алексѣй: «она премилая дѣвица, какихъ я мало встрѣчалъ въ свѣтѣ. Но мнѣ кажется, что умъ и красота даны ей природою на счетъ сердца. Она холодна, нечувствительна, горда. Въ первые дни пребыванія ея въ домъ сестры, мнѣ казалось, что мы съ нею подружимся: она разговаривала со мною свободно, непринужденно, довѣрчиво, но вдругъ все перемѣнилось. Я сдѣлалъ глупость, подарилъ ей въ именины пару брилліантовыхъ серегъ. Если бъ ты зналъ, какую бѣду я на себя накликалъ! Во-первыхъ, матушка и сестрица прогнѣвались на меня и на нее: у нихъ у самихъ не было такихъ серегъ. Въ-вторыхъ, сама Наташа перемѣнила обращеніе со мною: она не могла отказаться отъ подарка, но приняла его, какъ горькую обиду, заплакала, и съ тѣхъ поръ перестала говорить со мною. Нестерпимая гордость! Ей стыдно было принять подарокъ отъ чужаго человѣка, а я дарилъ ее за стараніе о воспитанникѣ моемъ, котораго она своими попеченіями избавила отъ смерти въ корѣ. — Жен-

щина нечувствительная, гордая, по моему мнѣнію, не загладитъ своихъ недостатковъ умомъ и красотою. Сердце, сердце! вотъ источникъ нашихъ добродѣтелей, вотъ причина нашихъ страданій и наслажденій!» — «Нѣтъ, князь! ошибаешься!» промолвилъ Хвальнскій съ едва примѣтнымъ вздохомъ: «сердце есть и у Наташи, да видно, не намъ съ тобою оно вѣсть подаетъ.» — «А въ самомъ дѣлѣ жаль,» продолжалъ князь: «что она такая гордая! Никогда не встрѣчалъ я такой миловидной женщины. Иногда, при разсказѣ о чемъ нибудь интересномъ, о какомъ либо подвигѣ добра, о пожертвованіи самимъ собою, о страданіяхъ человѣчества, у ней появляется въ глазахъ и на лицѣ такое выраженіе, что поклялся бы въ ея чувствительности, и даже излишней! И все это маска, жаль! Всякой человѣкъ есть ложь, говорятъ въ свѣтъ.» — «Да, когда онъ представляется добрымъ,» сказалъ Хвальнскій: «за то фуріи являются во всемъ своемъ блескѣ. Объ Алевтинѣ Михайловнѣ не скажутъ, что она притворяется, когда вспылитъ на кого нибудь.» — «А я такъ скажу, что и у Алевтины есть хорошія стороны. Меня она навѣрное любитъ — правда, посвѣтому. И любовь ея нерѣдко доходитъ до непростительнаго баговства. Мнѣ, на примѣръ, давали въ ребячествѣ совершенную волю: денегъ было у меня довольно, слугамъ приказано было слушаться меня безпрекословно. Начальниковъ и учителей моихъ дарили, ласкали, просили ихъ не обходиться со

мною слишкомъ строго, не принуждать къ учению, боясь, чтобъ это не повредило моему здоровью. И я сдѣлался бы, можетъ быть, величайшимъ негодяемъ, если бъ не....» — Князь умолкъ и задумался. — «И ты это называешь любовью!» вскричалъ Хвалынскій: «да это хуже всякой ненависти! Хорошо, что у тебя такая добрая натура, а не то, былъ бы я безъ друга. Но, видно, дѣтствомъ баловство и кончилось. Теперь нерѣдко поглядываетъ она на тебя, какъ гремучая змѣя.» — «Перестань меня мучить, Александръ! Мы не вольны выбирать себѣ родню. Провидѣніе лучше насъ знаетъ, что каждому нужно и полезно. И замѣть, что гораздо меньше бываетъ раздоровъ между братьями и сестрами, нежели между супругами. Это отъ того, что братьевъ и сестеръ даетъ намъ Богъ, а женъ выбираемъ мы сами. Чтó дѣлать, если у сестры моей нравъ не самый кроткій? Я знаю и вижу, что она властолюбива, вспыльчива, иногда показываетъ непомерную жадность и зависть, но кто безъ пороковъ? Она терпитъ мои слабости, и я долженъ снисходить къ ней. Къ тому же, какъ и не быть ей бережливою, какъ не стараться о пріобрѣтеніи? У ней имѣнье небольшое и трое дѣтей.» — «Агнецъ непорочный!» шепталъ про себя Хвалынскій: «его стригутъ безъ жалости, а онъ радуется, что ему будетъ легче!» — «Напрасно ты говоришь,» продолжалъ князь: «что она баловала меня только въ дѣтствѣ. И въ послѣдствіи не худо было бы, если бъ

она не давала мнѣ лишней воли. Чтеніе военныхъ книгъ, рассказы покойнаго зятя, бесѣды съ заслуженными корпусными офицерами — все это вселило въ меня страсть къ военной службѣ — дѣйствительной, противъ непріятеля. Я богатъ, хорошей фамиліи, слѣдственно могъ поступить офицеромъ въ гвардію, и всѣ совѣтовали мнѣ это сдѣлать, даже покойникъ Элимовъ. Только Алевтина и Прасковья Андреевна хвалили мое намѣреніе, и совѣтовали пойти по арміи. Я такъ и сдѣлалъ. Потомъ, когда судьба заставила меня, армейскаго офицера, оставаться въ Петербургъ, при черченіи плановъ, между тѣмъ, какъ гвардія пошла подъ Шведа, обѣ онѣ крайне совѣстились и жалѣли, что позволили мнѣ поставить на своемъ. Что мнѣ до ихъ слабостей и недостатковъ? Онѣ мнѣ свои, онѣ меня любятъ, а впрочемъ судья имъ Богъ!» — «Но теперь у тебя еще свой человекъ, зять нумеръ второй, Иванъ Егоровичъ фонъ - Дракъ. Поздравляю!» — «Это непостижимо!» сказалъ съ досадою князь. «Гордая, властолюбивая Алевтина выходитъ за самаго ничтожнаго человека. Впрочемъ, онъ человекъ строгой честности, аккуратенъ до педантства, услужливъ, вѣжливъ, не спорщикъ; можетъ стать, будетъ и хорошимъ мужемъ; только что онъ общается въ будущемъ для Алевтины и дѣтей ея? Неужели она влюбилась въ этого флигельмана?» — «И я не могу понять», сказалъ Хвалынскій: «что она въ немъ нашла. Только о будущей судьбѣ его

я не беспокоюсь: онъ протрется далеко — то бочкомъ, то ничкомъ, иногда и ползкомъ. Такіе люди сдѣланы для мѣстъ по службѣ, а мѣста для нихъ. Онъ будетъ исполнять непрекословно и исправно всѣ приказанія командира, и самыя глупыя, не смѣя думать, что командиръ можетъ ошибиться; умничать не станетъ: для умничанья нуженъ какой нибудь умъ; секретовъ не перескажетъ: у него лексиконъ начинается словомъ *да*, и оканчивается словами: *точно такъ-съ, слушаю-съ*. Увидишь, какъ онъ пойдетъ въ гору, при помощи своей супруги и тещи!» — «Дай Богъ ему хоть этого!» сказалъ князь со вздохомъ.

V.

Странныя приключенія того дня, неожиданный поступокъ Алевтины, догадки о будущемъ — все это разстроило князя. Хвалынскій, нѣжно любившій своего товарища, который всегда былъ для него идеаломъ благородства, ума и образованности, не могъ найти средствъ, чтобъ разсѣять его задумчивость. Князь никогда не былъ словоохотенъ, а въ случаѣ какой нибудь непріятности, становился еще молчаливѣе обыкновеннаго. Менѣе всего желалъ Хвалынскій навести его въ это время на любимый предметъ размышлений и бесѣды князя — на сверхъестественныя вліянія и на видѣнія духовъ безплот-

ныхъ: ему, правда, странно было, что человекъ такого ума и воспитанія, какъ Князь Кемскій, можетъ вѣрить вещамъ, предоставленнымъ здравою философіею въ удѣлъ суевѣрнымъ старухамъ и людямъ непросвѣщеннымъ; но именно это обстоятельство и подстрекало его любопытство. «Въ этихъ предметахъ должно же быть что нибудь существенное,» говорилъ онъ самъ себѣ: «если мой умный, начитанный, знакомый съ исторіею и физіологіею, Князь Кемскій, вѣритъ въ ихъ дѣйствительность! Дамъ ему поотдохнуть отъ волненія нынѣшней досады, и потомъ найду случай напомнить объ этомъ любопытномъ дѣлѣ.» —

Случай этотъ вскорѣ представился. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, друзья наши узнали, что одинъ изъ корпусныхъ товарищей ихъ, капитанъ Вышатиный, на пути изъ Финляндіи, лежитъ больной близъ Выборгской дороги. Неуклюжій чухонскій ящикъ, въ двухъ станціяхъ отъ Петербурга, сбился въ темную, бурную ночь съ дороги, проѣхалъ верстъ двѣнадцать въ сторону, и опрокинулъ повозку въ глубокій оврагъ. Вышатиный, спавшій въ это время, проснулся отъ испугу и отъ жестокой боли въ правой ногѣ. Денщикъ вытащилъ его изъ-подъ повозки. Вышатиный ступилъ нѣсколько шаговъ, и упалъ на землю: нога его была смята и вывихнута. Что было дѣлать? Кое-какъ подняли коляску; оказалось, что задняя ось переломилась; подперли коляску оглоблею, и положили Вышатиного на подушки. Часа чрезъ два разсвѣло. Выша-

тинъ увидѣлъ себя въ самой живописной доли-
нѣ Финляндской Швейцаріи: шагахъ стахъ въ
трехъ лежала на возвышеніи чухонская дерев-
ня Сярки; подъ нею простиралась прекрасная
долина, орошаемая быстрымъ ручьемъ. Но стра-
дальцу было не до картинныхъ видовъ. Узнавъ,
что въ этой деревушкѣ нѣтъ никого, кромѣ
крестьянъ, и что верстахъ въ восьми находит-
ся пасторатъ, онъ рѣшился туда отправиться.
Досужій денщикъ изготовилъ носилки. Выша-
тина уложили, и четыре дюжіе Чухонца, въ
надеждѣ щедрой платы, понесли его въ пасто-
ратъ, или село Токсово, извѣстное петербург-
скимъ любителямъ загородныхъ прогулокъ. Тамъ
отвели ему на дворѣ понамаря просторную залу
въ большомъ деревянномъ домѣ, гдѣ обыкно-
венно останавливаются пріѣзжіе изъ Петербур-
га. Тотчасъ, по приглашенію Вышатины, явился
финскій пасторъ, человѣкъ учтивый и образо-
ванный, и привелъ съ собою старика лекаря,
который проводилъ у него лѣто. Поврежденіе
ноги оказалось неопаснымъ, но надлежало въ
теченіе нѣсколькихъ недѣль соблюдать величай-
шее спокойствіе, не двигаться съ мѣста и въ
точности исполнять предписанія хирургіи. День,
два Вышатины пролежалъ смирно; но когда боль
стала утихать, когда прекратилось у него голово-
круженіе, причиненное быстрымъ летомъ въ
глубокую яму и нечаяннымъ испугомъ, онъ по-
чувствовалъ смертельную скуку. — «Нѣтъ ли у
васъ какихъ нибудь книгъ?» спросилъ онъ у

пастора. — «Какъ не быть,» отвѣчалъ пасторъ, улыбаясь: «только все финскія и шведскія. Впрочемъ у жены моей есть и нѣмецкія.» — «Ради Бога, дайте хоть нѣмецкихъ!» жалобно сказалъ Вышатинъ, впрочемъ не большой охотникъ до нѣмецкой литературы. Приносятъ книги, и что жъ это? Всеобщая Повариха, Безъисходный Комплиментеръ и Корреспондентъ, и Балтазара Граціана Придворный Человѣкъ. Вышатинъ чуть не заплакалъ съ досады. Потерпѣвъ еще денекъ, онъ вздумалъ пригласить къ себѣ товарищей, и послалъ своего денщика, на чухонской телѣжкѣ въ Петербургъ, съ циркуляромъ: «Вышатинъ вывихнулъ дорогою ногу, и лежитъ въ Токсовѣ. Кому изъ кадетъ досужно, тотъ пріѣдетъ навѣстить товарища, умирающаго отъ скуки среди чухонскихъ лицъ, нѣмецкихъ книгъ и латинскихъ мазей.» — Денщикъ тотчасъ отыскалъ Князя Кемскаго и Хвалынскаго, рассказалъ имъ путевыя приключенія своего барина, и отправился съ отмѣткою ихъ на циркуляръ! «Читали; ѣдемъ сами, и повѣстимъ по всей ротѣ.»

Князь Кемскій обрадовался случаю отвести душу послѣ горькихъ и досадныхъ сценъ у Алевтины; Хвалынскій уже заранѣе влюблялся въ рыженькихъ и бѣловолосыхъ Чухонченокъ; взяли позволеніе командира поѣхать на недѣлю за городъ, и поскакали въ Токсово. Дорога туда идетъ сначала по болотному грунту, поросшему низкимъ кустарникомъ; это дно большаго

водоема, простиравшагося въ старыя, незапамятныя времена между нынѣшними берегами Финскаго Залива, Дудергофомъ, Пулковымъ и возвышеніями парголовскими и токовскими. Верстахъ въ двѣнадцать отъ Петербурга земля возвышается; показываются пригорки, появляются и лѣса; между возвышеніями дремлютъ озера. — Печальный видъ этой страны въ осеннее время склонялъ обоихъ друзей къ задумчивости, cadaго различнымъ образомъ: Хвальинскій, смотря на желтѣющіе листья, на блеклую траву, на сѣрое небо, съ сожалѣніемъ воспоминалъ о промелькнувшемъ съ быстротою молніи красномъ лѣтѣ, и считалъ, сколько времени остается до зимнихъ вечеровъ, когда искусственный свѣтъ замѣнитъ долгоденственное сіяніе лѣтняго солнца, когда бесѣды и увеселенія общественныя заставятъ забыть наслажденія природою. — Кемскій же глядѣлъ на померкающую красу природы, какъ на умирающаго друга; пробѣгалъ мыслію время, прошедшее съ минувшей зимы, исчислялъ свои наслажденія, успѣхи, надежды сбывшіяся и несбывшіяся; воображалъ, какъ все это, и окружающій его видимый міръ, и міръ, наполняющій его душу, покроется бѣлымъ саваномъ смерти, и какъ, по истеченіи урочнаго времени, красное солнце опять оживитъ природу, и она воскреснетъ вновь въ блескъ лучей весеннихъ. — Мысли эти настроили душу Кемскаго въ мечтательномъ, возвышенномъ тонѣ. — «Грустно смотрѣть на осеннюю природу,» ска-

залъ Хвалынскій: «точно умирающій человекъ, въ которомъ жизнь борется еще съ холодомъ смерти. Это зрѣлище всегда наводитъ на меня тоску. — «Въ этомъ я счастливѣе тебя,» сказалъ Кемскій: «явленія природы, и тихія и грозныя, и пріятныя и ужасныя — дѣйствуютъ на меня равно, возбуждая мысль о вѣчности, о неизмѣнной силѣ творческой природы, о благодати Провидѣнія, о безконечной и непостижимой мудрости, съ какою устроена вселенная. Не умираютъ эти поблекшіе листья, эти увядшія травы: они преобразуются въ начало, изъ котораго возникнетъ новая жизнь! Эта мысль утѣшаетъ меня при взглядѣ на унылую осеннюю землю, у одра умирающаго друга, и при помышленіи о собственной моей тлѣнности.» — «Рано, братецъ, намъ думать объ этомъ, да и страшно. Я не боюсь смерти въ сраженіи, даже въ военномъ лазаретѣ, а трепещу при мысли о томъ, что какая нибудь глупая простудная горячка можетъ, ни за что, ни про что, положить меня въ могилу. Всячески удаляю отъ себя мысль о возможности этого случая, и, благодаря Бога, привыкъ выгонять изъ головы грустные помыслы, какъ докучливыхъ мухъ.» — «Напрасно!» сказалъ Кемскій: «намъ должно заранѣе знакомиться съ смертію въ разныхъ ея видахъ; должно привыкнуть смотрѣть на нее не только равнодушно, но и съ какимъ-то утѣшеніемъ душевнымъ. Когда я вижу вокругъ себя страждущихъ и печальныхъ, когда помышляю о трудахъ, бѣдъ

ствіяхъ и мученіяхъ, привѣтствующихъ въ каждомъ человѣкѣ свою добычу при утреннемъ его просыпленіи; когда самъ иногда изнемогаю подъ бременемъ томительныхъ мыслей — тогда утѣшаюсь одною мыслию: вѣдь это не вѣчно; все это сонъ и мечтаніе; прійдетъ часъ пробужденія, называющійся у слѣпыхъ людей часомъ смерти, и весь этотъ міръ, съ своими страданіями и тѣлесными и душевными, исчезнетъ какъ тяжелое сновидѣніе, и душа моя, освобожденная отъ тяжелыхъ оковъ тѣла земнаго, очутится опять среди своихъ истинныхъ друзей.» — «Такъ ты увѣренъ, Кемскій, что увидишь на томъ свѣтѣ друзей, умершихъ прежде тебя? Да какъ это возможно?» — «Я увѣренъ, что со мною будетъ то, что быть должно; то, чего лучше я не могу придумать; то, чего слабый мой разумъ, дѣйствующій органами тѣлесными, постигнуть не можетъ; то, о чемъ иногда, въ темныхъ видѣніяхъ, только грѣзится душа моя!» — Хвалынскій ждалъ именно этого оборота рѣчи. «Не постигаю,» сказалъ онъ: «какъ ты дошелъ до этихъ видѣній. Ты, помнится, общалъ мнѣ рассказать, что возбудило въ тебѣ эту удивительную увѣренность въ дѣйствіи духовнаго міра еще въ здѣшной жизни.» — «Готовъ,» — «отвѣчалъ Кемскій: «но такъ какъ это убѣжденіе не можетъ назваться послѣдствіемъ какихъ нибудь внѣшнихъ внушеній, чтенія или минутнаго изступленія, а есть плодъ впечатлѣній, дѣйствовавшихъ на меня съ самаго почти

рожденія, плодъ наблюденій и размышленій всей моей жизни, то и должно мнѣ начать рассказъ свой издалека. Имѣй терпѣніе выслушать исторію всей моей жизни.

VI.

«Я родился въ Москвѣ. Объ отцѣ моемъ ты конечно слыхалъ: онъ былъ человекъ умный, образованный, благородный и притомъ чрезвычайно тихій, можно сказать, слабый. Служилъ не долго, потомъ поселился въ Москвѣ, и разъ въ годъ объѣзжалъ свои помѣстья въ низовыхъ губерніяхъ. Матушка моя — я едва ее помню — была ангелъ красоты и добродѣтели: скромная, милая, умная, добродушная. Она страстно любила добраго мужа и дѣтей своихъ, не желая ничего въ жизни, кромѣ продолженія своего тихаго семейственнаго счастія, но не долго имъ наслаждалась. Я былъ первый сынъ ея, предметъ всѣхъ ея помысловъ и стараній. Она не могла кормить меня грудью, но сама хотѣла учить всему, и даже наняла себѣ учителей, чтобъ приготовиться къ будущему воспитанію сына. Слабая тѣлосложеніемъ, чувствительная, раздражительная женщина разстроила свое здоровье безпрестанными заботами и трудами, но въ материнскомъ сердцѣ почерпала силы и средства исполнять то, что почитала своимъ долгомъ. Я

вижу ее будто сквозь сонъ, какъ она, бывало, посадивъ меня на диванъ подле себя, учить говорить, поправляетъ ошибки, и когда достигнетъ цѣли своей — радуется какъ дитя. Первое дѣтство мое протекло среди игръ, забавъ и уроковъ милой матери.

Вдругъ все вокругъ меня покрылось мглою. Батюшка въ то время уѣзжалъ въ Симбирскую Губернію, матушка оставалась въ Москвѣ одна со мною. Мнѣ было тогда года три отъ роду. Веселыя игры и шутки маменьки прекратились: она непрерывно плакала, и прижимая меня къ сердцу, говорила съ чувствомъ: «Бѣдное дитя! какая участь тебя ожидаетъ!» Домъ нашъ опустѣлъ; остались только человѣка три слугъ; сперва заколотили ворота, потомъ заперли и ставни: свѣтъ проходилъ сквозь небольшія въ нихъ отверстія. Каретный стукъ умолкъ на улицахъ; не слышно было ни гулу народнаго, ни голосу продавцевъ; иногда только раздавались дикіе, жалобные крики посреди общаго безмолвія, и какія-то грузныя повозки медленно стучали по мостовой. Когда, бывало, застучатъ эти колеса, матушка поблѣднѣетъ, заплачетъ, посадить меня къ себѣ на колѣни, и съ трепетомъ обниметъ. — Не постигая того, что происходитъ вокругъ меня, я однажды спросилъ маменьку, отчего мы теперь непрерывно одни и сидимъ въ потемкахъ, отчего она груститъ и плачетъ. «Это чума, другъ мой!» отвѣчала матушка: «множество людей умираетъ: кто толь-

ко дотронется до больного, тотъ самъ занеможетъ и непременно умретъ. Вотъ мы и заперлись, чтобъ никто къ намъ не зашелъ съ чумою. Она ходитъ по всей Москвѣ, и ужъ много такихъ дѣтей, какъ ты, плачутъ по отцу или по матери. Вѣдь ты не хочешь, чтобъ я умерла!» — «Нѣтъ! нѣтъ! маменька!» закричалъ я, обнявъ ее: «не умирай, не умирай, а если умрешь, то возьми и меня съ собою!» Слезы матери были отвѣтомъ на этотъ привѣтъ невинной души младенческой. — Повторяю, что все это я помню, какъ сквозь сонъ; можетъ быть, и вовсе не помню, а только составилъ въ воображеніи своемъ эту картину, по словамъ доброй моей няни.

Но вдругъ случилось происшествіе, которое и теперь такъ живо въ моей памяти, какъ будто бы я видѣлъ его вчера. Дѣтское мое любопытство было возбуждено разсказами о чумѣ: я воображалъ, что это злая волшебница, что она разъѣзжаетъ по городу въ колесницѣ, и убиваетъ людей. «Мы живемъ во второмъ ярусѣ дома,» думалъ я: «меня она не достанетъ, хотя бѣ я и выглянулъ въ окошко. Дай посмотрю, что это за чума.» — Однажды, вечеромъ, я сидѣлъ одинъ въ комнатѣ; вдругъ слышу на улицѣ знакомый мнѣ стукъ колесъ; казалось, повозка остановилась у нашего дома; взглянувъ на окна, сквозь щели ставень, вижу необыкновенный свѣтъ. Непреодолимое любопытство побѣдило во мнѣ боязнь. Осмотрѣвшись въ комнатѣ, и удостовѣрившись, что въ ней нѣтъ никого, я подо-

шелъ къ окну, вынулъ засовъ изъ желѣзнаго прута, которымъ запиралась ставня, и она съ шумомъ отлетѣла. И что я увидѣлъ на улицѣ! У воротъ дома, насупротивъ нашего, стояла большая фура, нагроможденная мертвыми тѣлами. Люди страшнаго вида, въ раздранной одеждѣ, толпились вокругъ повозки, при свѣтѣ факеловъ. Растворилось окно во второмъ ярусѣ, и оттуда выбросили мертвое тѣло, закутанное въ простыни; оно упало поперекъ повозки; страшные люди дико захохотали, и длинными баграми поворотили тѣло вдоль повозки; голова повисла назадъ. Въ это самое время вновь отворилось окно, и въ немъ показалась молодая женщина, въ черномъ платьѣ, съ распущенными по плечамъ черными волосами, покрытая смертною блѣдностью. И теперь вижу эти черты, въ которыхъ изображались тоска и отчаяніе. Она глядѣла внизъ на повозку, на лежавшее сверхъ другихъ тѣло. Повозка двинулась, и въ это самое мгновеніе женщина, съ дикимъ, пронзительнымъ воплемъ, который понынѣ раздается въ моемъ слухѣ, кинулась изъ окна.... Послѣ этого я уже ничего не помнилъ: очнулся въ своей постелѣ. Матушка терла мнѣ виски, и горько плакала. Няня лежала у ней въ ногахъ, прося прощенія, что оставила меня одного. Опамятованіе мое произвело общую радость. «Ничего, ничего, нянюшка! Богъ проститъ!» закричала матушка: «Алеша очнулся.» Я пролежалъ нѣсколько недѣль въ сильной горячкѣ, и съ пол-

года не могъ оправиться. Наконецъ тѣлесное здоровье мое возвратилось, но въ глубинѣ души затаилась какая-то грустная мысль, какое-то страшное ощущеніе, облеченное въ наружный видъ женщины въ черномъ платьѣ, устранившей меня паденіемъ изъ окна. Я не говорилъ никому, что видѣлъ въ тотъ вечеръ; всѣ думали, что одно зрѣлище фуры, нагруженной мертвыми тѣлами, меня испугало. Когда, бывало, мнѣ угрожала болѣзнь, эта женщина являлась мнѣ во снѣ, и смотрѣла на меня угрюмо. Послѣ такого сновидѣнія я ожидалъ болѣзни, и никогда не ошибался. Не думай, чтобъ болѣзни эти были послѣдствіемъ испуга, произведеннаго во мнѣ сновидѣніемъ — нѣтъ! Я привыкъ къ этому видѣнію, какъ къ старому другу, и въ послѣдствіи научился предугадывать по выраженію лица женщины, что предстоитъ мнѣ вскорѣ. Иногда являлась она печальною и смотрѣла на меня, опустивъ руки; въ другое время манила къ себѣ съ пріятною на устахъ улыбкою; случалось, что она была и угрюма: показывала видъ недовольный, и какъ будто грозила мнѣ. Воображеніе мое приноравливало къ этимъ видѣніямъ всѣ слѣдовавшіе за тѣмъ случаи жизни, и я мало по малу привыкъ считать это обстоятельство принадлежностію моей природы.»

«То есть, эта женщина являлась тебѣ во снѣ?» спросилъ Хвалынской. — «Не всегда во снѣ!» отвѣчалъ Кемскій: «въ необыкновенныхъ случаяхъ, когда отъ волненій душевныхъ прійдетъ

въ трепетъ мое тѣло, когда настоящая минута ужаснымъ своимъ потрясеніемъ сольетъ въ себѣ и прошедшее и будущее, она является мнѣ и наяву. — Расскажу тебѣ одно изъ самыхъ грозныхъ происшествій моего младенчества. — Но, стой! уже смеркается; становится холодно. Позволь мнѣ посадить Мишу къ намъ въ карету. Бѣдный мальчикъ продрогнетъ на козлахъ.» — «Помилуй, дѣлай, что тебѣ угодно; но позволь замѣтить, что ты крѣпко балуешь своего Мишку. Я думаю, если бѣ карета наша была не четверомѣстная, ты самъ бы въ состояніи былъ сѣсть на козлы, а камердинера посадить на свое мѣсто.» — «Можетъ быть,» сказалъ князь со вздохомъ: «но этотъ человѣкъ мнѣ дорогъ по многимъ отношеніямъ. Онъ сынъ моей кормилицы; его мать и понынѣ груститъ о гибели другаго вскормленника своего, моего брата, да и Миша малый предобрый, могу сказать, благородный. Онъ любитъ меня, какъ...» «Вотъ еще, не любить такого баловщика! Да я, вышедши въ отставку, самъ пойду къ тебѣ въ камердинеры. Зови же его!» — Князь остановилъ карету, и велѣлъ Мишкѣ сѣсть въ нее. Мальчикъ увѣрялъ было, что ему не холодно на козлахъ, но, по настоянію барина, повиновался.

Друзья продолжали прежній разговоръ — по-Французски.

«Страшное время чумы,» сказалъ Кемскій: «вскорѣ миновало. Ставни оконъ нашего дома

раскрылись; на улицахъ, по прежнему, застучали экипажи, раздался шумъ народный, комнаты наполнились приходящими. Только я, какъ уже сказалъ, не могъ воротить своей дѣтской безпечности: сказываютъ, что я пугался всякой бездѣлицы, плакалъ при малѣйшемъ поводѣ, при радости и при печали. И взрослый, я не могъ бы спокойно смотрѣть на несчастныя происшествія того времени въ нашемъ семействѣ. Здоровье матушки ослабѣвало, и чрезъ два года она скончалась послѣ трудныхъ родовъ. Батюшка, потерявшій въ ней все, что ему было дорого въ мірѣ, возненавидѣлъ Москву, полагая, что ужасныя явленія тамошней чумы были причиною преждевременной смерти его единственнаго друга, и отправился со мною и младшимъ братомъ моимъ въ симбирскую свою деревню. Тамъ росъ я на свѣжемъ сельскомъ воздухѣ, на совершенной свободѣ, и вскорѣ, говорятъ, сдѣлались видимы слѣды этого переселенія: я окрѣпъ тѣломъ и душею; сдѣлался веселъ и игривъ, по лѣтамъ, и въ самомъ дѣлѣ я не помню, чтобъ въ то время грозныя видѣнія мучили меня, какъ прежде. Но это спокойствіе было непродолжительно. Возгорѣлся бунтъ Пугачева. Запылали села, полилась невинная кровь въ счастливыхъ дотога низовыхъ странахъ. Страшная лава мятежа и кровопролитія направила разрушительный путь свой къ нашему уѣзду. Батюшка, какъ самый почетный въ округѣ помѣщикъ, по приглашенію чиновника, присланнаго

изъ Петербурга, отправился въ городъ на совѣтъ, не воображая, какой опасности подвергается бѣдныхъ своихъ дѣтей. Вдругъ одна изъ злодѣйскихъ шаяекъ вторглась въ наше село, окружила господскій домъ, и съ дикимъ воплемъ требовала помѣщика. На отвѣтъ, что онъ уѣхалъ въ городъ, разбойники возразили, что въ домъ конечно остался кто нибудь изъ его кровныхъ, и требовали у крестьянъ выдачи жены и дѣтей барскихъ. Добрые наши служители, любившіе барина своего какъ отца, отвѣчали, что барыня скончалась за полгода, а дѣти увезены отцемъ. Кровожадные изверги не повѣрили этому, и кинулись въ домъ. Старушка, моя няня, видя бѣду неминуемую, вдругъ раздѣла меня донага, и, вмѣсто тонкой сорочки и платъца, надѣла запачканную крестьянскую рубашенку и опоясала ветхою тесьмою. Я это сносилъ терпѣливо, но когда она вздумала сажею мазать мнѣ лице и руки, я закричалъ: «Нянюшка! нянюшка! что ты это меня пачкаешь? Я тятенькѣ пожалуюсь!» Она старалась меня успокоить, умоляла, чтобъ я молчалъ, но я не переставалъ плакать, срывалъ съ себя грязную одежду, и кричалъ: отдайте мнѣ мое платье! Комната наполнилась женщинами и дѣтьми, которыя вздумали въ господскомъ домѣ искать себѣ спасенія и пріюта. Всѣ со слезами просили меня замолчать, но напрасно. Уже слышались шаги буйной толпы; уже раздавались яростные голоса изверговъ, алкавшихъ господской

крови; уже растворилась настежь дверь въ переднюю, — вдругъ въ ней появилась черная женщина, какъ я привыкъ называть ее про себя: блѣдная, съ распущенными волосами, въ томъ же платѣ, какъ я видѣлъ ее во время чумы: она остановилась въ дверяхъ, вперила въ меня укоряющій взоръ, и погрозила пальцемъ. Я въ то же мгновеніе умолкъ, и оборотясь къ нянѣ, прижался къ ней лицомъ. Необычайный шумъ вскорѣ заставилъ меня оглянуться: комната наполнилась неистовыми, пьяными разбойниками. «Гдѣ щенята проклятыя!» вопили они: «али утаили ихъ, что ли! Всѣхъ перебьемъ!» Бабы съ дѣтьми бросились въ ноги злодѣямъ, и я припалъ подлѣ няни. «Ей же ей, ихъ нѣтъ здѣсь!» кричали онѣ: «вѣрьте Богу, отцы родные.» — «Смотрите!» ревѣли разбойники, разсыпаясь по комнатамъ: «если хоть одного найдемъ, всѣмъ вамъ конецъ! Признайтесь скорѣе, до бѣды!» Испуганныя женщины повторили свои клятвы. Шумная толпа кинулась въ другія комнаты, а старушка няня, схвативъ меня на руки, выбѣжала изъ господскаго дому въ село, принесла меня въ домъ своего сына, и посадила на печь. Она смертельно боялась, чтобъ я не вздумалъ кричать, упрямиться и требовать своего платя, но я былъ тихъ и нѣмъ, къ крайнему ея изумленію и удовольствію. Смятеніе продолжалось во весь день, къ вечеру утихло на улицахъ, но меня не выпускали изъ избы, не снимали съ печи; я заснулъ отъ испуга и усталости.

На другой день вступила въ село какая-то команда, и бунтовщики, по приближеніи ея, разбѣжались. Вскорѣ воротился батюшка, и моя спасительница принесла меня домой. Увидѣвъ отца моего, она бросилась ему въ ноги, восклицая: «Батюшка, Князь Ѳедоръ Петровичъ! вотъ сыночекъ твой, Князь Алексѣй! Прости, отецъ родной, что мы одѣли его какъ крестьянскаго мальчишку, да вишь злодѣи грозились всѣхъ баричей перебить, такъ мы и догадались: Богъ помогъ намъ, а ты, батюшка, не взыщи!» Отецъ съ радостными слезами обнялъ меня, и усердно благодарилъ няню; но не однѣ слезы радости пришлось ему проливать въ этотъ день. Няня, уstraшенная мыслию объ опасности своего питомца, не подумала о младшемъ братѣ моемъ, которому было десять мѣсяцевъ отъ роду. Кормилица его, слышавъ шумъ, въ испугѣ схватила ребенка, бросилась изъ дому въ село, изъ села — въ лѣсъ. На другой день нашли ее въ безпамятствѣ, верстахъ въ десяти отъ дому, на днѣ глубокаго оврага, покрытую ранами и ушибами, въ застывшей крови. Очнувшись, она объявила, что бѣжала безъ памяти, сама не зная куда. Вдругъ раздались вокругъ нея крики. Въ недоумѣніи и испугѣ, бросила она дитя въ кусты, а сама кинулась въ сторону. Ударомъ въ голову ее оглушило; она лишилась чувствъ, и покатилась въ оврагъ. По ея показанію, стали искать въ кустахъ и нашли подъ однимъ дѣтскую шапочку — болѣе ничего.

Всѣ разысканія, всѣ изслѣдованія были напрасны. Бѣдный младенецъ пропалъ. Не скажу: погибъ, и вотъ почему. Батюшка, сильно пораженный этимъ бѣдствіемъ, часто ходилъ со мною на то мѣсто, гдѣ пропалъ братъ мой; потомъ выложилъ туда дорогу, и на краю дикаго оврага построилъ домикъ. Это мѣсто было позорищемъ забавъ, игръ, мечтаній моего дѣтства. Чрезъ два года послѣ того ужаснаго происшествія батюшка повезъ меня въ Петербургъ, для отдачи въ кадетскій корпусъ. Наканунъ отъѣзда нашего мы пошли проститься съ нашимъ домикомъ. Это было въ августъ мѣсяцъ, послѣ обѣда. Батюшка, въ безмолвномъ уныніи, ведя меня за руку, обошелъ всю ту сторону, какъ будто ища своей невозвратимой потери, и когда начало смеркаться, вошелъ въ домикъ, гдѣ ожидала его няня съ чаемъ, а я остался на краю оврага. Мысль о томъ, что я оставляю мѣста, гдѣ жила матушка, гдѣ погибъ братъ мой, наполнила грустью мое младенческое сердце. Я пошелъ къ роковому кусту, и глядя на густую зелень его, думалъ: «Такъ ты умеръ, другъ мой?» Въ это время что-то темное приподнялось изъ-за густой зелени: всматриваюсь, и вижу знакомую мнѣ черную женщину, но не страшную, не грозящую, какъ бывало, а съ какою-то милою, утѣшительною улыбкою. Она покачала головою, какъ будто желая сказать: нѣтъ, онъ не умеръ! указала на тропинку, и разлилась туманомъ въ вечернемъ сумракѣ.»

Князь замолчалъ, выглянулъ съ страннымъ выраженіемъ испуга и удовольствія изъ окош-ка, смотрѣлъ нѣсколько секундъ на густыя сос-ны, чернѣвшіяся недалеко отъ дороги, и по-томъ улыбнулся со вздохомъ.

Хвальинскій пристально всматривался въ ту сторону, ничего не видѣлъ, и наконецъ спро-силъ: «Не причудилось ли тебѣ опять чего ни-будь?» — «Нѣтъ!» сказалъ князь: «что-то нале-тѣло на душу странное. Я вотъ уже нѣсколь-ко дней не могу освободиться отъ видѣнія — но оно не съ того свѣта.» При этихъ словахъ онъ покраснѣлъ. — «А! догадываюсь!» вскричалъ Хвальинскій: «сердце подстрѣлено. Пора, другъ мой, пора! Нельзя ли сдѣлать меня твоимъ по-вѣреннымъ?» — «Какъ можно?» сказалъ князь съ усмѣшкою: «ты мнѣ въ этомъ почти сопер-никъ. Но, нѣтъ! это пустое, вздоръ! Это игра воображенія. — «Тѣмъ легче тебѣ открыться!» продолжалъ любопытный Хвальинскій. — «Ска-жу тебѣ правду,» отвѣчалъ князь, какъ будто принуждая себя: «не знаю, отъ чего, только Наташа непрерывно мерещится у меня въ гла-захъ. Ты знаешь, что я ее уважаю, можно ска-зать, люблю за благородство ея нрава, за умъ, образованіе; но никогда не думалъ я чувство-вать къ ней что нибудь болѣе, и помнится, не-далѣе недѣли откровенно говорилъ тебѣ, до ка-кой степени ея гордая холодность меня оскорб-ляетъ. Вотъ дня четыре тому назадъ, я сижу у сестрицы въ гостиной. Матушка рассказыва-

ла что-то о своихъ женихахъ Елисаветинскихъ
временъ. Я нечаянно посмотрѣлъ въ зеркало, и
увидѣлъ, что Наташа, сидѣвшая тогда въ дру-
гой комнатѣ, устремила на меня глаза свои съ
какимъ-то необыкновенно томнымъ выраженіемъ.
Когда взоры наши встрѣтились въ зеркалѣ,
глаза ея засверкали, лице подернулось блѣдно-
стію, и мнѣ показалось, что въ немъ было вы-
раженіе лица моей мечты. Я глядѣлъ на нее
нѣсколько секундъ съ неизъяснимымъ наслажде-
ніемъ. Вдругъ она, какъ будто догадавшись,
что и я вижу ее, когда она на меня смотритъ,
отворотилась отъ зеркала, встала и поспѣшно
удалилась въ другую комнату. Чрезъ часъ уви-
дѣлъ я ее въ гостиной. Лице ея было нѣжное,
прекрасное, миловидное, правильное, но то не-
бесное выраженіе исчезло. Она глядѣла на ме-
ня учтиво, строго и холодно, какъ всегда, а я
и малѣйшимъ движеніемъ лица боялся дать ей
почувствовать, что помню, какъ наши глаза мѣ-
нялись взглядами въ зеркалѣ. Съ тѣхъ поръ
изображеніе ея въ зеркалѣ меня не покидаетъ.
Я вижу ее, пью восторгъ изъ глазъ ея, забы-
ваюсь; но эта мечта скорѣе всего проходитъ при
появленіи ея самой: вижу, что это не та!» —
«Вотъ друзья!» вскричалъ Хвалынскій съ коми-
ческимъ выраженіемъ отчаянія: «И эту у меня
отбиваютъ! Ну, могъ ли я думать, чтобъ ты
когда нибудь сдѣлался моимъ соперникомъ?
Впрочемъ, это, можетъ статься, къ лучшему.
Влюбиться нашему брату въ бѣдную дѣвицу:

любовь да любовь, нуль да нуль — нуль! Только въ одномъ отношеніи мнѣ не такъ накладно было влюбляться въ Наташу, какъ тебѣ. Ты князь, старинной, капитальной фамиліи, человѣкъ богатый, цѣль взглядовъ и вздоховъ многихъ знатныхъ барышень, а она дочь бѣднаго штабъ-лекаря, внучка какого нибудь понамаря, много что сельскаго священника — что это за пара! Я, бѣднякъ, болѣе къ ней подъ рядъ. Родъ Хвалынскихъ не блеситъ въ бархатныхъ книгахъ, и если бъ покойный мой отецъ не служилъ сорока лѣтъ вѣрою и правдою, не бывать бы мнѣ товарищемъ князей и графовъ.» — «Счастливецъ!» сказалъ Князь Алексѣй: «тебя не тяготитъ полученное отъ родителей титуло, налагающее на человѣка тму цѣпей и обязанностей въ свѣтъ. Впрочемъ ты болѣе похожъ на князя, нежели я, задумчивый, угрюмый, неуклюжій. Дочь штабъ-лекаря — слѣдственно человѣка благороднаго во всѣхъ отношеніяхъ, человѣка полезнаго, почтеннаго: почему бы ей не быть Княгинею Кемскою! — Нѣтъ! нѣтъ! не потому! нѣтъ — она меня ненавидитъ! И я хотя влекусь къ ней чѣмъ-то непонятнымъ, но любить ее, такъ, просто, по-человѣчески, не могу. Еще разъ скажу: не знаю, есть ли у нея сердце!» — «И все это къ лучшему, повѣрь мнѣ,» возразилъ Хвалынскій: «твоя, такъ называемая, матушка и сестрица хорошо бы приняли такую родственницу. Боже упаси!»

Въ теченіе этого разговора смерклось. Вдругъ

вльво отъ дороги блеснулъ огонекъ. Это Ток-
сово! сказалъ Мишка, отперъ дверцы, выско-
чилъ изъ кареты, и пошелъ впередъ, искать
дома понамаря.

VII.

Чрезъ нѣсколько минутъ Мишка закричалъ
кучеру: «здѣсь! стой!» и друзья, оставивъ ка-
рету, вошли въ большой деревянный домъ, уже
довольно ветхій, но еще не обшитый досками.
«Не здѣсь ли остановился больной офицеръ?»
спросилъ Хвалынскій. — «Десъ, пасалуйте!» от-
вѣчала рыженькая Чухончка съ кроличьими
глазками, и ввела прїѣзжихъ, чрезъ сѣни, въ боль-
шую комнату. Въ каминѣ пылалъ огонь и ко-
леблющимся блескомъ освѣщалъ бревенчатые,
неоклеенныя обоями стѣны, на которыхъ, въ
исполинскомъ размѣрѣ, рисовались тѣни собе-
сѣдниковъ, расположившихся вокругъ прїятнаго
въ осеннее время, домовитаго огня. Вышатишь,
молодой, прекрасный собою, въ щегольскомъ
халатѣ, лежалъ на черномъ кожаномъ канапѣ;
подлѣ него сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ,
степеннаго вида, бѣлокурый, въ черномъ одно-
бортномъ сюртукѣ, съ трубкою во рту: въ немъ
не трудно было узнать сельскаго пастора. Под-
лѣ пастора, въ ветхихъ креслахъ развалился
молодой человѣкъ, одѣтый съ великою небреж-
ностію, прїятной паружности, съ выраженіемъ

добродушія и дѣтской безпечности на лицѣ, которое по временамъ озарялось отблесками внутренняго вдохновенія; онъ пристально глядѣлъ въ каминъ, и, казалось, слѣдилъ за постепеннымъ разрушеніемъ дровъ, наблюдалъ каждую вспышку огня. Съ другой стороны камина облокотился на столикъ почтенный старецъ лѣтъ семидесяти — исполинскаго роста, сухощавый и статный. Густыми черными бровями приосѣнялись глаза, пылавшіе пламенемъ глубокаго чувства. Черные съ просѣдью волосы едва покрывали высокое, величественно округленное чело; носъ правильный греческій, на щекахъ слѣды румянца юныхъ лѣтъ, уста съ улыбкою спокойствія, выдавшійся подбородокъ — все это составляло физіономію необыкновенную, поражавшую всякаго невольнымъ почтеніемъ при первомъ на нее взглядѣ. Одѣтъ онъ былъ просто — въ старомодномъ коричневомъ сюртукѣ и въ темномъ камзолѣ; но все на немъ было какъ-то порядочно, какъ-то согласно съ его лицемъ, умнымъ и спокойнымъ. Когда пріѣзжіе наши вошли въ комнату, прервался, какъ имъ казалось, интересный разговоръ. Кемскій однимъ взглядомъ окинулъ эту живописную группу, и въ первую секунду нашелъ въ ней нѣчто похожее на тѣ нечаянныя сборища, которыя попадаютъ въ гостиницахъ романовъ.

«Друзья!» съ восторгомъ закричалъ Вышинъ, увидѣвъ входящихъ: «спасибо вамъ! Спасибо, философъ, и тебѣ, стрекоза — вы, чай,

не забыли еще вашихъ кадетскихъ прозвищъ— что посѣтили своего бѣднаго однокашника. Эй, люди! чаю, поскорѣе!» — Послѣ первыхъ распросовъ о здоровьѣ, Вышатиный познакомилъ князя и Хвальинскаго съ тремя своими собесѣдниками. Одинъ точно былъ тамошній пасторъ; другаго онъ назвалъ Андреемъ Ѳедоровичемъ Бериловымъ, прибавивъ, что онъ художникъ; при взглядѣ на третьяго, произнесъ съ почтеніемъ: «А это, Петръ Антоновичъ Алимари — облегчитель моихъ страданій; можетъ быть, и спаситель моей жизни. — Эти господа разогнали скуку моего одиночества своею бесѣдою; если вы любите меня, братцы, по-прежнему, по-корпусному — поблагодарите ихъ за ласку и дружбу къ незнакомцу. Этому же почтенному человѣку обязаны будете сохраненіемъ вашего друга!» Онъ протянулъ руку съ выраженіемъ искренняго чувства: старикъ, вставъ съ своего мѣста, подошелъ къ нему, и отвѣчалъ на его пожатіе руки пріятною улыбкою, выражавшею, что онъ цѣнитъ вниманіе и благодарность, но ни во что ставитъ свою услугу.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Кемскій сказалъ больному: «Кажется, что мы пріѣздомъ своимъ прервали вашу бесѣду — нельзя ли продолжать?» — «Да,» отвѣчалъ Вышатиный, смѣясь: «мы разсуждали, толковали и спорили о предметѣ очень занимательномъ, безъ котораго рѣдко обойдется дружеская бесѣда, нѣсколько продолжительная. Мы говорили о видѣніяхъ, о

предчувствіяхъ, о предсказаніяхъ и тому подобномъ. Я, признаюсь, отнюдь не вѣрю ничему въ этомъ родѣ, и никогда не перемѣню своего образа мыслей.» — «Не вѣрите?» возразилъ старикъ тихимъ, но крайне пріятнымъ голосомъ: «не вѣрите? Отъ чего же происходитъ, что вы съ любопытствомъ слушаете рассказы о необыкновенныхъ случаяхъ? Отъ чего сами сообщили намъ нѣсколько анекдотовъ? Вѣра въ чудесное, сверхъестественное основывается не на расчетахъ и заключеніяхъ разсудка, а на какомъ-то неизъяснимомъ внутреннемъ чувствѣ.» — «Такъ должно вѣрить, почтенный Алимари,» сказалъ съ жаромъ Вышатиный: «всѣмъ сказкамъ и бреднямъ старыхъ бабъ? Такъ вы имъ вѣрите?» — «Отнюдь нѣтъ! Мало ли ходитъ по свѣту вымысловъ, завѣренныхъ не только людьми простыми, суевѣрными, но и учеными; между тѣмъ это вымыслы, и только. Но неосновательность одного частнаго случая не можетъ заставить насъ думать, будто общее чувство, сродное всѣмъ людямъ, насъ обманываетъ. Притомъ замѣтите, что вѣра въ сверхъестественные случаи и видѣнія опровергается только отрицательно. Говорятъ: это не можетъ быть, да и только. Докторъ Джонсонъ утверждаетъ, что люди, отвергающіе дѣйствительность привидѣній усами, признаются въ ней своею боязнію. Не должно вѣрить безусловно всѣмъ рассказамъ, но должно изслѣдовать самыя дѣла, и по изслѣдованіи отличить истинное отъ ложнаго.»

Алимари говорилъ твердо и положительно. Выраженія его были чистыя русскія, но часто сбивались на книжный языкъ. Произношеніе его было не иностранное, но и не обыкновенное у насъ въ разговоръ. Выразительное движеніе устъ, пламенное чувство, блиставшее въ глазахъ его, голосъ гармоническій и самая эта необычайность языка придавали рѣчамъ его неизъяснимую силу и прелесть. Кемскій, можно сказать, глазами и слухомъ прилипъ къ устамъ его; сердце его невольно влеклось къ незнакомцу, который, съ своей стороны, примѣтивъ это вниманіе миловиднаго, кроткаго, умнаго человека, въ рѣчахъ своихъ обращался преимущественно къ нему.

«Воля ваша!» вскричалъ Вышатынъ: «а я никакъ не соглашусь съ вами! Слушаю рассказы о духахъ и привидѣніяхъ со вниманіемъ, съ любопытствомъ и, могу сказать, съ удовольствіемъ, но вѣрить имъ — нѣтъ! не могу. И вы, Алимари, натуралистъ, испытатель таинствъ природы, можете утверждать это? Не постигаю!»

«Именно потому, что я натуралистъ, эти явленія меня и занимаютъ. Въ природѣ ничего не дѣлается даромъ. Каждая травка, каждая песчинка имѣетъ свою причину, свою цѣль: такъ и движенія, дѣйствія и стремленія нашей души. Мы не видимъ причинъ и цѣлей того, что въ насъ происходитъ, но происходящее ощущаемъ и признаемъ.»

«И никогда не увидимъ!» — прервалъ Выштинъ.

«Почему же такъ?» спокойно возразилъ Али-мари. «Явленія электричества, магнетизма и другія въ теченіе тысячелѣтій изумляли народъ, и казались сверхъестественными самымъ умнымъ и просвѣщеннымъ людямъ тѣхъ временъ. Нынѣ эти явленія разгаданы. Такъ можетъ, такъ должно быть и со многими другими явленіями физическаго и нравственнаго міра. Повторяю: мы видимъ дѣйствія, но силы, которыми эти дѣйствія производятся, еще отъ насъ сокрыты. Пройдутъ вѣки; совершатся новыя открытія въ наукѣ естества, въ единственной всеобщей, истинной наукѣ, и то, что казалось неизъяснимымъ чудомъ, покажется намъ въ видѣ явленія или дѣйствія природы, понятнаго и даже въ естествѣ вещей необходимаго!»

«Такъ вы не вѣрите чудесамъ?» съ торжествомъ спросилъ Выштинъ.

«Вѣрю и не вѣрю — смотря по тому, какъ вы принимаете это слово. Я не вѣрю, чтобъ порядокъ вещей, единожды установленный премудрымъ Промысломъ, могъ, безъ особенной воли Всевышняго, когда либо или отъ чего нибудь измѣниться. Но чудеса — то есть, дѣйствія и явленія, непостижимыя человѣку, неистолкуемые по размѣру его ума, временнаго и слабаго, совершаются ежедневно. И самое устройство, самое бытіе человѣка есть чудо — непонятное, недостижимое. Никогда не чувствовалъ я въ та-

кой степени удивленія и благоговѣнія предъ неисповѣдимымъ Промысломъ, какъ въ то время, когда разлагалъ на части тѣло человѣческое, эту ветхую храмину, изъ которой излетѣла его жительница. Каждая жилка, каждый нервъ есть чудо въ глазахъ и умъ человѣка. И тутъ умъ человѣческій догадался о причинахъ и цѣли многого; но столь же многое, можетъ быть и болѣе, является только тѣлесному его взору, а отъ умственного сокрыто. Такъ въ органъ слуха, напримѣръ, цѣль и польза многихъ частей истолкована и, по возможности, доказана сравненіемъ, но сколько частей сего самаго органа намъ непонятны! И притомъ онѣ необходимы, онѣ имѣютъ и причину и цѣль, ибо находятся въ каждомъ подобномъ органѣ. Отсутствіе ихъ, можетъ быть, показало бы, къ чему онѣ нужны, а этого отсутствія еще не замѣчено съ самаго начала міра или, можетъ быть, съ начала науки. И послѣ этого, когда мы не можемъ растолковать и доказать пользы и дѣйствія видимыхъ, осязаемыхъ вещей, оставленныхъ скрывшимся хозяиномъ въ прежнемъ его жилищѣ — мы станемъ спорить о свойствахъ и дѣяніяхъ самого хозяина! Смиримся предъ Провидѣніемъ, и признаемся съ Шекспиромъ, что подъ солнцемъ много такихъ вещей, какія философіи нашей и во снѣ не грѣзились!»

«Вотъ ужъ и философія!» воскликнулъ Хвальнскій: «нельзя ли уволить отъ нея! — Да и какъ вы заговорили объ этихъ предметахъ? Нель-

зя ли избрать чего нибудь попроще, поближе къ нашему армейскому разумнію?»

«И я такъ думаю-съ,» сказалъ художникъ: «а то въ самомъ дѣлѣ, начали о домовыхъ-съ — вотъ это дѣло извѣстное-съ, то есть домовые-съ — кто ихъ не видалъ-съ?.... а потомъ занеслися, Богъ знаетъ куда... съ... то есть... впрочемъ и не съ домовыхъ начали-съ, а съ огненнаго змѣя-съ.» —

«Съ какого змѣя?» спросилъ Хвалынский.

Бериловъ хотѣлъ отвѣчать, но Вышатиный предупредилъ его: «Андрей Ѳедоровичъ разсказывалъ намъ, что въ Петербургѣ случилось необычайное происшествіе. Ты знаешь, что вчера Графъ Самойловъ давалъ праздникъ въ честь гостя нашего, молодого Короля Шведскаго. Въ то самое время, какъ Государыня подъѣхала къ крыльцу его дома, огненный шаръ, или, какъ говорятъ въ народѣ, змѣй пролетѣлъ черезъ этотъ домъ, потомъ чрезъ Зимній Дворецъ, за Неву, и упалъ за крѣпостью. Мы стали разсуждать о подобныхъ явленіяхъ, и отъ этого мало по малу дошли до толковъ о привидѣніяхъ, о предчувствіяхъ и тому подобномъ. Но, помнит-ся, вы, Петръ Антоновичъ, хотѣли разсказать намъ одно такое происшествіе, случившееся въ молодая ваши лѣта? Не угодно ли теперь?»

«Охотно,» сказалъ Алимари. «Это было въ тысяча семьсотъ сороковомъ году, послѣднемъ царствованіи Императрицы Анны Ивановны. Мнѣ былъ тогда семнадцатый годъ отъ роду. Я жилъ

у датскаго резидента, въ домъ, гдѣ теперь трактиръ Парижъ на Дворцовой Площади, на углу Ледокольнаго Переулка. Это было въ августъ мѣсяцъ. Ночь была темная, но чрезвычайно теплая. Резидентъ, по обыкновенію своему, занимался музыкою, игралъ весь вечеръ на клави-кордахъ, а я пѣлъ на-память лучшія тогдашнія италіянскія аріи. Било десять часовъ; я простился съ нимъ, и пошелъ къ себѣ вверхъ. Вдругъ, вижу я, освѣщаются среднія ворота Адмиралтейства, идущія къ Гороховой Улицѣ. Изъ воротъ выходитъ какая-то процессія съ множествомъ факеловъ, и поворачиваетъ направо, къ Дворцовой Площади. Дома, лежащіе насупротивъ Адмиралтейства, озаряются яркимъ свѣтомъ. И свѣтъ этотъ, наравнѣ съ невидимою процессіею, движется ближе и ближе ко дворцу. Смотрю и недоумѣваю. Резидентъ присылаетъ за мною человѣка. Схожу къ нему, и вижу, что онъ со всѣми домашними стоитъ у окна, и смотритъ на непонятное явленіе — что за процессія можетъ итти изъ Адмиралтейства въ ночное время? Посылаемъ смышленаго слугу, чтобъ посмотрѣть вблизи и пораспросить. Между тѣмъ процессія, обогнувъ уголъ адмиралтейскаго вала, направилась къ среднимъ воротамъ дворца, и вошла въ нихъ: факелы, по мѣрѣ вступленія въ ворота, исчезали, и чрезъ нѣсколько минутъ водворилась прежняя темнота. Слуга воротился, и объявилъ, что онъ пробѣжалъ до угла Адмиралтейства, но, по приближеніи его,

уже ничего не было видно; между тѣмъ поднялся сильный вѣтеръ, сорвалъ съ него шляпу, и унесъ ее къ набережной. Онъ побѣжалъ за нею, поймалъ уже близъ берега Невы, и пошелъ ко дворцу. Все было тихо. Часовые расхаживали у воротъ. Слуга спросилъ у нихъ, что это было за шествіе съ факелами, и куда оно прошло. Часовые отвѣчали, что онъ бредитъ, что ни какого шествія не было, и чтобъ онъ убирался по-здорову. — Тѣмъ это и кончилось. Всѣ жившіе въ нашемъ домѣ видѣли это странное явленіе, но никто не умѣлъ растолковать его. Разумѣется, что въ послѣдствіи, когда случились необыкновенныя политическія происшествія, люди вздумали утверждать, что это видѣніе было ихъ предзнаменованіемъ. Этому я не могу вѣрить, но вѣрю, что иногда являются намъ призраки и видѣнія наяву, какъ во снѣ.»

«И точно вы это видѣли?» спросилъ Вышатинъ въ недоумѣніи.

«Точно!» отвѣчалъ Алимари. «Помню даже, что резидентъ описалъ это явленіе, и заставилъ всѣхъ бывшихъ въ домѣ подписаться.»

«Вотъ то-то и бѣда,» сказалъ Вышатинъ: «что эти письменныя свидѣтельства обыкновенно пропадаютъ, а остаются одни изустныя преданія, искажаемыя въ теченіе времени. Назовите мнѣ чудесное происшествіе, которое было бы подтверждено достовѣрнымъ письменнымъ свидѣтельствомъ. Такъ нѣтъ!»

«Извините,» прервалъ рѣчь его пасторъ: я

могу служить вамъ подобнымъ происшествіемъ, котораго дѣйствительность подтверждена формальнымъ актомъ. Если угодно, я теперь расскажу происшествіе, а завтра покажу актъ, хранящійся у меня въ вѣрной копіи. Угодно ли послушать!»

«Сдѣлайте одолженіе!» закричали всѣ въ одинъ голосъ.

«Только мнѣ трудно объясняться по-русски: позвольте прибѣгнуть къ французскому языку:» сказалъ пасторъ: «да и тутъ извините въ ошибкахъ. Если бъ я могъ говорить съ вами по-шведски, то рассказъ мой былъ бы живѣе и естественнѣе. Слушайте же!»

Мы придвинулись къ рассказчику. Вышатиный усмѣхнулся и снялъ со свѣчи, чтобъ лучше видѣть фізіономію повѣствующаго.

VIII.

«Карлъ XI, отецъ знаменитаго Карла XII, былъ одинъ изъ самыхъ умныхъ королей шведскихъ. Онъ опредѣлилъ права и обязанности разныхъ сословій шведскаго народа, и далъ государству своему многіе полезныя законы. При томъ онъ былъ человекъ просвѣщенный, храбрый, набожный, твердый, хладнокровный и воображенія отнюдь не пылкаго. Онъ лишился супруги своей, Ульрики Элеоноры, и хотя при жизни обращался съ нею сурово, но грустилъ

о ея кончинѣ, болѣе нежели какъ можно бѣ было ожидать. Съ той поры сдѣлался онъ еще угрюмѣе и молчаливѣе прежняго, и искалъ развлеченія своей скорби въ непрерывныхъ занятіяхъ дѣлами государственными. Въ одинъ осенній вечеръ сидѣлъ онъ, въ халатѣ и туфляхъ, предъ каминомъ, въ кабинетѣ стокгольмскаго дворца. При немъ были камергеръ Графъ Браге, пользовавшійся особенною его милостію, и лейбмедикъ Баумгартенъ, человѣкъ умный, представлявшійся вольнодумцемъ: онъ хотѣлъ, чтобъ люди не вѣрили ничему, кромѣ медицины. Король сидѣлъ въ этотъ вечеръ у камина долѣе обыкновеннаго, и склонивъ голову, смотрѣлъ въ безмолвіи на потухающіе уголья. Графъ Браге нѣсколько разъ напоминалъ королю, что пора ему успокоиться, но король движеніемъ руки заставлялъ его молчать. Врачъ, въ свою очередь, сталъ было толковать, какъ вредно для здоровья сидѣть за полночь. Король сказалъ ему въ полголоса: «Не уходите; мнѣ еще спать не хочется.» — Придворные начинали говорить о томъ, о другомъ, но разговоръ не завязывался. Графъ Браге, полагая, что король груститъ, вспоминая о своей супругѣ, посмотрѣлъ на портретъ ея, висѣвшій въ кабинетѣ, и сказалъ: «Какое сходство! И величіе и кротость души ея видны въ этомъ портретѣ.» — «Вздоръ!» возразилъ король съ досадою: «Живописецъ польстилъ ей: королева отнюдь не была такъ хороша собою!» Потомъ, какъ будто устыдясь своей горячности,

онъ всталъ и началъ прохаживаться по комнатѣ, чтобъ скрыть свое смущеніе. Вдругъ остановился онъ у окна, идущаго на дворъ. Ночь была самая темная. Луна не показывалась. — Нынѣшній королевскій дворецъ въ то время еще не былъ конченъ, и Карлъ XI, начавшій строеніе его, жилъ въ старомъ дворцѣ, на оконечности Риттергольма, вдающейся въ Меларъ. Огромное это зданіе расположено въ видѣ подковы. Кабинетъ короля былъ въ концѣ одного изъ флигелей, и почти насупротивъ его находилась большая зала, въ которой собирались государственные чины, для принятія предложеній королевскихъ. — Въ это время казалось, что окна этой залы освѣщены очень ярко. Король изумился, и сначала полагалъ, что тамъ ходитъ кто либо изъ придворныхъ служителей со свѣчею. Но какъ онъ очутился въ залѣ, которой давно уже не отпирали? Притомъ, по необыкновенной яркости свѣта, нельзя было заключить, чтобъ онъ происходилъ отъ одной свѣчи. Можетъ быть, это пожаръ? Но не видно было дыму, окна не были выбиты; все было тихо; казалось, зала иллюминирована какъ для торжества. Карлъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на освѣщенные окна, не говоря ни слова. Графъ Браге протянулъ руку къ колокольчику, чтобъ позвать пажа, и чрезъ него узнать о причинѣ этого страннаго освѣщенія, но король остановилъ его. «Я хочу самъ пойти въ залу,» сказалъ онъ. — При этихъ словахъ онъ поблѣднѣлъ, и на лицѣ

его изобразился ужасъ, смѣшанный съ благоговѣніемъ. Между тѣмъ онъ твердымъ шагомъ вышелъ изъ кабинета. Каммергеръ и врачъ послѣдовали за нимъ, неся въ рукъ по зажженной свѣчѣ.

Смотритель дворца, у котораго хранились ключи, уже спалъ въ то время. Баумгартенъ разбудилъ его, и приказалъ, именемъ короля, отпереть двери въ залу государственныхъ чиновъ. Изумленный смотритель одѣлся поспѣшно, и явился къ королю, съ связкой ключей. Сначала отперъ онъ галерею, служившую переднею комнатою, или аванзалою. Король вступилъ туда, и съ изумленіемъ увидѣлъ, что всѣ стѣны комнаты покрыты чернымъ. «Кто приказалъ обить такимъ образомъ эту залу?» спросилъ онъ гнѣвнымъ голосомъ. «Не могу доложить,» отвѣчалъ испуганный смотритель: «въ послѣдній разъ, когда я приказалъ вынести галерею, она, какъ и всегда, обита была дубомъ. Эти обои взяты конечно не изъ гардеробной вашего величества.» Король быстрыми шагами миновалъ уже большую часть залы. Графъ и смотритель слѣдовали за нимъ. Баумгартенъ поотсталъ: онъ боялся остаться одинъ, боялся и слѣдовать за другими.

«Не ходите далѣе, государь!» закричалъ смотритель: «клянусь Богомъ, тутъ водятся нечистые духи. Въ это время... и со времени кончины ея величества королевы... говорятъ, что она прохаживается по этой галерей. Помилуй насъ, Господи!» — «Остановитесь, государь!» ска-

залъ графъ: «развѣ вы не слышите страннаго шуму въ этой залѣ? Кто знаетъ, какимъ опасностямъ вы подвергаетесь!» — Всемиловѣйшій государь!» прошепталъ Баумгартенъ, у котораго вѣтромъ задуло свѣчу: «позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ привести сюда человѣкъ двадцать вашихъ трабантовъ.»

«Войдемъ!» сказалъ король твердымъ голосомъ, остановясь у дверей большой залы. «Смотритель, отопрѣ поскорѣе эту дверь.» Онъ толкнулъ въ нее ногою, и отголосокъ, повторенный эхомъ сводовъ, раздался въ галереѣ какъ пушечный выстрѣлъ.

Смотритель дрожалъ, и не могъ ключемъ найти отверстїя въ замкѣ. — «Старый солдатъ, а трусишь!» сказалъ король, пожавъ плечами. «Ну хоть вы, графъ, отоприте эту дверь.» — «Государь!» отвѣчалъ графъ, отступивъ отъ двери: «прикажите мнѣ броситься на пушку датскую или нѣмецкую, я буду повиноваться безъ замедленїя; но здѣсь дѣйствуютъ силы адскїя.»

Король вырвалъ ключъ изъ рукъ смотрителя. — «Вижу,» сказалъ онъ съ презрѣнїемъ: «что дѣло касается меня одного!» и прежде нежели приближенные могли удержать его, онъ отперъ толстую дубовую дверь, и вошелъ въ большую залу съ словами: «да поможетъ мнѣ Богъ!» — Спутники его, подстрекаемые любопытствомъ, которое превозмогло въ нихъ боязнь, а можетъ быть и стыдъ, оставивъ короля, вошли съ нимъ вмѣстѣ.

Большая зала освѣщена была очень ярко. На стѣнахъ старинные обои въ лицахъ замѣнены были чернымъ сукномъ. Вдоль по стѣнамъ стояли, какъ и прежде, добытые Густавомъ Адольфомъ трофеи, знамена враговъ Швеціи. Посреди ихъ видны были и шведскіе штандарты, покрытые траурнымъ крепомъ.

На скамьяхъ сидѣло многочисленное собраніе: четыре сословія государственныя, дворяне, духовные, граждане и крестьяне, занимали свои мѣста. Всѣ были въ черномъ одѣяніи; лица ихъ свѣтились при блескѣ, но король и его спутники не могли различить въ этой толпѣ ни одного знакомаго лица.

На возвышенномъ тронѣ, съ котораго король произносить рѣчи къ собранію, лежалъ окровавленный трупъ въ царскомъ одѣяніи. По правую сторону стоялъ отрокъ съ короною на головѣ; по лѣвую опирался на кресла трона другой человѣкъ или призракъ, въ торжественной мантии, какую носили древніе правители Швеціи до возведенія ея Вазою на степень королевства. Передъ трономъ, за столомъ, покрытымъ большими книгами и пергаменными хартіями, сидѣло нѣсколько человѣкъ важнаго и строгаго вида, въ длинныхъ черныхъ мантияхъ: они казались судьями. Между трономъ и этимъ столомъ находилась плаха, покрытая чернымъ сукномъ; подлѣ нея лежала сѣкира.

Казалось, что никто изъ собранія не замѣчалъ Карла и троихъ его спутниковъ. При вхо-

дѣ въ залу слышали они одинъ смѣшанный ропотъ, въ которомъ не могли различить ни одного явственнаго слова. Вдругъ самый старшій изъ судей, повидимому, предсѣдатель, всталъ съ своего мѣста, и трижды ударилъ рукою по большой открытой книгѣ, предъ нимъ лежавшей. Въ то мгновеніе водворилась глубокая тишина. Растворились двери, противоположныя тѣмъ, въ которыя вошелъ Карлъ, и нѣсколько молодыхъ людей, въ богатой одеждѣ, вступили въ залу. Они шли, поднявъ голову и гордо озираясь. Руки ихъ связаны были назадъ; концы веревокъ несъ дюжій человекъ въ лосиномъ полукафтани. Плѣнникъ, шедшій впереди, какъ казалось, важнѣйшій изъ всѣхъ, остановился посреди залы передъ плахою, и посмотрѣлъ на нее съ выраженіемъ гордости и презрѣнія. Въ это мгновеніе затрепеталъ трупъ, и изъ раны его полилась свѣтлая багровая кровь. Молодой человекъ сталъ на колѣни и протянулъ голову на плаху. Сѣкира сверкнула въ воздухъ и со стукомъ упала. Кровь ручьемъ пролилась до трона, и смѣшалась съ кровію трупа; отсѣченная голова покатила по полу до ногъ Карла, и обагрила ихъ кровію.

Дотолъ онъ молчалъ въ изумленіи, но при этомъ грозномъ зрѣлищѣ, выступилъ впередъ, и обратясь къ человеку въ мантии правителя, смѣло произнесъ: «Если ты отъ Бога, говори; если же не отъ Бога, оставь насъ въ мирѣ!»

Привидѣніе отвѣчало ему медленно, торже-

ственнымъ голосомъ: «Король Карлъ! Эта кровь пролита будетъ не въ твоё царствованіе; но (это произнесено было не такъ явственно) чрезъ пять царствованій. Горе, горе, горе крови Вазы!»

Въ это время многочисленныя лица собранія начали исчезать, и вскорѣ казались однѣми тѣнями; мало по малу онѣ исчезли совершенно, и свѣтъ, озарявшій залу, потухъ. Свѣчами, бывшими въ рукахъ Карла и его проводниковъ, освѣщались старыя обои, легко колеблемыя вѣтромъ. Нѣсколько времени слышался легкій шумъ, подобный то шелесту листьевъ, то звуку струны, лопающей при настройваніи арфы. Все это произошло минутъ въ десять.

Черныя обои, отсѣченная голова, струи крови, обогрившія полъ, все исчезло съ привидѣніями; только на туфлѣ Карла осталось красное пятно, которое одно могло бы напомнить ему происшествія этой ночи, если бъ они не врезались глубоко въ его памяти.

Возвратясь въ кабинетъ, Карлъ приказалъ составить описаніе всего видѣннаго имъ, велѣлъ своимъ спутникамъ подписать эту бумагу, и самъ скрѣпилъ ее своею подписью. Какъ ни старались скрыть существованіе этого акта, онъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ, даже еще при жизни Карла. Многія особы видѣли подлинникъ; у другихъ есть засвидѣтельствованныя копіи.

Теперь вспомните смерть Густава III, и судь надъ Анкарстремомъ, его убійцею. Трупъ представлялъ Густава III, казненный человѣкъ Ан-

карстрема; отрокъ есть Густавъ IV, нынѣшній король, а старецъ — Герцогъ Зюдерманландскій, правитель королевства. — Они теперь находятся въ Петербургѣ. Не случится ли кому нибудь увидѣться съ особами ихъ свиты? Всякой Шведъ подтвердитъ вамъ истину этого преданія.»

IX.

Пасторъ умолкъ. Всѣ смотрѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ. На лицѣ Алимари появилась улыбка удовольствія. «Очень обязанъ вамъ, почтенный господинъ пасторъ,» сказалъ онъ: «за сообщеніе этого анекдота; я слыхалъ объ немъ въ разныя времена и отъ многихъ особъ, но каждый рассказъ противорѣчилъ другому, противорѣчилъ и самому себѣ. Людямъ не довольно того непонятнаго, что въ самомъ дѣлѣ случается: они стараются изукрасить слышанное, и безсовѣстно искажаютъ. Впрочемъ господа Шведы богаты такими исторіями. Я знавалъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ Неаполѣ, шведскаго посланника, человѣка прелюбезнаго, преумнаго и образованнаго: онъ рассказывалъ мнѣ также одно достойное любопытства событіе. Онъ былъ статсъ-секретаремъ при покойномъ Шведскомъ Королѣ Густавѣ III, и пользовался особенною его милостію. Однажды, послѣ обѣда, король призывалъ его къ себѣ, отдать

ему какую-то важную дипломатическую бумагу, и приказалъ изготавить по ней исполненіе непременно къ докладу слѣдующаго утра. Графъ отправился домой, написалъ требуемое, заперъ объ бумаги въ ящикъ письменнаго стола, и поѣхалъ, на вечеръ, къ пріятелю. Возвратясь домой около полуночи, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ бумагъ къ завтрашнему докладу, но никакъ не могъ найти бумаги, полученной отъ короля, и написаннаго имъ отвѣта. Онъ помнилъ, что положилъ ихъ въ ящикъ, но ихъ ни тамъ и нигдѣ не было. Онъ разбудилъ жену свою, спрашивалъ всѣхъ домашнихъ; никто въ его отсутствіе не входилъ въ кабинетъ, а бумаги исчезли. Ночь прошла въ тщетныхъ поискахъ. При наступленіи утра, графъ, утомленный бдѣніемъ и досадою, бросился въ отчаяніи въ кресла, думая повхатъ къ королю, объявить о несчастномъ случаѣ, и просить прощенія въ неумышленномъ проступкѣ. Къ нему подошелъ его управитель, помогавшій искать бумаги, человекъ добрый и честный. «Смѣю ли предложить вашему сіятельству средство къ отысканію бумаги, средство несомнѣнное?» сказалъ онъ съ робостію. «Какое?» спросилъ графъ съ нетерпѣніемъ. — «Извольте посоветоваться съ ворожеею. Я знаю такую женщину: она Чухонка, и чудесно ворожитъ на картахъ и на кофе.» Графъ, ожидавшій отвѣта поумнѣе этого, хотѣлъ было выразить свое негодованіе на глупое предложеніе управителя; но въ это самое

время утренній лучъ проникъ сквозь занавѣсы, и освѣтилъ стѣнные часы; стрѣлка стояла на половинѣ четвертаго: въ шесть часовъ надлежало явиться къ королю. Утопающій хватается и за соломину. «Что жъ?» подумалъ графъ: «хуже отъ этого не будетъ, бумага пропала, и чѣмъ нортъ не шутить? Можетъ быть, ворожея и выведетъ изъ бѣды.» Онъ объявилъ женѣ, что хочетъ, послѣ ночныхъ безпокойствъ, прогуляться на свѣжемъ воздухѣ, зашелъ къ управителю, надѣлъ его старый сюртукъ, поношеную шляпу и сѣроватый галстухъ, и отправился по данному ему адресу. Вошедъ въ комнату ворожеи, онъ назвался простымъ мастеровымъ, и просилъ ее объявить ему, гдѣ можно найти вещь, имъ затерянную. Старуха посмотрѣла на него съ усмѣшкою, и сказала: «Полно-те обманывать меня, ваше сіятельство! Вы Графъ ****, и хотите знать, куда дѣвалась какая-то бумага: она завадилась за ящикъ вашего стола; выдвиньте ящикъ, и найдете ее.» Графъ далъ ей червонецъ, возвратился домой, вынулъ ящикъ изъ стола, и объ искомыя бумаги упали къ его ногамъ. Можете вообразить себѣ, какъ онъ обрадовался! Къ назначенному времени явился онъ къ королю и поднесъ докладъ. Король былъ очень доволенъ его работою, но замѣтилъ, что графъ блѣденъ и кажется нездоровымъ, будто не спалъ ночь. Графъ признался ему во всемъ, и разсказалъ странное приключеніе. Густавъ III, чловѣкъ воображенія пламеннаго и поэтическаго,

захотѣлъ самъ видѣть эту ворожею, и условился съ графомъ посѣтить ее того же вечера. Въ назначенный часъ король и графъ одѣлись въ простое платье, и пошли къ Сибиллѣ. При вступленіи короля въ комнату, она вмигъ его узнала, и привѣтствовала съ должнымъ почтеніемъ. Напрасно увѣрялъ онъ ее, что она ошиблась. По желанію короля, она разложила на столѣ карты, и сказала ему, что онъ погибнетъ въ большомъ собраніи, и что виновникомъ его смерти будетъ первый человѣкъ, который встрѣтитъ ся съ нимъ сегодня вечеромъ въ красномъ плащѣ — тогдашняя мода. Густавъ щедро одарилъ ворожею, и съ любимцемъ своимъ отправился домой. Дорогою встрѣчалось имъ множество людей, но не было краснаго плаща. Когда они уже приблизились ко дворцу, вышелъ изъ дверей нижняго яруса человѣкъ въ красномъ плащѣ. Король и графъ взглянули ему въ лице, и узнали любимца королевскаго, камергера Графа Л. Всѣмъ извѣстна была его преданность и любовь къ государю: всѣ знали, что онъ, по малѣйшему мановенію короля, готовъ жертвовать для него жизнью; не менѣе того, Густавъ съ той минуты сталъ его убѣгать, началъ удалять его отъ себя, и, желая сдѣлать ему пребываніе у Двора непріятнымъ, иногда поступалъ съ нимъ несправедливо. Это незаслуженное гоненіе тронуло и огорчило графа. Сначала старался онъ, усугубленіемъ своего усердія и ревности къ службѣ короля, возвратитъ его благоволеніе; но

видя, что всѣ старанія его напрасны, присталъ къ оппозиціи и, почитая себя обиженнымъ, сдѣлался явнымъ противникомъ правительства. Известно, что Густавъ III умерщвленъ былъ въ маскарадѣ: убійца его, Анкарстремъ, при допросахъ объявилъ, что къ исполненію этого гнуснаго замысла преимущественно побудили его жалобы и толки Графа Л....»

«Любопытно!» сказалъ пасторъ. «Странно!» прошепталъ Хвалынскій. — «Не совсѣмъ странно,» сказалъ Алимари:» ворожея могла наудачу назвать человѣка въ красномъ плащѣ; суевѣріе и боязнѣ короля сдѣлали остальное.» — «Все же остается нерѣшеннымъ, какъ эта ворожея могла предсказать другія обстоятельства,» возразилъ Вышатиный. «То есть,» прибавилъ онъ съ улыбкою: «если правда то, что вамъ рассказывалъ графъ.» — «Не могу сомнѣваться въ истинѣ его словъ: онъ человѣкъ честный и правдивый. Нынѣ онъ живетъ въ Россіи; вы, можетъ быть, съ нимъ гдѣ нибудь сойдетесь; спросите у него объ этомъ случаѣ, и онъ охотно повторитъ вамъ то, что вы отъ меня слышали.» — «Послѣ этого,» вскричалъ Хвалынскій: «не вѣрь ворожеямъ!» — «Вздоръ!» подхватилъ Вышатиный: «я ничему этому не вѣрю, и опять обращаюсь къ вамъ, почтеннѣйшій Петръ Антоновичъ! Скажите, не смѣшно ли вѣрить предсказателямъ? Какъ могутъ эти люди прозирать въ будущее, какъ могутъ они узнавать то, что еще не свершилось, что таится въ душѣ человѣка? — Да и не без-

разсудно ли узнавать будущее, которое сокрыто отъ насъ премудрымъ Провидѣніемъ — лишать себя надежды и очарованій, заранѣе готовить себя къ неотвратимымъ бѣдствіямъ?» — «Вотъ это другое дѣло!» отвѣчалъ Алимари: «не должно давать воли своему любопытству; должно въ безмолвіи и упованіи на благость Промысла, съ покорностію и терпѣніемъ, ожидать того, что намъ суждено — это такъ! Но отвергать то, что нѣкоторые люди имѣютъ способность, по чертамъ и выраженію вашего лица, по вашему голосу, даже по тону вашего вопроса, и еще по какимъ-то примѣтамъ, въ которыхъ, можетъ быть, они и сами отчета себѣ дать не могутъ — узнавать, кто вы, что съ вами случилось, слѣдственно отчасти и то, что еще случиться можетъ — это возможно — это существуетъ. Это какой-то инстинктъ, какое-то чутье; — въ Шотландіи оно называется вторымъ зрѣніемъ.

«Позвольте мнѣ, въ свидѣтельство этого, прочитать вамъ нѣсколько строкъ, продиктованныхъ одному моему пріятелю знаменитымъ критикомъ Лагарпомъ. Онъ, по случаю, находятся въ моей записной книжкѣ.» — Всѣ изъявили свое согласіе. Алимари вынулъ изъ записной своей книжки бумагу, и прочиталъ слѣдующее:

«Въ началѣ 1788 года, обѣдалъ я въ Парижѣ у одного умнаго, любезнаго вельможи, бывшаго въ то время членомъ Французской Академіи. Обѣдъ былъ сытный, вкусный, роскошный.

Многочисленное общество состояло изъ вельможъ, дамъ, придворныхъ, академиковъ, литераторовъ, артистовъ. Всѣ были веселы и разговорчивы. За десертомъ отборныя вина еще увеличили шумную радость. Шанфоръ прочелъ, къ общему удовольствію, одну изъ своихъ вольныхъ и безбожныхъ сказокъ. И знатныя дамы слушали его, не закрываясь опахаломъ. Это подало поводъ къ безконечнымъ насмѣшкамъ надъ религіею: одинъ читалъ стихи изъ Вольтеровой поэмы, другой приводилъ любимыя мѣста изъ Дидрота. Всѣ имъ рукоплескали. Третій, вставъ съ своего мѣста, и поднявъ полную рюмку, возгласилъ: «Господа! Я такъ же увѣренъ въ несуществованіи Бога, какъ въ томъ, что Гомеръ былъ дуракъ!» — Потомъ разговоръ сдѣлался серіознѣе. Собесѣдники стали разсуждать о преобразованіи, произведенномъ твореніями Вольтера, и согласились, что онъ заслужилъ этимъ безсмертную славу. Онъ образовалъ свой вѣкъ, онъ нашелъ читателей и въ гостиныхъ, и въ переднихъ. Одинъ изъ гостей, задыхаясь отъ смѣху, разсказалъ намъ, что парикмахеръ его, пудря ему голову, объявилъ: «Изволите видѣть, сударь: я бѣдный ремесленникъ, но такой же безбожникъ, какъ всѣ умные и благородные люди.» — Всѣ заключили, что революція непременно послѣдуетъ, что суевѣріе и фанатизмъ должны уступить мѣсто философін; рассчитывали, скоро ли это должно случиться, и кто изъ собесѣдниковъ увидитъ владычество разума. Ста-

рики жаловались, что не доживутъ до вожделѣннаго времени; молодые восхищались, что для нихъ наступятъ дни блаженства; всѣ превозносили академію за то, что она приготовила великое дѣло, что была средоточіемъ, главнымъ орудіемъ свободы мыслей. — Одинъ изъ гостей не принималъ участія въ общемъ восторгѣ, и даже подшучивалъ надъ собесѣдниками — то былъ Казоттъ, человѣкъ любезный и умный, но, къ сожалѣнію, зараженный мечтаніями иллюминатовъ. Наконецъ обратился онъ къ собранію, и сказалъ нешуточнымъ тономъ: «Радуйтесь, господа! Вы увидите эту великую и знаменитую революцію, которой дождаться не можете. Вы знаете, что я имѣю даръ предсказанія. Повѣрьте мнѣ, вы ее увидите.» — Ему отвѣчали, что на это не надо большой мудрости. — «Согласенъ,» отвѣчалъ онъ: «но выслушайте меня до конца. Знаете ли, что́ будетъ во время этой революціи, что́ будетъ со всѣми вами? какія неизбѣжныя послѣдствія произойдутъ отъ ней!» — «Скажите, скажите!» вскричалъ Кондорсетъ, съ хохотомъ угрюмымъ и безсмысленнымъ: «Философъ охотно столкнется съ пророкомъ.» — «Вы, г. Кондорсетъ, умрете на полу темницы; вы умрете отъ яда, который примете сами, чтобъ избѣгнуть рукъ палача; отъ яда, который въ то счастливое время всегда будете носить съ собою.» — Всѣ изумились сначала, но вспомнивъ потомъ, что добрый Казоттъ иногда бредитъ наяву, захохотали громче прежняго. — «Г. Ка-

зоттъ!» сказалъ Кондорсетъ: «эта сказка не такъ забавна, какъ вашъ Влюбленный Чортъ! Но кой-чортъ всадишь вамъ въ голову темницу, ядъ и палачей! Что тутъ общаго съ философіею и царствомъ разсудка? — «Именно такъ! Вамъ прійдется такъ умереть именемъ философіи, чело-вѣчества и свободы, во время владычества разума. Тогда разумъ будетъ имѣть свои храмы, и другихъ храмовъ во Франціи не будетъ.» — «Быюсь объ закладъ,» сказалъ Шанфоръ съ своею язвительною усмѣшкою: «что вы не будете жрецомъ въ этихъ храмахъ!» — «Надѣюсь. Но вы, г. Шанфоръ, вы будете достойнымъ жрецомъ этого божества: вы нанесете себѣ двадцать двѣ раны бритвою по жиламъ, и умрете чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того.» — Всѣ посмотрѣли другъ на друга, и засмѣялись пуще прежняго. — «Вы, г. Викъ-д'Азиръ, не сами отворите себѣ жилы, но велите пустить себѣ кровь шесть разъ въ день въ припадкѣ подагры, и умрете въ слѣдующую ночь. Вы, г. Николай, погибнете на эшафотъ; вы, г. Балли, на эшафотъ; вы, г. Мальзербъ, на эшафотъ.» — «Ну, слава Богу!» воскликнулъ г. Руше: «кажется, что г. Казоттъ хочетъ только извести академію, а насъ помиловать.» — «И вы погибнете на эшафотъ.» — «Онъ побился объ закладъ,» воскликнули со всѣхъ сторонъ: «онъ поклялся погубить всѣхъ насъ.» — «Нѣтъ! Поклялся не я.» — «Такъ насъ покорятъ Турки или Татары?» — «Нѣтъ! Я ужъ сказалъ вамъ: тогда вы будете

управляемы однимъ разумомъ, одною философіею. Такъ злодѣйски поступать съ вами философы; палачи ваши будутъ твердить то самое, что вы твердите теперь; будутъ повторять ваши правила; будутъ приводить мѣста изъ Вольтера.» — «Развѣ вы не видите, что онъ съ ума спятилъ?» говорили гости другъ другу на ухо. — «Нѣтъ! онъ шутить, а вы знаете, что онъ любить приправлять свои шутки чудеснымъ.» — «Да,» сказалъ Шанфоръ: «только это чудесное отнюдь не забавно.» — «А когда все это случится?» — «Прежде истеченія шести лѣтъ.»

«Довольно чудесъ,» сказалъ Лагарпъ: «а что вы ничего не скажете обо мнѣ?» — «Съ вами сбудется чудо необычайное: вы тогда сдѣлаетесь христіаниномъ.»

Всѣ захохотали. — «Ахъ!» сказалъ наконецъ Шанфоръ! «теперь я спокоенъ: если намъ суждено погибнуть не прежде того времени, какъ Лагарпъ сдѣлается христіаниномъ, — мы бессмертны.»

«Какъ же счастливы мы, женщины,» примолвила Герцогиня де Граммонъ: «что не принимаемъ участія въ революціяхъ. Правда, мы иногда и вмѣшиваемся въ политику, но отвѣчаютъ другіе.» — «Вашъ полъ, еударыня, на этотъ разъ вамъ не защита, и хотя бъ вы ни во что не мѣшались, съ вами будутъ поступать точно такъ, какъ съ мужчинами, безъ всякаго различія.» — «Да что вы это намъ толкуете, г. Казоттъ, преставленіе свѣта, что-ли?» — «Не знаю.

Знаю только то, что васъ, герцогиня, повезутъ на казнь, такъ же какъ и многихъ другихъ дамъ, на телѣгъ, связавъ руки назадъ.» — «Ахъ! я надѣюсь, что въ этомъ случаѣ будетъ у меня, по крайней мѣрѣ, карета, обитая чернымъ сукномъ.» — «Нѣтъ, сударыня! Дамы и познатнѣе васъ поѣдутъ, какъ вы, на телѣгъ, со связанными руками.» — »Знатнѣе меня? Кто же это? Принцессы крови? — «Еще знатнѣе!» — При этихъ словахъ гости вздрогнули, и хозяинъ поморщился. Всѣ находили, что шутка выходитъ изъ предѣловъ. — Госпожа Граммонъ, желая разогнать тучу, перестала спрашивать объясненія, и сказала самымъ легкимъ тономъ: «Вы увидите, что онъ не дастъ мнѣ и духовника.» — «Нѣтъ, сударыня! Ни у васъ, ни у кого не будетъ духовника. Послѣдній изъ казненныхъ, которому, по милости, дадутъ духовника, будетъ...»

Онъ остановился на минуту. «Ну, кто жъ счастливецъ, которому дадутъ это преимущество?» — «Одно это ему и останется. Счастливецъ этотъ — Король Французскій.»

Хозяинъ дома поспѣшно всталъ съ своего мѣста, а за нимъ и прочіе. Онъ подошелъ къ г. Казотту, и сказалъ ему съ безпокойствомъ: «Любезный Казоттъ! прекратите эту страшную шутку. Вы выходите изъ границъ, и можете надѣлать непріятностей всѣмъ намъ.» — Казоттъ не сказалъ на это ни слова, и готовился уйти; но госпожа де Граммонъ, старавшаяся обратить весь этотъ разговоръ въ шутку, подошла къ

нему и сказала: «Господинъ пророкъ! Вы предсказали всѣмъ намъ судьбу нашу. Что жъ вы ничего не говорите о самомъ себѣ?» — Онъ потупилъ глаза и, помолчавъ нѣсколько времени, спросилъ: «Читали ль вы, сударыня, Іосифово описаніе осады Іерусалима?» — «Какъ не читать!» — отвѣчала она: «но положимъ, что не читала.» — «Во время этой осады одинъ человекъ семь сутокъ ходилъ по городской стѣнѣ, въ виду осаждающихъ и осажденныхъ, и непрерывно восклицалъ громкимъ и плачевнымъ голосомъ: Горе Іерусалиму! Въ седьмыя сутки онъ воскликнулъ: Горе Іерусалиму, горе и мнѣ! Въ это самое мгновеніе огромный камень, брошенный изъ стана непріятельскаго, поразилъ и разможжилъ его.»

Послѣ этого отвѣта Казоттъ поклонился и вышелъ.»

Прочитавъ бумагу, Алимари сложилъ ее, и, спрятавъ въ карманъ, сказалъ: «Все, предсказанное Казоттомъ, къ несчастію, сбылось въ точности.»

«А кто былъ этотъ Казоттъ?» спросилъ Вышатиный. «Я читалъ нѣкоторыя его сочиненія, но о немъ самомъ не слыхалъ.»

«Онъ былъ человекъ умный, образованный, но притомъ слишкомъ предавался влеченію своего воображенія.»

«Такъ удивительно ли, что онъ могъ предвидѣть нѣкоторыя событія, случившіяся потомъ въ самомъ дѣлѣ? Впрочемъ можетъ быть, и г.

Лагарпъ, составляя описаніе *послѣ* происшествій, разукрасилъ истину въ пользу и удовольствіе читателей. Но мы говорили съ вами о нашихъ обыкновенныхъ колдуньяхъ. Вспомните о томъ, что всѣ ворожеи, кофейницы и тому подобныя чародѣйки обыкновенно суть женщины, женщины простыя, грубыя, необразованныя — какъ же вы хотите, чтобъ онѣ могли располагать этою внутреннею силою, употреблять ее, къ изумленію людей умныхъ и просвѣщенныхъ?» — «Именно по тому онѣ и располагаютъ этою силою,» отвѣчалъ Алимари. «Способность эта есть не искусственная, не пріобрѣтенная, а, какъ я уже сказалъ, какое-то врожденное чувство, чутье. Вы согласитесь, что воображеніе у женщины живѣе и пламеннѣе, нежели у мужчины; что образованіе и общежительность обогащаютъ умъ нашъ познаніями и опытами на счетъ и ко вреду нашихъ природныхъ способностей. Можемъ ли, напримѣръ, мы, Европейцы, бѣгать такъ быстро, какъ дикіе Американцы? За то мы танцуемъ балеты. Такъ точно Державинъ пишетъ вдохновенные стихи, а насупротивъ его дома, на грязномъ чердакѣ, безобразная Чухонка или Жидовка — предсказываетъ людямъ судьбу ихъ — вотъ двѣ поэзіи — двѣ натуры человека! Жаль, что нынѣшнія поэзіи наши большею частію твари корыстолюбивыя, безнравственныя — а любопытно было бы изслѣдовать въ нихъ эту способность. Если кто хочетъ истинно позабавиться и подивиться, то-

му совѣтую спросить у такой ворожеи о прошедшихъ случаяхъ своей жизни — онъ изумится.»

«И послѣ этого вы еще объявите намъ, что вѣрите астрологамъ?» спросилъ насмѣшливо Вышатиный. — «Не астрологамъ, а астрологіи,» отвѣчалъ Алимари серьезно: «Согласитесь, что Земной Шаръ получаетъ жизнь свою, жизнь всего растущаго, живущаго, чувствующаго на немъ — отъ солнца; что разстояніе Земли отъ солнца, уголъ паденія на нее лучей его, свойство отраженія этихъ лучей — все это дѣйствуетъ на Землю; что луна подвержена вліянію Земли, и въ то же время сама дѣйствуетъ на нее, хотя и слабѣе, какъ грудной младенецъ дѣйствуетъ на свою мать; что солнце подвержено вліянію на него другихъ солнцевъ, другихъ солнечныхъ системъ; слѣдственно и Земля подчинена вліянію звѣздъ неподвижныхъ, кометъ и планетъ, какъ человѣкъ подчиненъ вліянію людей, его окружающихъ. Слѣдственно есть такая наука, которая показываетъ дѣйствіе свѣтилъ небесныхъ на нашу песчинку; но мы, по ограниченности средствъ своихъ, по кратковременности наблюдений, сдѣланныхъ нами, не знаемъ еще и азбуки ея. Думаю, что въ древнія, такъ сказать, дѣвственные времена міра, когда человѣкъ уподоблялся распускающемуся на зарѣ утренней цвѣтку, упивающемуся небесною росой, людямъ не чуждо было сознаніе сихъ великихъ таинствъ природы, но оно исчезло. Изъ сохра-

нившихся въ свѣтъ немногихъ преданій, лже-мудрецы и обманщики составили безобразную систему, преисполненную мудрованій, то есть, глупостей человѣческихъ, и эта система называется астрологіею. По моему мнѣнію, есть только три источника познаній нашихъ: откровеніе Божіе, изученіе природы и познаніе нашего сердца. Все, что не основано на одномъ изъ этихъ началъ, есть мечта и обманъ!» — «Воля ваша!» сказалъ Вышатиный: «а я вѣрю только своимъ глазамъ и истинамъ математическимъ. Вижу, что огонь пылаетъ въ этомъ каминѣ, и говорю: это огонь. Вижу, что тутъ лежатъ четыре полѣна, и знаю, что ихъ не три и не пять. Вотъ и все!» — «Немногимъ же вы довольствуетесь,» отвѣчалъ съ улыбкою Алимари. «Въ Павіи былъ у меня товарищъ, молодой, любезный и образованный человѣкъ, но такъ же, какъ вы, математикъ, и хотѣлъ вѣрить только тому, что видитъ. Тщетно старались мы убѣдить его умственными доводами, что есть въ мірѣ нѣчто очевиднѣе видимаго, истиннѣе истинъ математическихъ. У него умерла любимая сестра, и эта потеря, ужасная, неожиданная, повергла его въ отчаяніе. Мы старались успокоить его доводами разсудка, боясь коснуться струнъ, въ существованіе которыхъ онъ не хотѣлъ вѣрить. «Нѣтъ!» вскричалъ онъ: «все это пустыя бредни слабаго ума! Сердце мое говоритъ, что есть Богъ и безсмертіе души; есть святыя истины, недосыгаемыя уму, и только въ сердцѣ нашемъ на-

ходящія отголозокъ. Не прахъ и тлѣніе, оживленные какимъ-то механическимъ движеніемъ, составляли мою Карлетту — нѣтъ — это былъ духъ небесный, скованный плотію, и теперь разрѣшившійся отъ бранныхъ узъ своихъ. Карлетта! ты жива, и я тебя увижу!» — Не желаю вамъ, почтенный другъ, подобнаго испытанія, — но увѣренъ, что вы не долго будете упорствовать за истины математическія.» —

«Да къ чему поведетъ все это?» спросилъ Вышатиный: «къ глупому суевѣрію!»

«Кстати о суевѣріи!» сказалъ Алимари, вынимая изъ записной книжки своей еще одну бумажку: «я выписалъ изъ одной французской книги нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ. Позвольте прочесть вамъ ихъ, и потомъ скажите мнѣ ваше мнѣніе.

«Мы смотримъ въ свѣтъ на суевѣріе только съ смѣшной его стороны; но оно пустило глубокіе корни въ сердце человѣческое, и та философія, которая не принимаетъ его въ соображеніе, заслуживаетъ наименованіе поверхностной и дерзновенной. Природа создала человѣка не отдѣльнымъ существомъ, осужденнымъ единственно на воздѣланіе и населеніе земли, и имѣющимъ съ подобными себѣ только тѣ сношенія неизмѣнныя и бездушныя, которыя раждаются одною необходимостью. Есть важныя соотношенія и взаимныя дѣйствія между всѣми существами нравственными и физическими. Нѣтъ человѣка, который, блуждая взорами по безпре-

дѣльному горизонту, или прогуливаясь по берегу моря, омываемому пѣнистыми волнами, или же поднимая глаза на твердь небесную, усыянную звѣздами, не чувствовалъ бы волненія, которое описать или опредѣлить невозможно. Кажется, будто нѣкіе голоса сходятъ съ высоты небесъ, низвергаются съ вершины утесовъ, шепчуть въ шумъ водопадовъ и въ шелестъ лѣсовъ, исходятъ изъ глубины пропастей. Есть нѣчто пророчественное въ тяжеломъ полетѣ ворона, въ уныломъ воплѣ птицъ ночныхъ, въ отдаленномъ рыканіи дикихъ звѣрей. Все, что не образовано искусствомъ, все то, что не подвержено прихотливому владычеству человѣка, отвѣчаетъ его сердцу. Безмолвны только тѣ вещи, которыя онъ устроилъ для своего употребленія. Но эти самыя вещи пріобрѣтаютъ таинственную жизнь, когда время истребитъ ихъ полезность. Разрушеніе, касаясь ихъ могучимъ перстомъ своимъ, возстановляетъ соотношеніе ихъ съ природою. Новыя зданія безмолвствуютъ; развалины красно-рѣчивы. Весь міръ говоритъ человѣку языкомъ невыразимымъ, раздающимся въ глубинѣ его сердца, въ части его существа, неизвѣстной ему самому, и равномерно дѣйствующей и мыслию, и чувствомъ. Не должно ли заключить, что это стремленіе видимой природы въ нѣдра человѣчества имѣетъ значеніе таинственное? Неужели сей внутренній трепеть, въ которомъ проявляется скрытое отъ насъ въ жизни обыкновенной и вседневной, не имѣетъ ни причины, ни цѣли!

Одинъ разумъ этого конечно объяснить не можетъ. При свѣтѣ разума это непостижимое существо исчезаетъ. Но поэтому оно и есть достояніе поэзіи. Разцвѣченное воображеніемъ, оно находитъ во всѣхъ сердцахъ струны, ему соотвѣтствующія. Гаданіе судьбы по звѣздамъ, предсказанія, сновидѣнія, предчувствія, эти мрачныя тѣни будущаго, витающія вокругъ насъ — извѣстны всѣмъ странамъ, всѣмъ вѣкамъ, всѣмъ вѣрованіямъ. Кто изъ людей, принимая что либо великое, не прислушивается къ тому, что онъ почитаетъ гласомъ судьбы! Всякъ, въ святилищѣ мысли своей, толкуетъ сей голосъ, какъ умѣетъ и какъ можетъ; но всякъ молчитъ объ этомъ въ бесѣдѣ съ другимъ, ибо нѣтъ словъ для выраженія того другому, что существуетъ только для одного человѣка.»

«Прекрасно!» сказалъ Вышатинъ: «но откуда это выписано? Это составилъ какой нибудь престарѣлый мечтатель, какой нибудь авторъ мелодрамы!

«Ошибаетесь!» отвѣчалъ Алимари: «это выписалъ я изъ диссертациі одного молодаго Швейцарца, обучавшагося лѣтъ за десять предъ симъ въ Брауншвейгскомъ Коллегіумъ. Этотъ молодой человѣкъ послѣ того сдѣлался извѣстнымъ сочиненія своими въ другомъ родѣ, и если вы о немъ не слыхали, то конечно услышите.»

— «Имя его?»

«Бенжаменъ-Констанъ де Ребеккъ!»

Х.

«Бенжаменъ-Констанъ!» воскликнулъ Вышати-
тинъ: «я недавно читалъ книжку, написанную
имъ о нынѣшней политикѣ. Видно, что чело-
вѣкъ умный. И онъ можетъ имѣть такія поня-
тія о суевѣріи! Впрочемъ, я придерживаюсь пра-
вилъ совершенной свободы мыслей: пусть дру-
гіе вѣрятъ, чему хотятъ; только бы меня оста-
вили въ покоѣ. Между тѣмъ, прошу васъ, го-
спода, не почитать меня вольнодумцемъ: сохра-
ни Боже! Есть у меня роденька; ты знаешь его,
Хвальинскій!» — «Какъ не знать!» — «Вотъ дѣ-
тина! Что вашъ Вольтеръ! Какъ начнетъ разби-
рать Библію или Четь-Минеи, такъ и у меня
волосъ дыбомъ становится. Я нѣсколько разъ
пытался его образумить, или, по крайней мѣрѣ,
усовѣститъ, чтобъ онъ не сбивалъ съ толку мо-
лодежи! Куда! Вотъ этого ужъ никто въ мірѣ
не убѣдитъ.» — «А можетъ быть, и очень вѣ-
роятно, что онъ убѣдится самъ,» сказалъ Али-
мари: «и со временемъ сдѣлается....» — «Истин-
нымъ христіаниномъ? Никогда!» воскликнулъ
Вышати-тинъ. — «Нѣтъ! не христіаниномъ,» воз-
разилъ Алимари: «а фанатикомъ, изувѣромъ, ин-
квизиторомъ, изступленнымъ гонителемъ всѣхъ
иначе мыслящихъ. Помяните мое слово. Я зна-
валъ многихъ ревностныхъ членовъ инквизиціи
въ Италіи и въ Испаніи, и старался получить
свѣдѣнія о прежнихъ ихъ свойствахъ и образѣ

мыслей: въ молодости своей они почти всѣ были вольнодумцами и безбожниками. Вы конечно слышали объ извергѣ Лебонѣ, этомъ чудовищѣ изъ чудовищъ французской революціи, превзошедшемъ своими неистовствами и холодными злодѣянiями и Робеспьера, и Фукье-Тенвиля? — Я знавалъ его въ молодости: онъ учился въ семинаріи оратористовъ и отличался изступленною приверженностію къ католицизму.» — «Вы знали Лебона?» спросилъ Вышатынъ съ недоумѣніемъ. — «Зналъ;» отвѣчалъ Алимари: «на пути изъ Англіи во Францію, въ осьмидесятыхъ годахъ, остановился я въ Аррасѣ, по болѣзни, и выздоравливая, познакомился съ нѣкоторыми профессорами тамошней семинаріи. Они указали мнѣ Лебона, какъ необыкновеннаго человѣка, общающаго много для наукъ и католицизма. Въ прошломъ году, также по странному стеченію обстоятельствъ, мнѣ случилось быть въ Парижѣ и видѣть его совершенно въ иномъ положеніи.» — «Вы были въ Парижѣ? и недавно?» воскликнули всѣ въ одинъ голосъ. — «Былъ!» — «Ну что, какъ вы думаете, чѣмъ кончатся всѣ эти волненія во Франціи?» спросилъ Вышатынъ: «возстановится ли тронъ Бурбоновъ, или удержится республика?» — «Это рѣшить трудно!» отвѣчалъ Алимари: «притомъ же я прожилъ въ Парижѣ не болѣе четырехъ дней. Расскажу вамъ только, что я видѣлъ. Я жилъ въ улицѣ, неподалеку отъ Гревской Площади. Однажды утромъ, это было 13-го вандемьера, ровно за годъ предъ

симъ , сидѣлъ я за газетами въ моей комнатѣ. Вдругъ необыкновенный шумъ на улицѣ заставилъ меня подойти къ окошку. Вижу большое стеченіе народа, пикеты національной гвардіи; чего-то ждутъ; взоры всѣхъ обращаются въ одинъ конецъ улицы; возстаетъ шопоть, возвѣщающій о приближеніи ожидаемаго, и вотъ появляется везомая тощими лошадьми телѣжка: на ней сидятъ приговоренные къ смерти — человекъ пять. При появленіи ихъ, раздались громкія, радостныя восклицанія народа. «Вотъ онъ!» кричатъ со всѣхъ сторонъ: «вотъ кровопійца, тигръ, дьяволъ! вотъ Лебонъ! Смерть извергу!» Всматриваюсь въ преступниковъ, и въ одномъ изъ нихъ узнаю Лебона, видѣннаго мною лѣтъ за тринадцать предъ тѣмъ въ аррасской семинаріи. Онъ тогда былъ блѣденъ отъ постовъ и напряженія умственныхъ силъ; нынѣ же на синеватомъ , красными пятнами покрытомъ лицѣ его, изображались адскія муки отчаянія. Телѣжка проѣхала мимо окна , но я не могъ забыть ужаснаго зрѣлища. Страшные помыслы волновались въ умѣ моемъ. Вдругъ слышу пушечныя выстрѣлы. Это что? Вбѣгаетъ привратница и объявляетъ мнѣ , что жители многихъ частей города (les sections) взяли за оружіе, и пошли противъ національнаго конвента , что жестокое сраженіе происходитъ близъ Пале-рояля. Я одѣлся наскоро, и пошелъ на позорище битвы. Главное дѣло уже кончилось. Важнѣйшій постъ гражданъ, у церкви Св. Рока, былъ сбитъ.

На паперти стоялъ командовавшій войсками конвента, генераль съ своимъ штабомъ. Я протѣснулся до самыхъ ступеней, взглянулъ на этого генерала, и какой-то неизвѣстный мнѣ трепетъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу — такой фizioноміи не случилось мнѣ видѣть отъ роду. Не трудно мнѣ было узнать въ немъ земляка, Италіянца, и еще уроженца того острова, съ котораго Римляне не хотѣли брать рабовъ въ службу свою. Невысокаго роста, довольно нескладный, худощавый, блѣдный молодой человѣкъ, сложивъ руки, стоялъ на паперти, въ красномъ генеральскомъ мундирѣ, съ висящими по вискамъ длинными волосами; небольшая шляпа надвинута была на глаза, какихъ я не видывалъ и, вѣроятно, не увижу. Одни глаза эти показывали внутреннее волненіе; они одни начальствовали, одни управляли всѣми движеніями; они наводили непостижимое очарованіе на всякаго, кто попадалъ въ ихъ волшебный кругъ. Я не могъ свести съ него взоровъ. Какое во всемъ спокойствіе! Какая увѣренность! И если бъ не выраженіе глазъ, эта фигура казалась бы неподвижнымъ памятникомъ вѣковъ минувшихъ. Къ нему непрерывно подѣзжали и прибѣгали за приказаніями; онъ отвѣчалъ отрывисто, но определенно. Всѣ обращались къ нему съ выраженіемъ глубокаго почтенія; народъ, буйный народъ парижскій, стоялъ въ безмолвіи. Вдругъ раздались голоса: «Посторонитесь! дайте мѣсто представителю народа!» Толпа разступилась, и

на паперть взошелъ человѣкъ въ трехцвѣтномъ шарфѣ. Онъ приблизился къ генералу, и хотѣлъ ему что-то сказать, но этотъ посмотрѣлъ на него съ выраженіемъ презрѣнія, обратился къ своему адъютанту съ словами: «Еще пушку на уголь Сень-Никеза!» потомъ вскричалъ: «лошадь!» вспрыгнулъ на нее, и съ словами: «за мною!» умчался по улицѣ Сентъ-Оноре. Всѣ послѣдовали за нимъ взорами; въ толпѣ раздавались шопотомъ восклицанія, которыми Французы изъясляютъ свое изумленіе и удовольствіе, «Этотъ, или никто,» — подумалъ я: «этотъ, или никто, будетъ властителемъ Франціи, если только какая нибудь пуля не остановитъ его на пути.» — «Какъ!» воскликнулъ Вышатинъ: «королемъ Французскимъ! Да это дѣло невозможное. Всѣ клялись....» — «Королемъ, диктаторомъ, императоромъ — все равно, только верховнымъ и неограниченнымъ властелиномъ. Присяга французской толпы ничего не значитъ: сегодня присягнуть Петру, а завтра Ивану. Предчувствіе мое сбывается. Кампанія нынѣшняго лѣта доставила безсмертіе моему кандидату. Монтенотте, Лоди, Арколе....»

— «Такъ этотъ генералъ....» — прервалъ его Вышатинъ.

«Наполеонъ Бонапарте,» — отвѣчалъ Алимари.

Разговоръ обратился съ мечтательныхъ предметовъ на существенные, съ привидѣній на полководцевъ, съ грѣзъ на политику. Кемскій въ этой бесѣдѣ не принималъ участія ни словомъ,

ни мыслию. Онъ носился въ обыкновенной своей области мечтаній и воздушныхъ видѣній. Наконецъ онъ нашелъ человѣка, и человѣка образованнаго, который не отвергалъ возможности сношеній души человѣческой съ міромъ, ей сроднымъ, съ міромъ духовнымъ. Онъ смотрѣлъ съ уваженіемъ и любовію на прекраснаго, умнаго, глубокомысленнаго, чувствительнаго старца, въ которомъ представлялся ему идеаль мудреца — не изступленнаго Фауста, упорно силящагося расторгнуть предѣлы человѣческихъ способностей, но тихаго изыскателя вѣчныхъ истинъ, преисполненнаго вѣры и благоговѣнія къ неисповѣдимому Промыслу.

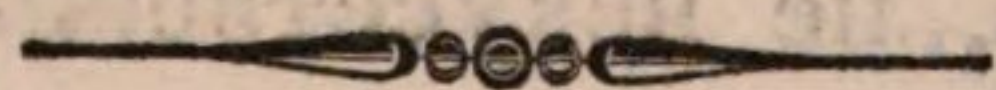
Подали ужинъ, не затѣйный, сельскій, приправленный отборными винами, которыя сибаритъ Вышатиный успѣлъ выписать изъ Петербурга. Кемскій не ужиналъ, а смотрѣлъ на другихъ. Вышатиный и Хвалынскій ѣли, какъ молодые здоровяки; пасторъ съ выраженіемъ истиннаго удовольствія пилъ вкусное вино; художникъ ѣлъ и пилъ много, но безъ разбору, и послѣ бургонскаго потребовалъ квасу со ржанымъ хлѣбомъ. Алимари съѣлъ ломтикъ бѣлаго хлѣба, и выпилъ рюмку краснаго вина. Вышатиный поднялъ бутылку шампанскаго, и хотѣлъ напѣнить его бокалъ. — «Опять хотите принуждать меня!» сказалъ, улыбаясь, Алимари: «и я опять принужденъ буду отнѣкиваться неучтиво. Въ мои лѣта всякое излишество отнимаетъ часть жизни, а мнѣ хотѣлось бы пожить еще нѣсколь-

ко лѣтъ — по крайней мѣрѣ, чтобъ увидѣть, сбудется ли предсказаніе мое о молодомъ французскомъ генералѣ!»

Послѣ ужина всѣ раскланялись. Пасторъ, Алимари и художникъ отправились къ себѣ, а молодые друзья расположились ночевать въ одной комнатѣ.

Кемскій долгое время не могъ уснуть. Возшла полная луна, и томнымъ лучемъ своимъ освѣтила комнату съ пѣнитическимъ ея безпорядкомъ. Желтѣющіе листья липъ и березъ, подъ окнами дома, казались позолоченными; изрѣдка пролеталъ въ вѣтвяхъ осенній вѣтерокъ, и унылый шумъ ихъ проникалъ въ комнату. Но это были картины только существеннаго міра: ни какой призракъ не потревожилъ нашего юнаго мечтателя наяву, и вскорѣ перенесся онъ въ собственный міръ фантазій.

XI.

Яркій лучъ утренняго солнца разбудилъ Кемскаго. Друзья его еще спали глубокимъ сномъ. Онъ всталъ по-тихоньку, одѣлся, взялъ шляпу и вышелъ изъ дому. Самъ не зная куда, побрелъ онъ по двору понамаря, повернулъ направо къ красивому домику, въ которомъ ставни были еще заперты, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, и вдругъ очутился посреди самой очаровательной картины, на вершинѣ горы, склоняющейся лег-

кою отлогостью къ живописному озеру, окруженному сизыми горами. Разноцвѣтныя деревья, въ самыхъ прелестныхъ отливахъ, отъ темно-зеленой сосны до позлащенной осенью березы, смотрѣлись въ тихой водѣ, поднимаясь уступами на отлогостяхъ; въ другихъ мѣстахъ берегъ былъ крутой и обрывистый. Надъ горами и деревьями стоялъ прозрачный туманъ; надъ туманомъ сіяло солнце. Никто не прерывалъ глубокаго молчанія. Кемскому казалось, что онъ стоитъ надъ однимъ изъ озеръ дикой Канады. Онъ началъ спускаться внизъ, по дорожкѣ, проложенной къ озеру. На каждомъ шагу виды перемѣнялись. Когда онъ былъ на половинѣ горы, раздались на ея вершинѣ унылыя звуки флейты. Трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ. Послѣ быстрой прелюдіи, послышалась какая-то прелестная мелодія, дышавшая сладостью и нѣжностью странъ южныхъ, не искусственная, имѣвшая характеръ народной пѣсни, унылой и выразительной. Жалобныя тоны, сначала звонкіе, стали мало по малу утихать, и замолкли въ пустынѣ; чудилось, что тихій воздухъ легкимъ навѣваніемъ отвѣтствуетъ умирающимъ звукамъ — и совершенная тишина, попрежнему, водворилась надъ озеромъ. Кемскій долго еще стоялъ на одномъ мѣстѣ, и прислушивался, не будетъ ли продолженія. Нѣтъ! Все было тихо. Онъ медленно пошелъ далѣе, и приблизился къ краю пустыннаго озера, гладкаго, какъ поверхность чистаго зеркала. Вправо отъ дороги, на выдав-

ишемся въ воду утесъ, увидѣлъ онъ сидящаго человека, и вскорѣ узналъ въ немъ вчерашняго артиста. Кемскій подошелъ къ нему, и увидѣлъ, что онъ снимаетъ на бумагу видъ озера, посматриваетъ на прелестный ландшафтъ холодно и безпечно, а на работу свою съ примѣтнымъ удовольствіемъ, которое иногда превращалось въ порывистые восторги, выражаемые громкими восклицаніями. Вчера былъ онъ тихъ, скромнень, молчаливъ, при каждомъ словѣ запинаясь, ни разу не забывалъ примолвить къ отвѣтамъ: ваше сіятельство, а нынѣ сдѣлался бодръ, смѣлъ и, завидѣвъ князя, вскричалъ съ радостью: «Вотъ умно, что вы встали поранѣе, и догадались выйти на озеро! Вся Петербургская Губернія не стоитъ этого укромнаго мѣстечка! Что за переливы цвѣтовъ! Какія группы деревъ!» — «А это прекрасное мѣсто конечно не стоитъ вашей картины?» спросилъ Кемскій, ожидая, что художникъ не приметъ этой хвалы, и скромно отдастъ преимущество природѣ. Не тутъ-то было. «Разумѣется!» вскричалъ онъ: «ну, что здѣсь важнаго! Нѣсколько сотъ бочекъ стоячей воды, земля, грязь и каменья; кое-гдѣ сосны, ели и березы — все это, правда, освѣщено, но не вездѣ, какъ должно. А картина — это дѣло другое. Въ натурѣ случайное сліяніе предметовъ, — на картинѣ обдуманное, разсмотрѣнное со всѣхъ сторонъ, отдѣланное въ малѣйшихъ подробностяхъ цѣлое!» Засимъ полился еще длинный рядъ сравненій искусства съ природою, ко вреду послѣд-

ней. Кемскій, видя, что художникъ упрямо стоитъ въ своемъ мнѣніи, и никакъ не хочетъ перемѣнить его, пересталъ спорить. Между тѣмъ солнце поднялось выше, туманъ надъ водою исчезъ, и всѣ предметы озарились яркимъ дневнымъ свѣтомъ. «Вотъ видите, сударь, что значитъ ваша природа!» сказалъ Бериловъ: «куда дѣвалась прекрасная картина осенняго утра? Пропала, можетъ быть, на долго. Чего добраго, завтра набѣгутъ тучи, пойдетъ дождь, а тамъ, не успѣешь оглянуться, и зима; — озеро это превратится въ гладкую степь — между тѣмъ, какъ моя картина...» — Онъ посмотрѣлъ на свой эскизъ съ родительскимъ чувствомъ, почти сквозь слезы. Вдругъ задумался, бросилъ взглядъ на озеро, потомъ на бумагу, взялъ карандашъ и началъ поправлять. Кемскій долго стоялъ и смотрѣлъ на работу, но живописецъ не видалъ и не слышалъ его, работалъ присвистывая. Чрезъ нѣсколько времени опустилъ онъ лѣвую руку въ карманъ широкаго сюртука, вытащилъ ломоть черстваго хлѣба, началъ грызть его, не прерывая работы, и только по временамъ сдувая хлѣбныя крошки, сыпавшіяся на бумагу. Самъ онъ могъ бы служить прекраснымъ образцомъ для живописца: въ глазахъ блистало вдохновеніе, на устахъ изображалась улыбка; иногда являлось на нихъ выраженіе боязни и недоумѣнія — но и эта тѣнь исчезала предъ лучемъ, излетающимъ изъ глазъ. Нашъ мечтатель глядѣлъ на него съ участіемъ и удовольствіемъ:

лице артиста казалось ему знакомымъ; онъ гдѣ-то видалъ эти глаза, этотъ ротъ — но давно, очень давно. Наконецъ живописецъ произнесъ громко: «довольно!» посмотрѣлъ еще разъ на озеро, потомъ на свою работу, вздохнулъ, свернулъ бумагу и весь приборъ, всталъ и хотѣлъ идти. Вдругъ увидѣлъ онъ князя. «Ахъ, ваше сіятельство! Вы изволили быть здѣсь — извините.... съ.... ей Богу, не замѣтилъ. Виновать, кругомъ виновать, а я такъ заработался.» — «Пойдемъ-те къ нашему больному,» сказалъ Кемскій: «онъ, чай, ужъ давно всталъ.» — «Какъ прикажете.... съ.... въ самомъ дѣлѣ.... съ....» отвѣчалъ Бериловъ, кланаясь, и они пошли обратно на гору, въ постоянный домъ. Вышати́на и Хвалынскаго застали они за чаемъ.

Первымъ предметомъ разговора ихъ было воспоминаніе о пріятномъ вечерѣ наканунѣ. «Скажи, пожалуйста, Вышати́нъ,» спросилъ князь: «кто этотъ Петръ Антоновичъ Алимари? Этотъ человѣкъ очень меня интересуе́тъ. — «Право, не знаю,» отвѣчалъ Вышати́нъ: «онъ появился здѣсь за недѣлю предъ симъ; остановился у понамаря; ходилъ, съ флейтою въ карманѣ, по горамъ и по болотамъ, собиралъ рѣдкія растенія; узнавъ, что я лежу здѣсь больной, одинъ и скучаю, онъ посѣтилъ меня какъ сосѣда. Нога моя въ то время жестоко болѣла. Алимари, случась однажды при перевязкѣ, доказалъ лекарю, что онъ не такъ меня лечитъ, совѣтовалъ бросить всѣ его мази; самъ нарвалъ на болотѣ какихъ-то

травъ , сдѣлалъ изъ нихъ припарку, и приложилъ къ больной ногѣ. На другой же день я почувствовалъ облегченіе, и съ тѣхъ поръ нога стала примѣтно поправляться. Вчера перемѣнилъ онъ травы, и сказалъ, что дня чрезъ три можно будетъ выйти и отправиться въ городъ.» — «Стало онъ врачъ!» — сказалъ Хвальинскій. — «И я то же думалъ,» отвѣчалъ Вышатиный: «но онъ объявилъ мнѣ, что никогда врачомъ не былъ, а занимается изслѣдованіемъ природы изъ любви къ наукамъ, и имѣетъ нѣсколько важныхъ, но простыхъ рецептовъ, собранныхъ имъ на путешествіяхъ по всѣмъ странамъ Свѣта. По прозвищу своему онъ Италіянецъ, но, кажется мнѣ, родился въ Россіи. Впрочемъ мнѣ совѣстно было допытываться подробнѣе. Довольно того, что онъ человекъ добрый, умный и образованный.» — «И знатокъ въ художествахъ,» прибавилъ Берилловъ: «я видѣлъ у него картину, Мадонну Карлина Дольче: онъ возитъ ее съ собою не въ рамѣ, а въ деревянномъ ящичкѣ — рѣдкая вещь! Онъ глядитъ на нее по часамъ, и плачетъ — такъ сказывала мнѣ служанка понамаря. Конечно онъ и самъ художникъ, когда такъ хорошо понимаетъ и чувствуетъ искусство.» — «Можетъ быть,» сказалъ Вышатиный: «но въ немъ всего для меня пріятнѣе нравъ его, кроткій, ровный, любезный. Онъ иногда бываетъ въ необходимости противорѣчить другимъ, и дѣлаетъ это съ большою пощадою и скромностью. Однажды только, въ продолженіе дней десяти

нашего знакомства, замѣтилъ я необыкновенное въ немъ волненіе. Мы бесѣдовали о здѣшной сѣверной природѣ, о чудесныхъ ея гранитахъ, о прекрасныхъ озерахъ, о живописныхъ видахъ. Пасторъ замѣтилъ мимоходомъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ геологовъ, Финляндія получила настоящій свой видъ отъ землетрясенія. При этомъ словѣ Алимари поблѣднѣлъ и задрожалъ. Мы испугались, спрашивали, что съ нимъ сдѣлалось, здоровъ ли онъ; онъ отвѣчалъ, что это ничего незначить, и вскорѣ оправился. Съ тѣхъ поръ мы стали въ бесѣдахъ нашихъ избѣгать этого предмета, и онъ о томъ никогда не заговаривалъ.»

Въ это время вошелъ въ комнату каммердинеръ Вышати́на, и подалъ ему записку, полученную отъ Алимари: онъ извинялся, что не можетъ прійти, по приглашенію, къ обѣду, и увѣдомлялъ, что долженъ ѣхать въ городъ, гдѣ присутствіе его необходимо; совѣтовалъ Вышати́ну продолжать употребленіе прежнихъ средствъ, и предсказывалъ скорое исцѣленіе. Въ заключеніе записки благодарилъ онъ за пріятные вечера, проведенные въ дружеской бесѣдѣ, и просилъ поклониться друзьямъ. Эта записка всѣхъ привела въ уныніе, потому что всѣ ждали Алимари, всѣ горѣли нетерпѣніемъ насладиться его бесѣдою.— «Жаль,» сказалъ Вышати́нъ почти сквозь слезы: «жаль! Я такъ свыкъся съ этимъ почтеннымъ старцемъ, что не знаю, какъ проведу здѣсь еще нѣсколько дней моего каранти́на. Впрочемъ, мнѣ

гораздо легче, и сегодня еще ѣду въ городъ. Барометръ падаетъ, какъ говорилъ мнѣ пасторъ, и мнѣ не хотѣлось бы погрязнуть въ финскихъ болотахъ. Другое дѣло, если бъ здѣсь былъ мой почтенный Алимари, мой мудрецъ, Сократъ.» — «Только этотъ Сократъ,» примолвилъ Хвалынскій: «слишкомъ легковѣренъ и наполненъ предразсудками: вѣрить въ домовыхъ, въ чертей, въ ворожей.» — «А настоящій-то Сократъ,» прервалъ съ досадою рѣчь его Кемскій: «развѣ не вѣрилъ своему демону, развѣ не совѣтовался съ нимъ? Сократъ, такимъ же образомъ, жилъ посреди софистовъ, отвергавшихъ все, по расчетамъ своего слабаго разсудка, и училъ людей тому, что внушало ему сердце и созерцаніе природы. Сократъ не отвергалъ боговъ своего отечества, но умѣлъ отличить божество отъ истукана.» — «Вотъ, таковъ и Алимари!» вскричалъ Вышатиный: «я не думаю, чтобъ онъ вѣрилъ всѣмъ преданіямъ Римской Церкви, но онъ не сядетъ за столъ, не перекрестясь. Никогда не вырывалось у него ни малѣйшаго замѣчанія на счетъ святости Религіи, и когда бывало, мы съ пасторомъ, станемъ посмѣиваться надъ папою, онъ намъ не противорѣчить, а молчить, улыбаясь. Нѣтъ, друзья! такіе люди, какъ онъ, рѣдки въ этомъ свѣтѣ. И если вы меня любите, то перестанете остриться и дѣлать замѣчанія на его счетъ. Пусть вы будете и правы, но мнѣ, признаюсь, больно слышать о немъ что либо, кромѣ хорошаго. — Эй, Оадька! Подай шампанскаго! Выпьемъ за

здоровье моего исцѣлителя, а потомъ кое-какъ поплетемся на зимнія квартиры.»

Все исполнено было по диспозиціи. Вышатиный угостилъ въ послѣдній разъ добраго пастора, усѣлся въ каретъ съ художникомъ, и отправился въ Петербургъ. Кемскій и Хвальинскій послѣдовали за ними. Во всю дорогу молчаніе прерывалось только короткими фразами. Кемскій былъ погруженъ въ глубокую думу.

ХІІ.

Новый міръ открылся предъ нашимъ мечтателемъ. Дотолъ не удавалось ему найти человека, который могъ бы, постигая его, раздѣлять съ нимъ его впечатлѣнія и ощущенія, и превосходя его умомъ, познаніями и опытностію, объяснять ему то, что въ жизни и свѣтѣ казалось ему непонятнымъ. Товарищи не могли удовлетворить безпокойному любопытству Кемскаго: одни изъ нихъ его не понимали, другіе надъ нимъ смѣялись. Хвальинскій съ участіемъ слушалъ его рассказы, но не раздѣлялъ его ощущеній и мыслей: наслаждаясь настоящимъ, онъ забывалъ будущее, и не думалъ о прошедшемъ. Вышатиный былъ человекъ умный, образованный, но свѣтскій и слишкомъ налитанный тѣмъ, что въ то время называлось философіею. Кемскій искалъ пищи у записныхъ ученыхъ, но и тамъ

не находилъ ничто. Одинъ былъ просто профессоръ или, лучше сказать, педантъ, произведенный изъ Нѣмцевъ въ надворные совѣтники, и получавшій тысячу рублей въ годъ за то, чтобъ два часа въ недѣлю читать кое-что по тетрадкѣ, списанной съ печатной книги; другой, на вопросы пламеннаго юноши, отвѣчалъ исчисленіемъ книгъ, въ которыхъ можно найти удовлетворительное разрѣшеніе, и которыхъ онъ самъ не читалъ, за недосугомъ; третій старался объяснить бытіе міра сравненіемъ его съ деревянными часами; четвертый отвѣчалъ глубокимъ вздохомъ и текстомъ изъ Библіи. Всѣ прочіе единогласно приписывали мечтанія и видѣнія обманамъ чувствъ или кознямъ шалуновъ, а предчувствія называли случайностью или послѣдствіемъ неваренія желудка. Явился человѣкъ умный, просвѣщенный, добродушный — способный разсѣять сомнѣнія юнаго искателя истины, готовый его просвѣтитъ, наставить и успокоить; но онъ явился, и исчезъ, какъ мечтаніе утреннее, какъ тѣ лица, которыя намъ представляются иногда въ сновидѣніяхъ: человѣкъ намъ знакомый, близкій, любезный; мы его помнимъ, знаемъ; радуемся, что съ нимъ свидѣлись, но проснувшись, убѣждаемся, что онъ дотолъ существовалъ только въ глубинѣ души нашей; можетъ быть, перенесенъ былъ ею изъ другаго міра, въ которомъ она обитала до переселенія въ нынѣшнее свое жилище.

Тщетно искалъ Кемскій новаго своего зна-

комца. Никто изъ всѣхъ пріятелей молодого человека не зналъ его. Всѣ распросы и поиски были напрасны. Бѣдный мечтатель походилъ на странствующаго рыцаря, ищущаго пропадшей Дульциней. Однажды случай польстилъ ему надеждою, но не надолго. Онъ былъ въ италіанскомъ театрѣ. Играли любимую его оперу, *Il matrimonio segreto*. Музыку слушалъ онъ внимательно, но при речитативахъ посматривалъ въ ложу перваго яруса, занимаемую его сестрицею. Иванъ Егоровичъ сидѣлъ, вытянувшись въ струнку, на второй скамейкѣ, безсмысленно глазѣлъ на театръ, не понимая ни словъ, ни музыки, и только при звукахъ барабана скромною улыбкою изъяснялъ удовольствіе. На первой скамейкѣ справа, рисовалась Алевтина, а налѣво сидѣла Наталья Васильевна. Любя страстно музыку, и сама играя прекрасно на фортепіанѣ, она прикована была къ сценѣ глазами, слухомъ и душею; не видѣла ненавистнаго ей Кемскаго, не знала даже, что онъ въ театрѣ, и въ полной мѣрѣ наслаждалась прелестною гармоніею. На прекрасномъ лицѣ, въ выразительныхъ глазахъ ея отсвѣчивалось душевное удовольствіе. Кемскій былъ въ третьемъ небѣ: предъ нимъ ожили мраморная Галатея. Кончился актъ; всѣ сидѣвшіе въ креслахъ встали, но онъ сидѣлъ, боясь появленіемъ своимъ смутить и разочаровать строгую Наташу. Лорнетъ Алевтины производилъ между тѣмъ инспекторскій смотръ по всей залѣ. Вотъ одинъ изъ сосѣдей его загово-

рилъ съ кѣмъ-то въ партеръ: «Каково?» спросилъ онъ по-италіянски. «Прелестно!» отвѣчали ему: «сегодня я дома.» Кемскій вздрогнулъ: это былъ голосъ Алимари. Онъ привсталъ, оборотился къ партеру, но за толпою не могъ его увидѣть; бросился опрометью изъ креселъ, пробрался въ партеръ, искалъ, искалъ — Алимари не было. «Не выходилъ ли изъ партера высокій, худощавый господинъ?» спросилъ онъ у капельдинера. «Не могу доложить,» отвѣчалъ онъ: «мало ли кто выходитъ въ антрактъ!» Кемскій воротился на свое мѣсто въ досадѣ и печали. — «Позвольте узнать,» спросилъ онъ наконецъ у сосѣда, разговаривавшаго съ Алимари: «съ кѣмъ вы говорили въ партеръ, въ началѣ антракта?» — «Съ господиномъ Алимари,» отвѣчалъ тотъ. — «Скажите мнѣ, пожалуйста, коротко ли вы его знаете? Нельзя ли сказать мнѣ, гдѣ можно его найти?» — «Этимъ не могу я вамъ служить,» отвѣчалъ незнакомецъ: «Я служу въ конторѣ банкира Барона Ралля; у насъ открытъ однимъ венеціанскимъ домомъ кредитъ на имя господина Алимари. Онъ иногда приходитъ къ намъ, и получаетъ деньги. Мы съ нимъ кланяемся на улицахъ, и разговариваемъ о погодѣ!» — «Въ извѣстные ли сроки онъ къ вамъ приходитъ?» спросилъ Кемскій. — «Нѣтъ, какъ случится: иногда мы его не видимъ по полугоду.» — «Не можете ли вы мнѣ сдѣлать одолженія,» спросилъ Кемскій: «когда къ вамъ явится Алимари, узнать, гдѣ онъ живетъ, и сообщить объ этомъ

мнѣ. Вотъ мой адресъ. Я имѣю крайнюю надобность съ нимъ видѣться!» — «Охотно!» сказалъ молодой человѣкъ, взявъ адресъ, наскоро написанный карандашемъ на визитной карточкѣ. Заиграла музыка, и начался второй актъ. — Кемскій не видѣлъ и не слышалъ ничего, что происходило на сценѣ: безпрестанно смотрѣлъ на прелестную Наташу, и размышлялъ о таинственномъ Алимари. Вдругъ замѣтилъ онъ какое-то безпокойство въ чертахъ лица и въ движеніяхъ Наташи. Она стала повертываться во всѣ стороны; бросивъ взглядъ на кресла, увидѣла Кемскаго, и вздрогнула. Сперва блѣдная, потомъ алая краска пробѣжала по лицу ея, но вскорѣ оно опять приняло обыкновенное свое выраженіе. Наташа обратилась къ сценѣ, и не спускала съ нея глазъ. Кемскій, увидѣвъ, что его замѣтили, пересталъ смотрѣть на нее, глубоко вздохнулъ и обратилъ глаза въ другую сторону залы. При выходѣ изъ театра, сказалъ онъ своему сосѣду: «Мнѣ странно и удивительно, что вы не познакомились короче съ господиномъ Алимари, имѣя къ тому случай. Онъ человѣкъ необыкновенно интересный: умный, образованный.» — «Вѣрю,» отвѣчалъ молодой человѣкъ: «но намъ, въ банкирскихъ конторахъ, нѣкогда бесѣдовать съ приходящими. Бѣда, если завидитъ нашъ строгій принципаль, что мы оставляемъ работу! Однажды только, когда Алимари пришелъ за деньгами, и кассира не случилось въ конторѣ, самъ баронъ приказалъ мнѣ

занять незнакомца разговоромъ , и я побесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько времени. Онъ дѣйствительно человѣкъ умный, любезный, но — извините, странный. Вообразите, онъ вѣритъ магнетизму , этой дерзкой выдумкѣ шарлатанства и корыстолюбія; ѣздилъ во Францію именно для того, чтобъ видѣть на самомъ дѣлѣ явленія этой небывалой и невозможной силы , и чуть было не вызвалъ на дуэль нѣкоторыхъ членовъ Парижской Академіи Наукъ, доказывавшихъ лживость и нелѣпость ученія Месмера. На возраженія и насмѣшки мои онъ отвѣчалъ скромно и учтиво , и предложилъ мнѣ испытать надъ самимъ собою эту силу, которая непреодолимо подчиняетъ одного человѣка душевному вліянію и волѣ другаго. » — « И вы испытали ее? » — « Нѣтъ! мнѣ не до того, да и кто станетъ заниматься этимъ вздоромъ! » — « Нельзя ли, » продолжалъ Кемскій съ выраженіемъ возрастающаго любопытства: « сообщить это средство мнѣ? » — « Охотно! » отвѣчалъ молодой человѣкъ: « Али-мари утверждалъ, что можно одною волею принудить человѣка, который на васъ не смотритъ, оглянуться и отвѣчать вамъ взоромъ. Онъ утверждаетъ, что для этого должно только смотрѣть на человѣка нѣсколько секундъ пристально, хотя бы съ тылу, и думать о немъ исключительно. Не вздоръ ли это? — Ахъ, извините — вотъ мои дрожки — прощайте до свиданія? » Молодой человѣкъ скрылся изъ сѣней театраль-ныхъ. Кемскій вспомнилъ о нынѣшнемъ вечерѣ,

вспомнилъ о Наташѣ, какъ она невольно почувствовала дѣйствіе его одушевленныхъ взоровъ, и принуждена была взглянуть на него. «Если магнетизмъ дѣйствуетъ на эту холодную и равнодушную женщину,» — думалъ онъ: «чего жъ онъ не произведетъ въ душѣ пламенной, отверзтой впечатлѣніямъ пылкихъ страстей!»

ХІІІ.

Мечтанія и сновидѣнія Кемскаго прервались великими происшествіями въ міръ существованномъ. Скончалась Екатерина ІІ, и со вступленіемъ на престолъ Императора Павла Петровича, началась новая эра для службы, особенно военной. Многіе товарищи нашего князя жаловались на строгость и взыскательность новыхъ начальниковъ, на трудность и безпокойство строгаго порядка; на непріятную имъ форму новыхъ мундировъ и прически, и едва не со слезами смотрѣли на прелестные свои фраки, произведенія безсмертнаго Кроля, съ которыми должно было разстаться навѣки! — Кемскому эти перемѣны были не только сносны, но и пріятны. Дѣятельная служба заняла всѣ минуты его жизни: онъ пересталъ тосковать, рѣже мучился мечтаніями, и послѣ ученья, продолжавшагося нѣсколько часовъ, послѣ суточного караула, въ которомъ уже нельзя было, по прежнему, спать

всю ночь на пуховикахъ, наслаждался крѣпкимъ и здоровымъ сномъ. Единообразная воинская одежда также была ему по нраву: онъ не любилъ наряжаться, не терпѣлъ переменъ по прихотямъ моды, и былъ въ этомъ отношеніи жертвою своего портнаго, сапожника и каммердинера, которые иногда отставали на цѣлый мѣсяцъ отъ моды, и подвергали свѣтскаго юношу замѣчаніямъ и насмѣшкамъ досужихъ товарищей. Но теперь онъ имѣлъ время и возможность привыкнуть къ своей одеждѣ, а она могла прильнуть къ нему и сдѣлаться его собственностію; до того же времени ему казалось, что онъ всегда ходитъ въ чужомъ платьѣ. — Исправность его, прилежаніе къ службѣ и неутомимость вскорѣ были замѣчены начальниками: его перевели въ гвардію, къ душевному огорченію Алевтины, излившемуся въ высокопарныхъ поздравленіяхъ.

Въ самый тотъ день, когда отдано было въ приказъ о его перемѣщеніи, лишь только онъ успѣлъ примѣрить свой новый мундиръ, получилъ онъ записку о томъ, что наряженъ въ ночной караулъ въ Зимнемъ Дворцѣ, при печальной комиссіи. Къ одиннадцати часамъ вечера отправился онъ туда съ своимъ отрядомъ, подъ начальствомъ гвардіи капитана. Его самого отрядили къ тѣлу покойной Императрицы. Все это сдѣлалось такъ поспѣшно и неожиданно, что онъ опомнился не прежде, какъ въ самой траурной комнатѣ. Тамъ картина торжественная, преисполненная невыразимаго величія, пред-

ставилась глазамъ его. Посреди огромной залы, обитой чернымъ сукномъ, увидѣлъ онъ великую Императрицу, на парадной постелѣ, въ царскомъ облаченіи, безгласную и бездыханную. Дымъ свѣчъ носился надъ нею, какъ облако. Дежурные кавалеры и дамы стояли въ безмолвіи вокругъ смертнаго одра величія земнаго; тихіе звуки утѣшенія небеснаго слышались изъ устъ протодіакона, читавшаго Евангеліе. Кемскій, взирая на божественныя черты усопшей, погрузился въ глубокое уныніе. Било двѣнадцать. Нѣкоторые изъ дежурныхъ удалились въ другіе покои; прочіе сѣли на стульяхъ, стоявшихъ вдоль стѣнъ траурной залы. Голосъ чтеца ослабѣвалъ. Свѣчи тускли. Вдругъ растворились двери изъ другой комнаты: человѣкъ высокаго росту, въ глубокомъ траурѣ, въ предшествіи придворнаго служителя, вошелъ въ залу тихими шагами, приблизился къ эстрадѣ, перекрестился по-католически, преклонилъ колѣно, тихо произнесъ: Екатерина! и заплакалъ. Чрезъ нѣсколько минутъ безмолвной молитвы, онъ всталъ, обернулся; взоры Кемскаго остановились на немъ — это былъ Алимари. Онъ узналъ князя, подошелъ къ нему, и съ горестнымъ безмолвнымъ привѣтствіемъ пожалъ ему руку. — «И вы пришли проститься съ прахомъ нашей великой Екатерины!» сказалъ Кемскій. «Вашей?» тихо возразилъ Алимари: «вашей? Она принадлежитъ всему роду человѣческому, не одной Россіи. И я, не Русскій по происхожденію, былъ

ея вѣрнѣйшимъ подданнымъ: я былъ свидѣ-
лемъ прибытія Государыни въ Россію, имѣлъ
случай видѣть ея занятія науками и изученіемъ
Россіи; я стоялъ на крыльцѣ Зимняго Дворца
въ ту минуту, какъ она вступала въ царское
жилище, въ день восшествія своего на пре-
столъ; видѣлъ ее потомъ и на блистательныхъ
каруселяхъ, и въ торжественныхъ шествіяхъ;
неоднократно смотрѣлъ издали, какъ она про-
гуливалась по царскосельскимъ аллеямъ, въ глу-
бокомъ размышленіи о славѣ и величіи своего
народа; я слышалъ, въ теченіе тридцати четы-
рехъ лѣтъ, и громовые звуки побѣдъ ея, и ти-
хія благословенія, возносившіяся за нее изъ
мирныхъ хижинъ къ престолу Предвѣчнаго.
Знаете ли вы, что есть Государь, и Государь
великій, добрый, правосудный? Не даромъoble-
каемъ мы его земнымъ блескомъ и величіемъ
въ сей жизни, и сами, подданные, восхищаемся
и гордимся этимъ блескомъ, этимъ величіемъ!
Вообразите себѣ: милліоны существъ, одарен-
ныхъ чувствомъ и душою безсмертною, живутъ
въ мірѣ подъ кровомъ и защитою одного изъ
земнородныхъ, а этотъ земнородный есть Госу-
дарь ихъ. Вообразите, что спокойствіе, благо-
денствіе, душевное достоинство сихъ милліоновъ
зиждется волею и трудами Государя; вообрази-
те, что изъ подвиговъ этого Государя истекаетъ
счастіе или несчастіе милліоновъ людей, еще
неродившихся — и послѣ этого разсудите, съ
какимъ благоговѣніемъ должны мы приближать-

ся къ смертному одру тѣхъ изъ сихъ государей, которые свято исполняли долгъ свой на земли, и теперь, предъ трономъ Вседержителя, даютъ отчетъ въ своихъ дѣлахъ, помыслахъ и чувствованіяхъ.» — «И для чего они не бессмертны?» съ уныніемъ сказалъ Кемскій. — «Для того, что должны управлять смертными!» отвѣчалъ Алимари: «Неужели вы думаете, что ангелъ бессмертный и безплотный могъ бы жить и дѣйствовать посреди людей, волнуемыхъ страстями и пороками? Сверхъ того, всякій чело-вѣкъ, и самый великій, есть произведеніе своего вѣка. Вѣкъ Екатерины минулъ, и духъ ея оставилъ земную оболочку. Вѣкъ новый наступаетъ, вѣкъ чуждый той, которая была превосходнѣйшимъ созданіемъ своего вѣка; но память Екатерины пребудетъ священной потомкамъ, и при звукахъ новой славы раздаваться будутъ въ великихъ воспоминаніяхъ отголоски дней Кагула и Чесмы, и новые законы будутъ опираться на премудрые уставы великой законодательницы, и грядущіе поэты съ умиленіемъ будутъ повторять гимны пѣвцовъ Екатерины! — Вы молоды и увидите будущее поколѣніе. Великія судьбы ожидаютъ Россію въ грозныхъ буряхъ, которыя собираются за западъ; блистательная слава озаритъ ваше отечество, но внуки ваши съ жадностію будутъ внимать повѣствованіямъ дѣда о дняхъ минувшихъ, о дняхъ Екатерины. Скажите имъ, что вы знали республиканца, который четыре раза искалъ крова и

защиты подъ скипетромъ самодержавной Императрицы, и на хладныхъ берегахъ гостепріимной Невы проклиналъ свободу цвѣтущей Венеціи.» — Алимари вновь подошелъ къ эстрадѣ, преклонилъ колѣно, перекрестился, всталъ и вышелъ изъ комнаты. Кемскій, въ сіи торжественныя минуты, не могъ думать ни о чемъ, кромѣ того, что представлялось глазамъ его. Онъ еще разъ упустилъ случай узнать, гдѣ можно найти ему Алимари, и въ этотъ разъ не могъ даже упрекать себя въ оплошности. — Прѣжняя тишина водворилась въ залѣ. Ночь прошла для Кемскаго въ глубокихъ размышленіяхъ. ....

Въ первыхъ мѣсяцахъ слѣдующаго года, поездка въ полуденныя губерніи по дѣламъ службы доставила ему пріятное развлеченіе. Онъ посланъ былъ съ какими-то важными бумагами въ новороссійскій край, и встрѣтилъ весну на берегу Чернаго Моря, въ раждавшейся тогда Одессѣ. Тамъ нашелъ онъ нѣсколько товарищей корпусныхъ, а въ начальникъ друга своего покойнаго отца, и провелъ время самымъ усладительнымъ для своего сердца образомъ. Между тѣмъ какая-то непонятная сила влекла его домой: онъ никого въ Петербургѣ не любилъ, что называется любить, а не могъ вспомнить о сѣверной столицѣ безъ сердечнаго волненія, не могъ остановиться на ней мыслей, не почувствовавъ въ глубинѣ души своей какого-то непостижимаго влеченія. Неожиданно явился въ Одессѣ и Хвалын-

скій: онъ ѣздилъ съ порученіемъ въ Херсонскую Губернію, и завернулъ въ Одессу, чтобъ возвратиться въ Петербургъ въ обществѣ милаго своего друга. Кемскій искренне обрадовался товарищу, и сообщилъ ему, съ какимъ нетерпѣніемъ ждетъ минуты отъѣзда: теплое дыханіе полудня сдѣлалось ему несноснымъ; онъ горѣлъ мыслию воротиться на хладный сѣверъ. — «Что это за магнитный полюсъ, къ которому стрѣлка твоего сердца неизмѣнно обращается?» съ улыбкою спрашивалъ Хвалынский. — «Самъ не знаю!» отвѣчалъ Кемскій: «но мнѣ здѣсь скучно, тяжело, душно. Поѣдемъ, ради Бога, поѣдемъ!» Желаніе его вскорѣ исполнилось. Друзья оставили Одессу, и помчались въ Петербургъ.

Въ одномъ жидовскомъ мѣстечкѣ, въ Бѣлоруссіи, принуждены они были остановиться на ночь въ корчмѣ, для починки экипажа. Имъ отвели мѣсто за перегородкою. Утомленные продолжительною ѣздою, они оба заснули на свѣжей соломѣ; но около полуночи какое-то страшное сновидѣніе разбудило Кемскаго. Опамятовшись совершенно, онъ слышитъ за перегородкою разговоры и хохотъ. Прислушивается: старуха Жидовка ворожитъ солдатамъ на картахъ, предсказываетъ одному генеральскій чинъ, другому отставку, третьему молодую жену. Служивые смѣются и шутятъ другъ надъ другомъ. — «Полно слушать ее!» говоритъ одинъ голосъ: «все пустяки вретъ! Ну, какъ ей, старой хры-
*

човкъ, знать, что нашему брату на роду написано! Пойдемъ домой! пусть новобранцевъ морочить.» — «Нѣтъ, Спиридоновъ!» говоритъ другой голосъ: «не шути этимъ. Самъ бѣсъ у ней подъ языкомъ! Добро бы она толковала о будущемъ; анъ и прошедшее, какъ по пальцамъ расчитываетъ. Мнѣ все рассказала: какъ меня въ солдаты отдали, какъ подъ Шведомъ ранили, какъ въ Польшѣ чуть-было въ полонъ не взяли — эка притча! — Ну-ка, старая вѣдьма! Вотъ тебѣ еще гривняга: скажи, скоро ли мнѣ достанется въ ундера!» — Водворилось молчаніе. Потомъ послышался хриплый шопоть, и раздался громкій смѣхъ. Разговоры, шутки, хохоть продолжались нѣсколько времени. Наконецъ одинъ изъ солдатъ напомнилъ, что пора отправиться по квартирамъ, и схрапнуть до завтрашняго похода. Совѣтъ его подѣйствовалъ. Мало по малу шумъ уменьшался, и чрезъ нѣсколько времени водворилась въ корчмѣ совершенная тишина, прерываемая слабымъ кашлемъ старухи. — Кемскій между тѣмъ всталъ, надѣлъ сюртукъ, и вышелъ изъ-за перегородки. Въ большой избѣ, едва освѣщаемой сальнымъ огаркомъ, сидѣла, въ углу, за столомъ, грязная старуха, въ ветхомъ жиновскомъ костюмѣ, и собирала разложенныя по столу, саломъ и пылью налитыя, частымъ употребленіемъ закругленныя по угламъ, карты. Кемскій подошелъ къ ней, бросилъ на столъ серебряный рубль и сказалъ: «Бабушка! погадай мнѣ: гдѣ ожидаетъ меня счастье!»

Старушка взглянула на него, протасовала карты, дала ему снять лѣвою рукою, вскрыва пиковую семерку, и тихимъ голосомъ сказала: «въ гробу!»

XIV.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, 1793.

Время улетало на крыльяхъ своихъ, свинцовыхъ для несчастныхъ, воздушныхъ для счастливыхъ. Алевтина сочеталась законнымъ бракомъ съ Иваномъ Егоровичемъ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, при помощи друзей, благотворителей, визитовъ и обѣдовъ, успѣла вывести его въ подполковники. Онъ былъ опредѣленъ въ смотрители при построеніи разныхъ казенныхъ зданій. Должно сказать, что самъ онъ не пользовался ни копейкою: съ утра до ночи ходилъ по лѣсамъ, смотрѣлъ за сохранностію матеріаловъ, за прочностью работъ; но архитекторы наживались, подрядчики толпами являлись къ торгамъ, и перебивали другъ у друга работу. Начальникъ, случайно, въ это самое время строилъ дачу: къ нему безпрекословно отпускаемы были матеріалы и работники. По счетамъ архитекторовъ и поставщиковъ плата производилась неукоснительно. А отчеты? А вѣдомости? Это сводилъ у него человекъ опытный, необыкновенный въ сихъ дѣлахъ искус-

никъ. Иванъ Егоровичъ нашелъ этотъ кладъ по слѣдующему случаю.

Въ началѣ службы своей посланъ онъ былъ въ Симбирскую Губернію, для привода рекрутской партіи: получилъ прогонныя деньги, суму на расходы, инструкцію и шнуговую книгу, и отправился по назначенію. Нельзя было дѣйствовать исправнѣе, осторожнѣе, совѣстнѣе Ивана Егоровича: за всякую казенную копѣйку торговался онъ до драки; всѣ сбереженныя суммы показывалъ въ приходѣ по чистой совѣсти; при каждой передачѣ подробно исчислялъ причины, по какимъ долженъ былъ произвести ее. Такимъ образомъ сберегъ онъ въ пользу казны слишкомъ треть данныхъ ему денегъ, и заранѣе восхищался мыслію, съ какимъ торжествомъ представить свою экономію начальству. На послѣднемъ переходѣ подъ Петербургомъ, сошелся онъ съ товарищемъ, который велъ другую партію, изъ Смоленска. За чаемъ разговорились они о своихъ дѣлахъ по службѣ. — «Скажи, сдѣлай одолженіе, Сайдаковъ,» спросилъ фонъ-Дракъ у товарища: «сколько у тебя осталось изъ отпущенныхъ тебѣ денегъ?» — «Сколько осталось? Право, не знаю. Эй, Звѣробоевъ! сколько бишь у насъ въ остаткѣ?» — «Ничего не осталось,» отвѣчалъ сержантъ: «и своихъ ваше благородіе изволили потратить.» — «Прійдется еще искать на Военной Коллегіи,» сказалъ Сайдаковъ. — «Помилуй, другъ мой!» возразилъ фонъ-Дракъ съ трепетомъ: «Куда это ты дѣвалъ всѣ деньги?

Покажи мнѣ, пожалуйста, шнуровую книгу.» — «Изволь, любезный! Эй, Звѣробоевъ! Подай книгу.» Звѣробоевъ подалъ. Фонъ-Дракъ раскрылъ ее, перевернулъ нѣсколько листовъ, и поблѣднѣлъ: «Несчастный, ты пропалъ! Книга бѣлая!» — «Знаю,» отвѣчалъ Сайдаковъ, смѣючись. «Смотри, Звѣробоевъ! завтра, когда прійдемъ въ Петербургъ, приведи ко мнѣ писаря — того, разумѣешь?» — «Слушаю, ваше благородіе!» — Фонъ-Дракъ не могъ уснуть, помышляя о бѣдѣ, ожидающей безпечнаго Сайдакова. На другой день товарищи пришли въ городъ, и остановились на одной квартирѣ. Фонъ-Дракъ всталъ въ пять часовъ, и занялся окончаніемъ счетовъ; вывелъ всѣ расходы, повѣрилъ итоги, перечелъ остальные деньги, и съ торжествомъ подписалъ рапортъ. — Сайдаковъ проснулся въ одиннадцать часовъ, и сѣлъ за чай. Денщикъ докладываетъ: «Пришелъ писарь изъ Военной Коллегіи.» — «Зови скота!» — Вошла гнусная, красноносая фигурка въ засаленомъ фракѣ и сѣромъ галстухѣ. — «Здорово, Тряпицынъ! Я привелъ партію; мнѣ еще слѣдуетъ получить сто двадцать пять рублей.» — «Слушаю, ваше благородіе!» — Вотъ тебѣ книга, и вотъ пять рублей; когда кончишь, дамъ еще синенькую.» — «Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе; — будетъ исправлено.» — «При этомъ случаѣ,» сказалъ Сайдаковъ, обращаясь къ Фонъ-Драку: «ты можешь отправить свои счета въ коллегію. Тряпицынъ ихъ доставить.» — «Съ нашимъ удовольствіемъ,»

пробормоталъ Тряпицынъ. — «Нѣтъ, Сайдаковъ!» отвѣчалъ Иванъ Егоровичъ съ боязливою важною: «я долженъ самъ имѣть честь представить отчеты — это долгъ службы.» — «Это пустое, ваше благородіе,» возразилъ Тряпицынъ: «поручите намъ, все исправимъ. Ей, ей, довольны будете!» — «Нѣтъ, братецъ!» отвѣчалъ Фонъ-Дракъ: «я знаю долгъ службы. Самъ представляю.» — «Какъ изволите!» сказалъ Тряпицынъ съ усмѣшкою, и отправился. Фонъ-Дракъ представилъ свои отчеты и остальные деньги, и чрезъ двѣ недѣли явился въ коллегію за квитанціею. Въ прихожей встрѣтилъ онъ Сайдакова. «Ну что, какъ сошло!» спросилъ Фонъ-Дракъ съ состраданіемъ. — «Прекрасно! Мнѣ доплатили передержку; вотъ приказъ казначею, выдать деньги. Приходи завтра обѣдать. Разговѣмся послѣ похода!» — Фонъ-Дракъ поблагодарилъ и отправился въ присутствіе. «Куда изволите итти?» важно спрашиваетъ его Тряпицынъ, сидящій посреди запачканной братіи въ канцеляріи. — «Куда! Въ присутствіе, за квитанціею.» — «Извольте погодить, ваше благородіе! Есть начетецъ, есть неисправности, передержки противъ справочныхъ цѣнъ, незаконныя выдачи, невѣрные итоги. Надобно поисправить!» — Фонъ-Дракъ остоленѣлъ. «Помилуй, братецъ! Я велъ самый исправный счетъ! У меня въ остаткѣ значительная сумма.» — «Точно такъ-съ; но если бъ изволили соблюдать казенный интересъ по предписаннымъ формамъ, то осталось бы конечно вдвое

болѣе.» — «Да какъ это? Сайдакову дали кви-
танцію, а онъ передержалъ сверхъ денегъ, вы-
данныхъ ему отъ казны.» — «Точно такъ-съ;
да они представили на все законныя объясненія
и доказательства. Начальство справедливо: оно
выдаетъ и передержку, если таковая учинена
не въ противность существующимъ постановле-
ніямъ. Извѣстно вамъ премудрое изрѣченіе Го-
сударя Императора Петра Великаго: вотще за-
коны писать, если по нимъ не исполнять.» —
Фонъ-Дракъ былъ въ отчаяніи: отправился съ
жалобою въ присутствіе, и получилъ въ отвѣтъ,
что ревизія отчетовъ поручена столу коллеж-
скаго регистратора Тряпицына, и что онъ тамъ
долженъ ждать рѣшенія, которое въ свое вре-
мя будетъ разсмотрѣно и утверждено или от-
ринуту присутствіемъ. Фонъ-Дракъ рѣшился
выждать окончаніе дѣла, являлся каждый день
въ канцелярію, но каждый день Тряпицынъ на-
ходилъ въ его книгѣ новыя неисправности, и
заготовлялъ запросы въ земскіе суды уѣздовъ,
лежащихъ на пути изъ Симбирска. Терпѣніе
несчастливаго просителя истощилось: чрезъ мѣ-
сяцъ рѣшился онъ искать *приватно* покрови-
тельства Тряпицына, и въ ужасную осеннюю
погоду, въ пять часовъ утра, отправился къ не-
му на квартиру, на Козьмѣ Болотѣ. Тряпицынъ
встрѣтилъ его въ раздранномъ плащѣ, и ввелъ
въ освѣщенную сальнымъ огаркомъ, грязную
комнату, въ которой пахло и дегтемъ, и саломъ,
и гнилью. Фонъ-Дракъ не зналъ, съ чего на-

чать, но Тряпицынъ самъ помогъ ему. — «Мнѣ жаль, ваше благородіе, что вы изволите такъ часто трудиться ходить въ канцелярію: не угодно ли вамъ поручить мнѣ окончаніе сего дѣла, и я ручаюсь вамъ, что чрезъ недѣлю все улажу къ вашему удовольствію и къ соблюденію казеннаго интереса. Изволите видѣть, для сего должно мнѣ будетъ просиживать ночи; такъ я надѣюсь, что ваше благородіе за экстренные труды не оставите меня должнымъ вознагражденіемъ. Вѣрьте Богу, жалованья беру въ годъ шестьдесятъ рублей.» — Фонъ-Дракъ вынулъ изъ кармана пятирублевую ассигнацію, и положилъ на столъ. «Изволите видѣть-съ,» продолжалъ Тряпицынъ: «для его благородія, Семена Егоровича господина Сайдакова, можно было въ скоромъ времени исправить: его дѣло было чистое, садись, пиши да и только; а въ этомъ дѣлѣ, изволите видѣть, должно сперва поправить, а потомъ сдѣлать должное по законамъ. Двойная работа, ваше благородіе!» — Фонъ-Дракъ вздохнулъ тяжело, и вынулъ изъ кармана другую синюю ассигнацію. — «Вижу,» сказалъ Тряпицынъ: «что вы человекъ добрый; только жаль, неопытны въ службѣ по счетной части, и не свѣдуши въ существующихъ законахъ. Радъ помочь вамъ отъ души. Пожалуйста дня чрезъ три въ канцелярію, и все найдете въ порядкѣ. — «Какъ чрезъ три дня?» спросилъ Фонъ-Дракъ: «да успѣешь ли?» — «И! ваше благородіе! Не беспокойтесь, мы люди дѣловые: все сладимъ

къ вашему удовольствію. Дѣло ваше у меня на дому — изволите видѣть, вотъ оно-съ. Я сейчасъ имъ займусь.» — Фонъ-Дракъ откланялся. Тряпицынъ, провожая его въ сѣни, отперъ дверь въ кухню, и закричалъ: «Денисьевна! растопи-ка сальца горшечекъ, да поскорѣе.» — «Это что?» подумалъ Фонъ-Дракъ, вышедъ на улицу: «неужели Тряпицынъ питается саломъ?» Онъ остановился у домика, предъ окномъ комнаты дѣльца, котораго очень хорошо видѣлъ сквозь дырявую занавѣску, и съ любопытствомъ смотрѣлъ, что будетъ. Тряпицынъ дѣйствительно занялся его дѣломъ: взялъ кипку бумагъ, перевернулъ листочки одинъ за другимъ; вынулъ приложенныя къ рапорту деньги, и спряталъ ихъ въ столикъ. Хромая Денисьевна принесла горшокъ съ растопленнымъ саломъ. Тряпицынъ окунулъ въ него все дѣло, и, положивъ засаленные почти доверху листы на полъ, сѣлъ за столъ и началъ что-то писать. Фонъ-Дракъ отправился домой, ломая голову надъ тѣмъ, что бы значила эта операція. Черезъ три дня является онъ въ канцелярію. Тряпицынъ кланяется ему сухо, какъ чужому человѣку, и черезъ нѣсколько времени обращается къ столоначальнику: «Егоръ Кузьмичъ! Сдѣлайте божескую милость, убѣдите господина экзекутора завести кота въ канцеляріи. Отъ крысъ житья нѣтъ. Вотъ еще одно дѣло съѣли.» Съ этими словами вытаскиваетъ онъ изъ-подъ стола заголовки бумагъ и счетовъ Фонъ-Драка: вся нижняя часть дѣйствительно съѣдена

была крысами, по то мѣсто, до котораго Тряпицынъ опустилъ бумагу въ сало. «Неужели?» спросилъ столоначальникъ. — «Дѣйствительно такъ-съ, извольте сами посмотрѣть.» Столоначальникъ подошелъ: «Въ самомъ дѣлѣ! Да какъ онѣ, проклятыя, грызутъ узорчато! Нешто! Надобно завести кота!» — «Это напредки-съ,» сказалъ Тряпицынъ: «а сіе дѣло пропало. Слѣдуетъ, за утратою документовъ, предать оное забвенію, и господину поручику выдать квитанцію.» — «А остальные деньги, оставшіяся въ экономіи?» спросилъ жалобно фонъ-Дракъ. «Деньги-съ? какія деньги-съ?» — «Да тѣ, которыя я представилъ при рапортѣ!» — «Съѣдены крысами-съ. Что дѣлать? И казенный интересъ иногда въ экстренностяхъ пропадаетъ. Впрочемъ, если вашему благородію угодно, мы выведемъ справки, пославъ запросы въ тѣ присутственныя мѣста и начальства, съ коими вы, по помянутому приводу рекрутской партіи, изволили находитьея въ сношеніяхъ. Это скоро сдѣлаемъ. Мѣсяцевъ въ восемь.» — «Нѣтъ, ради Бога нѣтъ!» вскричалъ фонъ-Дракъ: «дайте мнѣ только квитанцію.» — «Какъ угодно,» отвѣчалъ Тряпицынъ: «извольте повременить!» Чрезъ часъ квитанція была фонъ-Драку выдана, и онъ за десять рублей получилъ урокъ, какимъ образомъ надлежитъ дѣйствовать въ дѣлахъ для сохраненія казеннаго интереса.

Вступивъ въ новую должность по счетной и письменной части, онъ сначала пришелъ было

въ отчаяніе: товарищи поздравляли его съ *хлб-*
нымъ мѣстомъ, а онъ не зналъ, какъ пожить-
ся и на *соль*, и при представленіи отчета за пер-
вый мѣсяцъ принужденъ былъ дополнить не-
доимку своими деньгами.

Тогда вспомнилъ онъ о Тряпицынѣ: пригласилъ его къ себѣ, приласкалъ и предложилъ ему мѣсто секретаря, бухгалтера и казначея. Догадливый рачитель казеннаго интереса охотно согласился на это предложеніе, опредѣлился подъ начальство фонъ-Драка, и вскорѣ освободилъ его отъ всѣхъ заботъ: фонъ-Дракъ поутру подписывалъ бумаги, заготовленные Тряпицынымъ, будучи увѣренъ, что не нужно читать ихъ предварительно; потомъ ходилъ на строе-нія, и занимался механизмомъ работы, который былъ ему довольно хорошо извѣстенъ. Дѣла пошли своимъ порядкомъ: смѣты, книги, вѣдомости, отчеты ведены были съ величайшею исправностію, и все происходило на законномъ основаніи. Для текущей переписки Тряпицынъ пріискалъ изгнаннаго изъ академіи за дурное поведеніе семинариста: этотъ сочинялъ бумаги, а Тряпицынъ исправлялъ ихъ по надлежащей формѣ. Слогъ и законность бумагъ канцеляріи фонъ-Драка сдѣлались извѣстными въ приказно-счетномъ свѣтѣ. Но не одной суетной славы домогался Тряпицынъ: онъ любилъ существенность. Изъ скуднаго жалованья своего сберегъ онъ, при благоразумной экономіи, столько, что построилъ домикъ на Новыхъ Мѣстахъ, и сталъ

приторговывать деревеньку; онъ бы окончательно купилъ ее, да малый чинъ не позволялъ ему совершить крѣпость на свое имя; сверхъ того это скорое благопріобрѣтеніе могло бы возбудить зависть, толки и клевету людей неблагонамѣренныхъ: и такъ онъ рѣшился подождать удобнѣйшаго случая. И медвѣжья наружность Тряпицына мало по малу преобразилась. Алевтина Михайловна ахнула, увидѣвъ этого запачканнаго урода въ кабинетъ своего мужа, и стала было требовать, чтобъ его не пускали на дворъ, но вскорѣ смирилась доводами и увѣщаніями фонъ-Драка: онъ представилъ ей Тряпицына человѣкомъ единственнымъ и необходимымъ для устроенія дѣлъ по службѣ и по фамиліи. И самъ Тряпицынъ усмотрѣлъ, что безсмертной душѣ его надлежитъ на новой планетѣ переселиться въ другое тѣло. Онъ сталъ бриться по два раза въ недѣлю, и такъ же часто перемѣнять косынку и манжеты; пудра и помада смѣнили сальце съ мучкою; пучекъ его превратился въ благообразную косу; насаленные виски свились регулярными пуклями; кафтанъ и нижнее платье бирюзоваго цвѣта, а въ праздничные дни губернской мундиръ съ бархатнымъ воротникомъ и общлагами, замѣнили казавшійся безсмертнымъ сюртукъ его. Табачная лавочка у Синяго Мосту лишилась въ немъ постоянного покупателя: онъ нюхалъ табакъ рульный, а потомъ и настоящій французскій, уже не изъ скромной тавлинки или ветхой бумажной таба-

керки съ изображеніемъ турецкаго султана, — а изъ серебряной, по высокимъ праздникамъ изъ золотой. Нельзя было перемѣнить гнусной фигуры и подлаго лица — но и на это нашлось средство: остались вещи, но возвысились имена, и этого довольно. Грубость его стали называть строгою честностью, дерзость и безстыдство откровенностью, каверзы и крючки усердіемъ къ службѣ, уваженіемъ къ законамъ и знаніемъ дѣла. Одаренный природною смѣтливостью, сынъ порховскаго цѣловальника не замедлилъ догадаться, чего ему недоставало: онъ не вмѣшивался ни въ какіе разговоры и сужденія, которыхъ предметъ превосходилъ его понятія, а замѣтивъ въ спорѣ двухъ другихъ лицъ слабую сторону, приставалъ къ сильнѣйшей, и значительною улыбкою давалъ знать, что понимаетъ дѣло и судить о немъ, какъ люди умные и просвѣщенные, но, по скромности ли своей, или же потому, что почитаетъ такой предметъ недостойнымъ своего вниманія, самъ въ спорѣ не вступаетъ. Въ то же время возникла въ душѣ его непримиримая ненависть къ людямъ просвѣщеннымъ и образованнымъ: всякъ, кто уже умѣлъ говорить по-французски, былъ природнымъ врагомъ его. Онъ скрывалъ эту ненависть подъ личиною скромности и покорности, но при первомъ удобномъ случаѣ давалъ чувствовать ее на дѣлѣ. Привязанность и довѣріе къ нему Фонъ-Драка не знали предѣловъ: онъ усилились еще отъ того обстоятельства, что начальникъ, страшась безпо-

коить грозную супругу, занималъ у подчиненнаго деньги, по заемнымъ письмамъ, безъ процентовъ. Тряпицынъ совершенно овладѣлъ своимъ командиромъ, но не давая ему этого чувствовать, и представляясь, будто дѣйствуетъ во всемъ по его приказаніямъ и распоряженіямъ. Благосклонность Алевтины была равномерно должною наградою за его труды и усердіе. Но Кемскій и другъ его, Хвальнскій, были предметами ненависти и злобы секретаря: предъ ними онъ не могъ укрыться; они знали и презирали его. Кемскій молчалъ, но Хвальнскій не могъ не позабавиться на счетъ плута, и при всякомъ случаѣ старался уколоть и унижить его предъ другими. Однажды, за столомъ, разговорились о дороговизнѣ, о томъ, что нынѣ трудно жить и т. д., какъ ведется отъ Адама и будетъ до преставленія свѣта. «Всему виною худое хозяйство!» сказалъ Хвальнскій: «Вотъ у меня, на примѣръ, доходу до трехъ тысячъ рублей, а я съ каждымъ годомъ наживаю долги, и отъ чего? Нѣтъ порядку, экономіи, расчетливости. А вотъ, на примѣръ (указывая на Тряпицына), Яковъ Лукичъ! Вы, кажется, берете жалованья рублей чтыреста: экипажъ у васъ презрядненькій; домикъ построили хоть куда, и тотъ, какъ полная чаша; въ бостонъ играете по четвертцъ, и прочее въ соразмѣрности. А все это отъ того, что жить умѣете съ расчетомъ, по одеждѣ протягиваете ножки. Наша же братья, такъ называемые благородные, разоряемся въ

пухъ, а живемъ какъ нищіе. Хоть бы вы меня поучили, почтеннѣйшій, какъ все изъ ничего создается. А домикъ-отъ вашъ я вмигъ узналъ: у крыльца толпа подрядчиковъ, и надъ нижнимъ ярусомъ вывѣска съ надписью: «здесь бръютъ и кровь отворяютъ.» — Алевтина пылала гнѣвомъ; Фонъ-Дракъ блѣднѣлъ; Тряпицынъ сидѣлъ за столомъ полумертвый. Кемскій кашлялъ, толкалъ Хвалынскаго, но тотъ не унимался. Послѣ обѣда Алевтина напрямки объявила Кемскому, что не хочетъ и не можетъ терпѣть дерзкихъ людей въ своемъ домѣ, и поручила ему просить Хвалынскаго, чтобъ онъ не трудился навѣщать ее. Кемскій хотѣлъ было, въ сотый разъ, защитить и оправдать своего друга, но Алевтина заградила ему уста замѣчаніемъ, что онъ конечно не захочетъ, въ угожденіе своему пріятелю, сдѣлать ее несчастною, подвергнувъ гнѣву раздраженнаго мужа. Несчастною? гнѣвъ мужа? раздраженный Фонъ-Дракъ? Какъ сообразить это съ обыкновенною кротостію и покорностію Ивана Егоровича? Странно, но дѣйствительно такъ было. Иванъ Егоровичъ былъ смиренъ, кротокъ, послушенъ, терпѣливъ, какъ овца или какъ знаменитое неумоимостью животное странъ полуденныхъ, но только до известной степени. Когда же его выводили изъ терпѣнія, онъ впадалъ въ бѣшенство, становился дикимъ, свирѣпымъ звѣремъ, былъ готовъ на все. Алевтина раза два испытала на себѣ дѣйствія этого ясновидѣнія, и извѣдала опытомъ ту

степень, до которой было позволительно томить, мучить и терзать несчастного супруга; но лишь только онъ поблѣднѣетъ и задрожитъ, она перемѣняла свое обращеніе, начинала его ласкать, плакала, называла себя неблагодарною, недостойною такого мужа, ангела и праведника. Иванъ Егоровичъ приходилъ въ себя, и буря пролетала мимо. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Фонъ-Дракъ долгое время сносилъ замѣчанія, насмѣшки, колкости Хвалынскаго; но когда сатирикъ коснулся Тряпицына, его души и провидѣнія въ этомъ мірѣ, терпѣніе его лопнуло, и онъ готовъ былъ доказать насмѣшнику свой гнѣвъ самымъ чувствительнымъ и обиднымъ образомъ. Алевтина, щадя брата, предупредила эту вспышку, и упростила князя освободить ее отъ Хвалынскаго.

Молодому вѣтренику крайне досадно было это происшествіе: во-первыхъ, онъ лишился возможности видѣть Наташу, прелестную, умную и любезную; во-вторыхъ, оставлялъ своего друга въ когтяхъ его злодѣевъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ этого времени родственныя тріумвираты могъ дѣйствовать безъ опасенія, и Тряпицынъ сдѣлался орудіемъ всѣхъ козней противъ Кемскаго, предвидя, что, въ случаѣ устраненія его, будетъ неограниченнымъ управителемъ всего имѣнія. Онъ, какъ уже сказано, питалъ къ молодому князю сильнѣйшую ненависть за привязанность его къ Хвалынскому, за неуваженіе его къ секретарю и совѣтнику своего зятя, и наконецъ не могъ ему простить знатной породы, об-

разованія и богатства. И когда случилось, что Иванъ Егоровичъ, въ рѣдкія минуты совѣстности и богобоязни, не тотчасъ соглашался на предложенія Тряпицына, клонившіяся ко вреду князя, усердный клеветъ успокоивалъ сомнѣнія его слѣдующими разсужденіями: «Помилуйте, ваше высокоблагородіе! Что вы это балуете мальчишку! Вѣдь имѣніе его не благопріобрѣтенное, не стоило ему ни труда, ни заботъ, и онъ имъ владѣетъ безъ всякихъ заслугъ — не такъ какъ мы, полезные государству люди, каждую копейку пріобрѣтаемъ въ потъ лица и иногда съ крайнею опасностію. Если не вы, такъ другой расхититъ его имущество. Теперь у него въ модѣ друзья и просвѣщеніе. Посмотрите, что онъ раздарилъ этимъ повѣсамъ, что купилъ книгъ, ландкартъ, картинъ и другихъ безполезныхъ мелочей! За этимъ непременно послѣдуютъ карты, пьянство и тому подобное! На долго ли тутъ имѣнія? Оно перейдетъ въ руки ростовщиковъ, а дѣти вашей супруги, его племянники, пойдутъ по міру. Не грѣшно ли допустить это? Воля ваша, ваше высокоблагородіе, а великодушіе тутъ не у мѣста!» — Какъ не согласиться съ такими убѣдительными доводами! Фонъ-Дракъ съ улыбкою отвѣчалъ: «Да, да! точно такъ! дѣйствительно такъ! Дока, дока — Тряпицынъ!»

Между тѣмъ, по благонамѣренному совѣту секретаря, учтивость, вниманіе, ласки Алевтины, ея матери и мужа къ Князю Кемскому еще уси-

лились. Онъ восхищался ихъ довѣренностью, любовью и нѣжностью, и нѣсколько разъ думалъ про себя: «Давно бы Хвалынскому отстать отъ ихъ дома: они, въ его отсутствіе, не имѣютъ ни какой причины быть недовольными мною.»

XV.

Смѣтливый секретарь видѣлъ, что пылкій, чувствительный и въ то же время слабый характеромъ Кемскій легко можетъ сдѣлаться добычею первой женщины, которой бы вздумалось пріобрѣсти его любовь, или только показаться къ нему равнодушною и задѣть его слабую сторону. Многія дѣвицы посматривали на него съ участіемъ и нѣжностію; матушки обходились съ нимъ предупредительно и учтиво. Тряпицынъ сообщилъ эти опасенія своимъ благодѣтелямъ, и доказалъ имъ, что князь, женись безъ ихъ воли на дочери какого нибудь неблагонамѣреннаго человѣка, можетъ забыть, чѣмъ обязанъ своимъ родственникамъ, можетъ перемѣнить свои намѣренія въ разсужденіи дѣтей Алевтины. Слѣдственно, если уже должно ему жениться, пусть онъ женится на особѣ, которая совершенно зависѣла бы отъ его семейства. Планъ былъ одобренъ въ семейномъ совѣтѣ; надлежало привести его въ исполненіе. Алевтина вспомнила объ одной своей дальней родственницѣ по матери,

круглой сиротѣ, неимѣвшей ни какой надежды въ свѣтъ, ни даже пріюта, и проживавшей въ Москвѣ попеременно у разныхъ родственниковъ. Ее выписали. Явилась недурная собою, высокая, худощавая, чахотная фигура, лѣтъ двадцати пяти, изъ которыхъ, по скромности, убавляла двадцать процентовъ. Татьяна Петровна была довольно хорошо воспитана, говорила по-французски, танцевала и т. д. Наслышась о властолюбивомъ нравѣ Алевтины, она предстала предъ нею, какъ предъ грозного судью, со страхомъ и трепетомъ; но пріемъ ласковый, нѣжный и предупредительный разсѣялъ ея опасенія. Алевтина объявила ей, что намѣрена исполнить давнишнее свое желаніе, пристроить любезную родственницу въ своемъ домѣ, и если сыщется женихъ, выдать ее замужъ, какъ родную дочь. Старушка Прасковья Андреевна оросила ее слезами родственной любви и нѣжнаго участія къ судьбѣ несчастной сироты. Ей отвели хорошенькую комнатку въ домѣ, приставили къ ней служанку, обновили ея гардеробъ. Татьяна пришла сперва въ изумленіе отъ такихъ неожиданныхъ и незаслуженныхъ милостей со стороны людей, которые безъ расчета никому въ свѣтъ добра не дѣлали, и вскорѣ догадалась, что ее ласкаютъ не спроста. Не даромъ была она однофамилицею Алевтины: женская хитрость, упряжняявшаяся всю жизнь въ изысканіи средствъ къ угожденію зажиточнымъ родственникамъ, нашла себѣ теперь достаточную пищу. Татьяна рѣшилась

повиноваться, молчать и наблюдать: безъ труда замѣтила она старанія Алевтины сблизить ее съ княземъ, не догадывалась о дѣйствительной причинѣ этихъ замысловъ, но съ восторгомъ предалась мысли, быть княгинею и богатою, и вознамѣрилась употребить всѣ средства къ достиженію этой цѣли.

А что дѣлалъ между тѣмъ Кемскій? Беззаботность его была непродолжительна. Попрыгнувъ къ новой службѣ, не находя прежнихъ споровъ и неудовольствій въ домѣ сестры своей, онъ опять началъ призадумываться. Въ немъ дѣйствительно были двѣ жизни: одна существенная, такъ сказать, практическая, въ которой онъ занимался всѣдневными дѣлами, службою, обхожденіемъ съ людьми, къ которымъ былъ равнодушенъ, и когда эти дѣла наполняли всѣ его минуты, когда они его безнокоили, тревожили, онъ былъ доволенъ, не требовалъ и не искалъ ничего инаго; но лишь только случался въ этихъ обыкновенныхъ занятіяхъ какой либо промежутокъ, наполненный у иныхъ людей скукою, въ Кемскомъ возникала другая жизнь — возвышенная, не земная, мечтательная; онъ занимался и прежними дѣлами, но въ томъ участвовали только физическія его силы и низшія способности души, а умъ, воображеніе, разумъ, чувство — носились въ міръ духовномъ. Въ это время одной малой искры достаточно было для воспламененія всей души его. Знакомые и родственники считали его нездоровымъ,

но не беспокоились о слѣдствіяхъ, зная, что эти припадки у него часто случаются и со временемъ проходятъ.

Кемскій искалъ человѣка, съ которымъ могъ бы раздѣлять свою непостижимую тоску, свои гаданія и надежды. Онъ душевно любилъ Хвалынскаго, и всегда находилъ въ немъ друга и помощника, — но только въ дѣлахъ жизни обыкновенной. Когда Кемскій забирался въ области надзвѣздныя, другъ его сначала старался слушать его со вниманіемъ, употреблялъ всѣ силы, чтобъ ясно представить себѣ то, о чемъ князь говорилъ такъ положительно, но вскорѣ утомлялся, начиналъ зѣвать, и наконецъ рѣдко могъ удержаться отъ какого нибудь ѣдкаго замѣчанія. Кемскій не сердился на него, даже не жаловался, ибо не могъ требовать, чтобъ другіе безусловно принимали его мнѣнія, но мало по малу пересталъ говорить съ товарищемъ о любимыхъ своихъ предметахъ. Съ какимъ искреннимъ чувствомъ помышлялъ онъ объ Алимари! съ какимъ пламеннымъ восторгомъ вспоминалъ онъ о бесѣдѣ въ Токсовѣ! Но таинственный Италіянецъ скрылся изъ глазъ его, и нигдѣ нельзя было найти его слѣда. Не было сомнѣнія, что онъ оставилъ Петербургъ. Удивительно ли, что Кемскій, при этихъ пріятныхъ воспоминаніяхъ, съ душевнымъ удовольствіемъ помышлялъ о тѣхъ, которые раздѣляли съ нимъ бесѣду въ тотъ незабвенный вечеръ! Встрѣтившись однажды съ Бериловымъ, онъ привѣтствовалъ его,

какъ давнишняго, короткаго знакома. Бериловъ обошелся съ нимъ вѣжливо, застѣнчиво, неловко, и, по приглашенію князя, сталъ посѣщать его, сначала рѣдко, а потомъ, узнавъ добродушіе, откровенность, простоту нрава его, чаще и чаще. Кемскій полюбилъ художника, человѣка съ отличнымъ талантомъ, но страннаго и причудливаго. Бериловъ былъ скромень, тихъ, покорень, даже слишкомъ учтивъ предъ людьми знатными и богатыми, доколѣ рѣчь шла о чемъ нибудь, кромѣ его художества. Когда же онъ говорилъ объ искусствахъ, когда предъ нимъ была хорошая картина, особенно собственной его работы, онъ становился твердъ, смѣлъ до дерзости, не давалъ никому выговорить слова, спорилъ до слезъ, и нерѣдко выходилъ изъ предѣловъ приличія. Но, свернувъ свой рисунокъ или отворотясь отъ оригинала Рафаэлева, онъ становился прежнимъ простячкомъ и всепокорнымъ слугою всякаго, кто захотѣлъ бы имъ командовать. Не имѣя родни въ Петербургѣ, онъ жилъ нѣсколько лѣтъ одинъ, въ грязной комнатѣ, которую часто забывали топить, и страдалъ отъ грубостей и плутней наемнаго слуги, который оставлялъ его по цѣлымъ днямъ одного, вечеромъ приходилъ домой пьяный, и бранился съ господиномъ своимъ всю ночь. Бериловъ, занимаясь работою, частенько не обѣдалъ, и утолялъ голодъ хлѣбомъ и квасомъ, случайно оставленными небрежнымъ Емельяномъ. Такой образъ жизни разстроилъ его здоровье. Одна

добрая сосѣдка, занимавшаяся чужими дѣлами болѣе нежели своими, увидѣла бѣдственное положеніе Берилова и, испытавъ, что убѣжденія и слова на него не дѣйствуютъ, насильно вторглась въ его комнату, при помощи полиціи выгнала пьянаго слугу, и опредѣлила въ услуженіе къ нему свою золовку, о которой можно было сказать, что говорилъ покойный А. Е. Измайловъ о хорошей дворовой собакѣ: *предобрая, презлая!* Настасья Родіоновна вымыла, выскребла, вычистила пріютъ генія; одѣла его самого въ благопристойный сюртукъ; научила пить чай и кофе въ надлежащее время; кормила сытнымъ обѣдомъ, и прятала лишнія его деньги. Сначала вздумала она было принять команду и по искусственной части, но кроткій во всякомъ другомъ случаѣ Берилловъ грозно объявилъ ей, чтобъ она отнюдь не смѣла касаться святыни художествъ. Старуха догадалась, и мало по малу водворилась между юнымъ художникомъ и шестидесятилѣтнею боцманшею самая нѣжная дружба. Онъ предоставлялъ ей волю во всемъ, что не касалось главной цѣли его жизни, и только удивлялся, что Емельянъ, истрачивая вдвое болѣе, гораздо хуже кормилъ и одѣвалъ его, нежели Родіоновна. Она же привыкла къ странностямъ своего хозяина, и бранилась съ нимъ только тогда, когда онъ на картинахъ своихъ изображалъ neodѣтыхъ женщинъ, и садился на извошниковъ безъ ряды.

Станнымъ покажется, что Берилловъ, съ огра-

ниченными своими познаніями и образованіемъ, безхарактерный и безтолковый, успѣлъ вселить дружбу и довѣренность въ просвѣщеннаго, умнаго Кемскаго. Но сколько мы видимъ въ жизни примѣровъ, что человекъ отличнаго ума и просвѣщенія всею душою привязывается къ необразованному простяку! Въ этомъ случаѣ не равенство ума и права, а какая-то тайная, неизъяснимая симпатія дѣйствуетъ на людей. Эта симпатія влекла Кемскаго къ художнику, и привязывала художника къ Кемскому.

Къ этому должно присовокупить еще одно обстоятельство. Князь нашелъ въ Берилловѣ человека, который слушалъ его жалобы и терпѣлъ причуды съ молчаніемъ и покорностью; не требовалъ, чтобъ князь занимался имъ каждую минуту, не гнѣвался и даже не примѣчалъ, когда князь цѣлый день не промолвитъ съ нимъ слова. Родіоновна радовалась, видя, что ея питомецъ знакомъ съ знатымъ человекомъ, съ сіятельнымъ княземъ, и поддерживала въ немъ уваженіе и привязанность къ новому пріятелю, особенно потому, что для этого гостя не нужно было подавать пуншу. Въ веселыя минуты Кемскій заводилъ рѣчь о художествахъ, и радовался восторгамъ Берилова, шутилъ надъ любимыми его образцами, бранилъ бритыя головы древнихъ лицъ италіянской школы и мясистыя формы Рубенса, смѣялся надъ анахронисмами великихъ мастеровъ, и выводилъ артиста изъ терпѣнія. — Однажды Берилловъ, въ изступленіи

отъ оскорбленія, нанесеннаго памяти Караваджія, вскричалъ : «Да какое вы имѣете право цыганить великихъ людей? Что вы сами? что вы произвели? Небось, въ корпусѣ, рисовать учились, то есть, Андрей Петровичъ Екимовъ за васъ рисовалъ на экзаменъ глазки и носики!» — «Извините!» отвѣчалъ князь съ комическою важностью: «я не только любитель, но и самъ художникъ. Не угодно ли посмотрѣть моей работы? Теперь, конечно, мнѣ нѣкогда заниматься рисованьемъ; но было время... Миша! потрудись, братъ, принеси зеленую папку изъ кабинета!» — Бериловъ въ молчаніи вытаращилъ глаза. Принесли рисунки. Въ числѣ ихъ было нѣсколько удачныхъ попытокъ, но ни одинъ рисунокъ не былъ конченъ. Нашъ художникъ разглядывалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ: онъ восхищался не самими рисунками, а мыслию, что князь, уважаемый имъ во многихъ отношеніяхъ, имѣетъ дарованіе къ художествамъ. — «Ей Богу, изряднехонько!» говорилъ онъ: «Богъ накажи меня, если я лучше нарисую вотъ эту перспективу. А эта головка! Хоть бы въ академію ее! Ну кто бы ожидалъ такихъ прекрасныхъ вещей отъ природнаго князя! Ей, ей, прекрасно. Жаль только, что нѣтъ ничего конченнаго.» — «И мнѣ самому жаль,» отвѣчалъ князь: «да я, видите, художникъ недоученый, такъ и всѣ мои произведенія по мнѣ пошли. Болѣе всего мнѣ жаль, что я не могъ, или, лучше сказать, не умѣлъ кончить вотъ этого ландшафта: я хотѣлъ изоб-

разить одно мѣсто, гдѣ игривалъ въ дѣтскія лѣта, гдѣ гулялъ съ отцемъ, матерью, братомъ....» Слезы прервали рѣчь его. — «Позвольте, князь!» въ восторгѣ закричалъ Бериловъ: «я кончу этотъ ландшафтъ! Только въ бѣльшемъ видѣ, если не противно! Знаю, знаю, какъ это обработать. Вотъ тутъ побольше тѣни, а тамъ вдали — вижу, понимаю! Вы будете довольны.» — «И вы также!» сказалъ князь, отдавая ему бумагу. — «Что вы подъ этимъ разумѣете?» спросилъ оскорбленный Бериловъ: «неужели плату? Такъ знайте, что этого мнѣ не нужно! Если бѣ я бралъ за свои произведенія должную плату, то былъ бы богаче нашего эконома въ академіи. Но я гнушаюсь деньгами, и не бралъ бы ни копейки за труды свои, если бѣ не Родіоновна и не андреевскій рынокъ.... Боже! Боже мой!» продолжалъ онъ въ полголоса: «творить, созидать, работать для потомства — и брать деньги! Деньги! что это? Негодныя бумажки, на которыхъ и ученической головки не нарисуешь. И за мои картины! За этотъ ландшафтъ, который я вижу на бумагѣ! Вижу, сударь, вижу!» вскричалъ онъ, оборотясь къ Кемскому: «вижу его въ моей душѣ, и вы вскорѣ увидите его на дѣлѣ! Вскорѣ, то есть — ну, все равно! только увидите!» Кемскій радовался, что восторженный артистъ забылъ о его предложеніи, и отдалъ ему эскисъ. Бериловъ схватилъ его съ жадностью, и побѣжалъ домой. Мѣсяца три не говорилъ онъ князю ни слова объ успѣхѣ своей работы, а только посматри-

валъ на него торжественно. Наконецъ, въ такое время, когда князя не было дома, онъ принесъ къ нему свою картину, написанную въ самомъ большомъ размѣрѣ, поставилъ ее въ кабинетъ князя, освѣтилъ ее по всѣмъ правиламъ, и, уходя, наказалъ людямъ, чтобъ они, при возвращеніи князя, отнюдь не предупреждали его о томъ, что онъ найдетъ въ своей комнатѣ. Онъ хотѣлъ поразить друга своего нечаянностью.

XVI.

Квмскій, занимаясь попеременно то дѣлами, то мечтами, не замѣчалъ бури, которая собиралась надъ его головою. Алевтина, съ достойными помощниками, подвигалась безпрепятственно къ своей цѣли. Надобно было удалить отъ брата ея всѣхъ людей, которые могли бы препятствовать исполненію ея замысловъ. Прекращеніе знакомства съ Хвалынскимъ было ей очень благопріятно. Она поручила Тряпицыну добратся, съ кѣмъ чаще всего видится князь. Тряпицынъ донесъ ей, что чаще всякаго другаго бываетъ у него какой-то живописецъ, человѣкъ простой и недалъновидный, слѣдственно неопасный; что Хвалынскій также нерѣдко посѣщаетъ князя, но только урывками, будучи слишкомъ занятъ какою-то должностью. Болѣе ничего не могъ онъ узнать, ибо главный изъ слугъ князя,

каммердинеръ его, Мишка, не охотно вдается въ разговоры о своемъ баринѣ, и что-то косо поглядываетъ на господина секретаря, эконома и казначея, когда онъ, подъ какимъ либо предлогомъ, явится у нихъ въ домъ. — «Главное дѣло, ваше превосходительство,» говорилъ Тряпицынъ Алевтинъ (которая предъ домашними людьми не слагала прежняго своего титула): «состоить въ томъ, чтобъ удалить сего мошенника, Мишку. Я знаю отъ вѣрныхъ людей, что онъ обкрадываетъ своего барина, а Князь Алексѣй Федоровичъ такъ добръ и великодушенъ, что не изволить сего видѣть. Надобно какъ нибудь удалить этого вреднаго холопа; услатъ его подалше, чтобъ онъ не могъ и воротиться.» — Чрезъ нѣсколько дней Алевтина объявила Кемскому, что мать Мишкина, живущая въ сибирской деревнѣ, опасно больна и непременно желаетъ видѣть сына, и что управитель, боясь отказа своего барина, обратился къ его сестрицѣ съ просьбою о ходатайствѣ. Князь не колебался ни минуты: отправился домой, и объявилъ Мишкѣ о болѣзни и о желаніи его матери; сказалъ, что охотно отпускаетъ его, и позволяетъ оставаться въ деревнѣ, доколѣ будетъ нужно. Вѣрный слуга, залившись слезами, бросился въ ноги къ своему доброму барину, и въ первыя минуты не хотѣлъ его оставить; но когда самъ князь растолковалъ ему, что обязанности человека къ родителямъ его суть первыя въ свѣтѣ, онъ, скръпя сердце, отправился въ

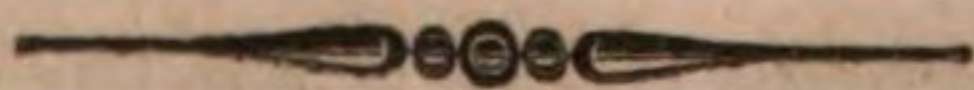
домъ Алевтины, и въ тотъ же вечеръ посланъ былъ въ деревню съ новымъ винокуромъ, выписаннымъ изъ Лифляндіи. — Князь грустилъ по слугѣ своему, какъ по вѣрномъ другѣ: Мишка не понималъ своего барина умомъ, но постигалъ его сердцемъ — берегъ его сколько могъ, угождалъ его малымъ слабостямъ, не тревожилъ въ часы унынія, и честно распоряжалъ его дѣлами. На мѣсто Мишки, Алевтина пристроила къ князю камердинера покойнаго своего мужа, человѣка тихаго, но глупаго до крайней степени. Если бъ въ свѣтъ узнали это достоинство Медора, онъ могъ бы сдѣлать блистательную карьеру. Каждое дѣйствіе, каждый шагъ Кемскаго были извѣстны Алевтинѣ и ея помощнику. Она перечитывала всѣ письма, которыя получалъ или отправлялъ Кемскій, имѣла свѣдѣнія, какія книги онъ читалъ — словомъ, обладала всеми средствами къ уловленію брата. Всякая другая, на ея мѣстѣ, короче узнавъ этого добродѣтельнаго человѣка, почувствовала бы къ нему еще большую любовь и искреннѣйшее уваженіе: всѣ дѣла, всѣ помыслы, всѣ чувствованія князя основаны были на чистѣйшей нравственности, на истинномъ благородствѣ, и самая мечтательность его была духовная, религіозная. Но это открытіе еще болѣе воспламеняло ревность и жадность Алевтины: она видѣла, что Кемскій, вступивъ въ бракъ по склонности, привяжется къ женѣ всею душою, и что судьба дѣтей ея тогда будетъ зависѣть отъ благо-

расположенія этой жены. Притомъ же душевное превосходство брата вселяло въ нее непримиримую къ нему злобу и ненависть. Жестоко, но справедливо замѣчаніе, что люди скорѣе просятъ ближнему гнусный порокъ, нежели блистательную добродѣтель. Болѣе всего старалась она узнать, нѣтъ ли у него какой склонности, не занято ли его сердце. Долгое время не находила она ни какихъ слѣдовъ, но вдругъ поразили ее слова въ письмѣ къ Вышатиному, бывшему тогда въ Москвѣ: «Всѣ мои поиски донинѣ были тщетны. Алимари нѣтъ, какъ нѣтъ. Это существо таинственное явилось и исчезло, оставивъ въ умѣ и сердцѣ моемъ глубокое впечатлѣніе. Но я не унываю: буду искать и надеяться, и когда найду, ни какія силы не разлучатъ насъ.» — «Нашла! наша!» невольно закричала Алевтина, и сообщила открытіе свое Татьянѣ Петровнѣ и Тряпицыну. У ревности и подозрѣнія глаза велики: они втроемъ сплели цѣлый романъ; увѣрились, что князь влюбленъ въ иностранку Алимари; что она скрылась, вѣроятно, по расчетамъ кокетства; что онъ твердо намѣренъ на ней жениться, и т. д. Открытіе ужасное! Алевтина употребила еще одинъ способъ, чтобъ увѣриться въ этихъ предположеніяхъ. Дня чрезъ два, за чаемъ, когда сидѣли у нее Кемскій и еще нѣсколько человѣкъ постороннихъ, она издалека завела рѣчь объ италіянскомъ театрѣ, и когда пошли сужденія и споры, вмѣшалась въ разговоръ, будто невзначай

«Болѣе всѣхъ нравится мнѣ пѣвица — какъ бишь зовутъ ее — Сапоретти, Гаспарини — нѣтъ! Алимари, — кажется?» — При этомъ словѣ Кемскій взглянулъ на сестру въ недоумѣніи, покраснѣлъ и ждалъ продолженія. — Для ней было довольно! На замѣчаніе одного изъ гостей, что это должна быть Гаспарини, она согласилась съ нимъ, и продолжала разговоръ равнодушно, какъ будто не замѣчая движенія въ братѣ. И онъ думалъ, что никто не видалъ его волненія, но оно не укрылось ни отъ одной изъ женщинъ: и старушка Прасковья Андреевна, и Татьяна Петровна, и скромная Наташа замѣтили, что имя Алимари подѣйствовало на молодого человѣка съ волшебною силою. — Нечего терять время! воскликнула Алевтина, и объявила Татьянѣ Петровнѣ, что, любя ее душевно, желаетъ женить на ней брата, особенно потому, что у него есть интрига съ иностранкою, Богъ знаетъ какою; что эта иностранка скрылась, и что должно воспользоваться временемъ ея отсутствія. Татьяна Петровна совершенно постигла намѣреніе и виды почтенной своей благодѣтельницы, и обѣщала помогать ей всѣми силами, а сама въ душѣ положила дѣйствовать для себя, и употреблять Алевтину орудіемъ къ достиженію собственной своей цѣли.

XVII.

Если бѣ всѣ люди, съ немногими исключеніями, родились въ свѣтъ съ однимъ и тѣмъ же талантомъ; если бѣ они поставляли употребленіе на пользу этого таланта предметомъ и цѣлію всей своей жизни; если бѣ ежедневно старались въ немъ упражняться — до какой степени совершенства достигло бы въ теоріи и на дѣлѣ искусство, требующее этого таланта! Теперь подумайте, что женщины одарены отъ природы всѣми способами нравиться мужчинамъ и уловлять ихъ въ свои сѣти, что все воспитаніе ихъ состоитъ въ усовершеніи этихъ способовъ, а вся жизнь посвящена употребленію природныхъ дарованій, изощренныхъ воспитаніемъ — и не дивитесь послѣ этого, что сіе искусство доведено въ свѣтъ до высшей степени совершенства! Не дивитесь, что люди умные, образованные, опытные, легко попадаютъ въ сѣти, разставленныя женщинами ограниченнаго ума, непросвѣщенными и во всемъ другомъ неискусными. Добрый, благородный, но слишкомъ мягкосердый Кемскій не умѣлъ остеречься отъ сѣтей, разставленныхъ ему прекраснымъ поломъ, при помощи непрекраснаго. Татьяна Петровна, узнавъ о склонности его къ чудесному и сверхъестественному, стала толковать, будто невзначай, объ этихъ предметахъ, и умѣла обратить на себя его вниманіе. Она старалась читать тѣ книги, которыя онъ читалъ въ это время, и нахо-

дила средства занимать его умъ и воображеніе. Гдѣ не доставало познаній и разсудка, тамъ употреблялись обыкновенныя уловки: молчаніе, значительная улыбка, будто бы произвольный вздохъ. Кемскій сталъ привыкать къ ея бесѣдѣ, старался не примѣчать ея слабостей и недостатковъ, и въ скоромъ времени началъ находить въ Татьянѣ Петровнѣ достоинства и добродѣтели. Мачиха и сестра пѣли похвальный дуэтъ въ пользу сиротки: то-то сердце, то-то душа; что за хозяйка будетъ; бѣдная сирота гóря натерпѣлась, такъ сбережетъ мужнину копѣйку. Наташа не вторила этимъ хваламъ: Кемскій приписывалъ это обыкновенному ея хладнокровію и эгоизму; изрѣдка только чудилось ему въ глазахъ ея выраженіе какого-то сожалѣнія, какого-то горестнаго чувства. Мысль, что Татьяна Петровна можетъ сдѣлаться подругою его жизни, что она будетъ понимать его мысли и раздѣлять чувства, мало по малу укоренилась въ его душѣ. Онъ заключалъ, что эта дѣвица должна имѣть необыкновенныя достоинства, когда женщины, завистливыя и недоброжелательныя къ своимъ ближнимъ, каковы Прасковья Андреевна и Алевтина Михайловна, отдають ей должную справедливость. Онъ долго собирался открыться въ этомъ, но какая-то непостижимая сила его удерживала. Однажды, просидѣвъ цѣлый вечеръ у сестры, въ бесѣдѣ съ нею и съ Татьяною Петровною, онъ воротился домой въ большомъ разстройствѣ. Нѣсколько разъ порывался онъ имен-

но въ этотъ вечеръ объяснитьсь съ ними, но никакъ не смѣлъ. Наконецъ онъ твердо рѣшился прекратить это недоумѣніе, и уже началъ обращеніемъ къ Алевтину, но вдругъ послышался изъ другой комнаты очаровательный голосъ Наташи: онъ смѣшался и умолкъ. Дома, лежа спать, онъ взялся, по обыкновенію, за книгу, и когда развернулъ ее, выпала изъ нея запечатанная записка, безъ адреса. Кемскій распечаталъ ее, и прочиталъ на французскомъ языкѣ слѣдующее:

«Берегитесь. Вы стоите на краю пропасти. Въ послѣдствіе времени ради будете отдать жизнь свою, чтобъ воротить прошедшее, но уже будетъ поздно. Васъ предостерегаетъ

Алимари.»

2-го Октября 1798.

Кемскій оцѣпенѣлъ. Читалъ записку нѣсколько разъ, наконецъ позвалъ Медора, и спрашивалъ, не присылалъ ли кто нибудь записки, не входилъ ли чужой человѣкъ въ комнату. Медоръ клялся, что никого не было, и говорилъ правду. Кемскій повѣрилъ ему, и крѣпко задумался. Алимари здѣсь? Алимари нашелъ меня? Алимари предостерегаетъ меня отъ какого-то несчастія, а самъ не является! Что это за несчастіе? Что за опасность? По службѣ я не знаю ни какихъ огорченій, враговъ у меня нѣтъ. Обхожусь я коротко только съ ближайшими родными. Одна мысль смѣняла другую, и всѣ онъ безостановочно терзали бѣднаго князя. Во всю

ночь не могъ онъ заснуть: лишь задремлетъ, страшныя видѣнія начнутъ терзать его. Онъ всталъ утомленный, измученный; отправился къ разводу, потомъ къ сестрѣ. Тамъ всѣ испугались, увидѣвъ, въ какомъ онъ положеніи. Всѣ удвоили попеченія о немъ, и даже холодная, безсердая Наташа, замѣтивъ блѣдность и нездоровье князя, видимо смутилась. Спрашивали о причинѣ его разстройства. Князь отвѣчалъ, что наканунѣ читалъ страшную исторію, и она снилась ему всю ночь и мѣшала спать. Алевтина изъясляла самое дружеское соболѣзнованіе; мало по малу обратила рѣчь на скуку одинокой жизни князя, на семейственныя радости, которыя ожидаютъ добраго человѣка въ счастливомъ бракѣ, и нечувствительно довела его до того, что онъ признался ей въ желаніи жениться на Татьянѣ Петровнѣ. Алевтина крайне обрадовалась этому избранію, но представилась, будто вовсе того не ожидала, и общала брату поговорить съ Танею. Прасковья Андреевна, бывшая притомъ, заплакала и благословила пасынка, а онъ, кончивъ трудное признаніе, сидѣлъ въ глубокой думѣ. Вдругъ взглянулъ въ открытую дверь темной залы, поблѣднѣлъ, задрожалъ, и вскричавъ: «она! она!» бросился опрометью изъ комнаты. Въ передней набросилъ онъ на себя шинель, выбѣжалъ на крыльцо, кинулся въ коляску, и закричалъ: «домой!»

Алевтина, ея мать, Татьяна Петровна, Иванъ Егоровичъ — всѣ въ домѣ были до крайности

изумлены и испуганы этимъ случаемъ. Алевтина въ ту же минуту поручила Ивану Егоровичу ѣхать вслѣдъ за княземъ, узнать, если можно, о причинѣ быстраго его удаленія, освѣдомиться, не боленъ ли онъ, и, въ случаѣ болѣзни, пригласить его переѣхать къ себѣ въ домъ, гдѣ удобнѣе можно будетъ его пользоваться. Фонъ-Дракъ взглянулъ на Трапицына, спрашивая вѣрами, что дѣлать. — «Поѣзжайте, поѣзжайте, ваше высокоблагородіе,» сказалъ Трапицынъ: «и постарайтесь непременно убѣдить его сіятельство къ переѣзду въ вашъ домъ. Здѣсь онъ будетъ, аки на лонѣ Авраамлемъ».

Фонъ - Дракъ поспѣшилъ исполнить приказанное. Прискакавъ въ квартиру Кемскаго, входитъ онъ въ залу, въ гостиную — нѣтъ никого, — наконецъ въ кабинетъ, и видитъ, что князь лежитъ въ обморокъ посреди комнаты, а Медоръ, горько рыдая, старается привести его въ чувство. Кабинетъ былъ ярко освѣщенъ. Всю заднюю стѣну его занимала невиданная дотолѣ Фонъ-Дракомъ картина, представлявшая сельскій видъ. Медоръ разсказалъ отрывисто, что баринъ за четверть часа предъ симъ пріѣхалъ домой, блѣдный, разстроенный, и когда вошелъ въ кабинетъ и увидѣлъ эту картину, принесенную безъ него живописцемъ, закричалъ: «Что это? гдѣ я!» задрожалъ и лишился чувствъ. — «Батюшка, Иванъ Егоровичъ!» примолвилъ Медоръ: «скажите ради Бога, что это съ нимъ приключилось?» — «Ничего,» отвѣчалъ Фонъ - Дракъ:

«просто съ ума сошелъ. А всему виною проклятыя картины да книги. Ну, дворянину ли, князю ли этимъ заниматься! Но теперь, помоги мнѣ, Медоръ, снести его въ карету. Алевтина Михайловна именно приказала мнѣ, въ случаѣ болѣзни, непременно поставить его къ ней. Ужъ она сбережетъ его!» — «Вѣстимо, батюшка Иванъ Егоровичъ! До кого другаго, а ужъ до братца ея превосходительство куда какъ ласкова и милостива. Бережетъ, какъ сына роднаго. Прійдешь къ ней, такъ спросамъ конца не бываетъ: кто-де былъ у него, куда самъ ѣздилъ, здоровъ ли, не грѣзилось ли ему чего, какія письма онъ получилъ, какія отправилъ, даже какія книги читаетъ — все ей знать надобно. Ужъ подлинно мать родная! Только-де Медоръ, упаси тебя Боже, если ты хоть словомъ обмолвишься передъ княземъ. Куда-де, матушка, ваше превосходительство! Стану ли я поступать противъ вашего господскаго приказанія! Для его же добра обо всемъ доложу вамъ. Дѣло его молодое, самъ за собою не присмотритъ.» — Во время этого монолога, князя завернули въ шубу, снесли въ карету, и фонъ-Дракъ повезъ его домой. Онъ все это время былъ въ безпамятствѣ. Алевтина, Прасковья Андреевна и Татьяна Петровна встрѣтили его съ горькимъ плачемъ. Его отнесли въ особую комнату, раздѣли и положили въ постель. Онъ очнулся и началъ бредить. Алевтина послала за знаменитѣйшими по чинамъ и орденамъ врачами.

И въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлалось съ Кемскимъ?

Въ разговорѣ съ Алевтиною, онъ чувствовалъ какое-то мучительное безпокойство, какъ будто ему предстояло несчастіе, и когда высказалъ все, что хотѣлъ давно сказать ей, когда на минуту показалось ему, будто онъ облегчилъ свое сердце — вдругъ невольно взглянулъ на дверь темной залы, и тамъ увидѣлъ черную женщину. Она посмотрѣла на него печально, покачала головою, какъ будто не одобряя его поступка, и исчезла. Онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ и бросился изъ комнаты; самъ не зная для чего, сѣлъ въ коляску и поспѣшилъ домой. Быстрыми шагами вошелъ онъ въ кабинетъ, и вдругъ увидѣлъ предъ собою изображеніе знакомаго, драгоценнаго для него мѣста. Бериловъ, по какому-то таинственному *чутью*, отгадалъ характеръ ландшафта, и изобразилъ его съ величайшею точностью, какъ будто бы снялъ съ натуры. Князь, настроенный уже къ необыкновеннымъ явленіямъ, не догадался, что это давно ожидаемая имъ картина, вообразилъ, что дѣйствительно перенесенъ въ то незабвенное мѣсто; мысли его смутились, чувства взволновались, и онъ лишился памяти.

ХVIII.

Въ Кемскомъ открылись признаки жесточайшей нервической горячки. Для окружающихъ онъ былъ въ безпамятствѣ; самъ же сохранилъ въ себѣ какое-то темное чувство: когда передъ его глазами было свѣтло, въ слухъ его раздавались разные нестройные голоса; ему чудилось что въ него вливаютъ ядъ и пламя; мученія его усугубились, становились нестерпимыми и выражались горькими воплями; когда же вокругъ него становилось темно, тогда эти мучительные голоса утихали: ему казалось, что онъ перенесенъ въ другой міръ, что руки ангеловъ поддерживаютъ его разгоряченную голову, что онъ вкушаетъ небесное цѣлебное питье, и вслѣдъ за тѣмъ онъ впадалъ въ сонъ сладкій и крѣпительный; онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ этихъ усладительныхъ минутъ, и въ часы страданій произносилъ стнящимъ голосомъ: ночь! ночь! наступи скорѣе: свѣтъ мнѣ несносенъ! Наконецъ все это слилось въ одно общее чувство оцѣпенѣнія. Долго ли онъ лежалъ въ совершенномъ безпамятствѣ, этого онъ не помнилъ; только, пришедъ въ себя, онъ почувствовалъ необыкновенный холодъ; онъ лежалъ на чемъ-то жесткомъ и колючемъ; вокругъ него слышались голоса. Онъ хотѣлъ открыть глаза — невозможно, приподняться — нѣтъ силы, протянуть одну изъ рукъ, сложенныхъ на груди — не двигается, вымолвить слово, испустить вздохъ — не стаетъ

дыханія. Мало по малу приходилъ онъ въ себя, припоминалъ прошедшее, старался догадаться, что съ нимъ сдѣлалось, и наконецъ удосто- вѣрился, что лежитъ въ гробу, что съ нимъ случился припадокъ омертвѣнія, или мнимой смер- ти. Онъ былъ въ совершенной памяти; чувство слуха, а отчасти и зрѣніе, принимали впечатлѣ- нія извнѣ, но весь прочій составъ его былъ въ совершенномъ оцѣпенѣніи, и всѣ усилія выйти изъ этого состоянія — подать малѣйшій при- знакъ жизни движеніемъ или голосомъ — на- прасны. Что происходило въ это время въ ду- шѣ его? Онъ былъ совершенно покоенъ, какъ выздоравливающій отъ болѣзни послѣ перваго крѣпительнаго сна: мысль объ опасности, въ ко- торой онъ находился — быть заживо погребен- нымъ, уступала мѣсто надеждѣ, что ему не- премѣнно удастся въ скоромъ времени вывести изъ заблужденія особъ, его окружающихъ. Онъ припоминалъ, что съ нимъ было; помышлялъ о Хвалынскомъ, о Берилловѣ, о Татьянѣ, о Наташѣ; вспоминалъ, что во снѣ, такъ ему казалось, былъ перенесенъ на свою родину.

Движеніе и шумъ, вокругъ него происхо- дившіе, прервали это мечтаніе. Кто-то стоялъ у его изголовья и рыдалъ. Вдругъ раздался го- лосъ Алевтины. «Ну, полно же хныкать-то! мерт- ваго не разбудишь. Медоръ! сведи Сережку къ Натальѣ Васильевнѣ, да спроси, на что это по- ходитъ, выпускать этого шалуна изъ комнаты? Теперь не до него!» — «Слушаю, сударыня!

Пойдемъ-же, батюшка Сергѣй Ивановичъ; дяденька ужъ не встанетъ — царство ему небесное!» Ребенокъ зарыдалъ громче прежняго и вышелъ съ Медоромъ. — «Не встанетъ,» повторила Алевтина: «наконецъ уgomонился. Я съ своей стороны сдѣлала все, что могла, и теперь чиста духомъ и сердцемъ предъ Господомъ Богомъ. Четыре доктора вдругъ лечили его; иногда по восьми разъ въ день лекарство перемѣняли. И въ аптеку бѣгалъ не какой нибудь холопъ, а Эльпифидоръ Силичъ, самъ лекарь. Ужъ подлинно, какъ князя лечили, да Богу не угодно было внять нашимъ молитвамъ. Да будетъ воля его святая! Прошедшаго не воротишь. — Теперь я въ домъ полная барыня и всему наслѣдница, и сынъ мой старшій вступаетъ во всѣ права покойника. Яковъ Лукичъ! напишите въ герольдію просьбу объ утвержденіи за нимъ фамиліи и герба Князей Кемскихъ. — Да что это Демка не вернулся отъ портнаго? Я безъ траура, какъ безъ правой руки. Надобно проучить этихъ негодяевъ, а перваго злодѣя Мишку. Отъ его проказъ покойникъ и въ землю пошелъ. Наниши, папенька, Иванъ Егоровичъ, управителю, чтобъ держалъ его въ ежовыхъ рукавицахъ.» — Въ это время послышался голосъ вошедшаго въ залу слуги: «Графиня Марья Александровна пріѣхать изволили!» — «Отказать!» — «Нельзя-съ, ваше превосходительство: Степанъ доложилъ ея сіятельству, что вы дома — графиня изволить итти.» — «Ахъ, вы злодѣи! Да я въ отчаяніи,

въ спазмахъ, въ обморокъ — братъ умеръ! До гостей ли мнѣ!» — Атласное фуру графини зашумѣло въ дверяхъ. — Алевтина бросилась на стулъ и громко зарыдала. Князь слышалъ, какъ старушка графиня старалась утѣшить неутѣшную, какъ приводила, въ подкрѣпленіе своихъ увѣщаній, всѣ общія мѣста, употребляемыя въ такихъ случаяхъ, но тщетно: рыданія Алевтины усиливались съ каждою минутою. Графиня, истощивъ все свое краснорѣчіе, умолкла; раздался посреди рыданій и всхлипываній звукъ прощальныхъ поцѣлуевъ, и фуру опять зашумѣло въ дверяхъ. Тонъ Алевтины въ минуту переѣнился. «Никого не пускать на дворъ!» вскричала она: «эти визиты слишкомъ меня утомляютъ; я не вытерплю. Слышите ли, Иванъ Егоровичъ?» — По полу шаркнуло и послышалась дробь: «да, да, да, да!» — Опять кто-то вошелъ въ залу. Опять раздался звонкій голосъ Алевтины: «Этo что значить, сударыня? По комъ это изволили въ глубокой трауръ нарядиться? Раненько, матушка!» — «Да онъ былъ мнѣ нареченный женихъ, тетушка Алевтина Михайловна!» отвѣчалъ голосъ Татьяны Петровны. — «Вотъ что еще выдумала! Перекрестись, сударыня! Нареченный женихъ! Пожалуй еще вздумаешь требовать седьмой доли изъ наслѣдства! Полно, полно, сударыня, вздоръ нести. Извольте образумиться.» — «Помилуйте, тетушка!» возразила Татьяна Петровна: «да развѣ я не вашу волю исполняла, жертвуя собою? Что мнѣ было радости въ этомъ взбал-

мошномъ женихъ? Того и гляди бывало, что въ желтый домъ свезутъ его! Я для него, то есть для васъ, бросила въ Москвѣ жениха красавца и умнаго. Вы ублажали меня: выдь за него, Танюшка! здоровье-де его плохое; сегодня, завтра ножки протянетъ, такъ мы посестрински подѣлимся. Вотъ Богъ прибралъ его до сроку, такъ я вамъ и въ тягость. Да виновата ли я, что вы не рассчитали? Вообразите, что я, въ угожденіе вамъ, рисковала быть женою полоумнаго человѣка, который всю жизнь бредилъ, какъ въ бѣлой горячкѣ!» — «Ахъ, ты, неблагодарная!» закричала Алевтина: «да развѣ я не хотѣла тебѣ добра! Вонъ, сию минуту вонъ изъ дому! Поносить покойнаго братца, этого ангела Божія! Онъ-де взбалмошный, онъ сумасшедшій! Ахъ, ты московская вертушка! Да какъ ты смѣла? Убирайся къ своему болвану жениху! Экая красавица! Еще, чай, стрѣляться за тебя будутъ! Вонъ, съ глазъ моихъ.» — Татьяна Петровна громко заплакала и вышла изъ залы; Алевтина же, обратясь къ Тряпицыну, сказала: «Прошу васъ, Яковъ Лукичъ, постарайтесь отправить эту мамзель, какъ можно скорѣе, обратно въ Москву. Вотъ благодарность за мои попеченія! Богъ съ нею! Я ей зла не желаю. — Да поторопите, чтобы скорѣе изготовили трауръ для дѣтей. Князь Григорью плерезы велите нашить пошире. Сережку баловать нечего: и безъ обновы проживетъ. Довольно ужъ на вѣку своемъ заѣлъ изъ имѣнія бѣдныхъ моихъ дѣтей, да теперь я госпожа въ домъ! А вы, Иванъ Его-

ровичъ, извольте ѣхать въ Лавру, да похлопочите, чтобъ погребеніе было приличное нашему званію. Я въ важныхъ случаяхъ, вы знаете, денегъ не жалю. Гдѣ идетъ дѣло о родственномъ долгѣ, о чести фамиліи, тамъ экономія не у мѣста.» Алевтина вышла изъ залы. Всѣ послѣдовали за нею. Настала тишина. Горестныя ощущенія волновали бѣднаго Кемскаго: предъ нимъ спала завѣса; онъ увидѣлъ во всей наготѣ жадность, неблагодарность, коварство и мстительность своей сестры, и подлость ея помощниковъ; увидѣлъ, что Татьяна Петровна играла выученную ею роль, и только удивлялся, какъ не замѣтилъ этого ранѣе. И въ какомъ гнусномъ видѣ являлись сердце и нравъ Алевтины: въ общественной жизни она умѣла воздерживаться, и въ порывахъ страстей говорила языкомъ женщины благовоспитанной, а нынѣ, когда не стало надобности притворяться, унизилась до ругательствъ, какихъ постыдилась бы ея ключница. Кемскій, въ эти ужасныя минуты, не думалъ о своемъ бѣдственномъ положеніи, и даже готовъ былъ желать дѣйствительной смерти. Къ тому присоединились и терзанія оскорбленнаго самолюбія: его любили, ласкали, уважали — за одно его богатство. Одинъ Сережа плакалъ по немъ, но онъ еще ребенокъ: возмужавъ, и онъ сдѣлается холоднымъ эгоистомъ и лицебромъ. Въ головѣ страдальца закружилось: онъ сталъ забываться — неясныя мечтанія затолпились предъ его глазами, и онъ опять впалъ въ безпамятство.

XIX.

Но это забвеніе не было уже прежнимъ мертвеннымъ оцъпенѣніемъ. Сильнымъ потрясеніемъ чувствъ произведена была въ немъ благотворная переменна: онъ погрузился въ тихій, крѣпительный сонъ. Когда онъ чрезъ нѣсколько часовъ проснулся, вокругъ него было темно. Лице его было покрыто прозрачною дымкою. У изголовья горѣла тусклая свѣча, и слышалось тихое чтеніе псаломщика. Кемскій мало по малу пришелъ въ себя, и вспомнилъ, что съ нимъ случилось, и гдѣ онъ находится. Онъ ощущалъ возрожденіе чувствъ и силъ своихъ; могъ дышать свободнѣе; слышалъ біеніе сердца; думалъ, что можетъ и двигаться, но боялся подать знакъ жизни, чтобъ не испугать чтеца. Въ комнатѣ было очень прохладно. Вдругъ растворилась дверь, и раздался голосъ ключницы: «Володимірьчъ! Подъ-ко сюда, поужинай, да и сосни.» — «Нельзя, бабушка.» проворчалъ псаломщикъ: «не смѣю отойти отъ покойника.» — «Полно манериться, родной! Сама генеральша велѣла накормить и уложить тебя. Что теперь читать? дѣло ночное. У насъ и лекарей на ночь отпускали, и только съ утра начинали давать лекарства. Легкое ли дѣло тебѣ завтра до Лавры за покойникомъ тащиться! Покушаешь, отдохнешь, такъ съ силами соберешься. А завтра я ранехонько разбуду тебя. Ступай, небось!» — «Не что!» ска-

залъ псаломщикъ: «конецъ и Богу слава!» захлопнулъ книгу, и ушелъ, взявъ съ собою свѣчу.

Князь остался одинъ, въ совершенной темнотѣ. Онъ не зналъ, что дѣлать: оставаться въ гробу опасно, холодно; встать, перепугаешь весь домъ, да и будетъ ли силы добратъ до жилыхъ покоевъ? Въ это время ударилъ часъ; слышался шорохъ легкихъ шаговъ, и лучъ свѣта проникъ сквозь замочную скважину двери, ведущей въ общій коридоръ. Сердце его забилося надеждою. Отмыкаютъ дверь; она отворяется, и входитъ въ залу женщина — въ черномъ платьѣ, съ распущенными по плечамъ черными волосами, неся въ рукахъ свѣчу. Кемскій, увидѣвъ свою всегдашнюю мечту, вообразилъ, что это явленіе возвѣщаетъ ему о наступленіи смертнаго часа; но она не останавливается вдали, какъ обыкновенно, а подходитъ медленно, озираясь во всѣ стороны, ближе и ближе, ставитъ свѣчу на столикъ у изголовья, а сама обращается къ гробу. Въ эту минуту Кемскій узналъ Наташу — блѣдную, съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами. Она подошла къ гробу, бросилась на покойника, и прижала горячія губы къ его рукъ. Слезы ея, жаркія слезы текли ручьемъ. Рыданія занимали духъ. «Теперь могу сказать тебѣ,» промолвила она едва внятнымъ голосомъ: «какъ страстно я тебя любила! Могу тебѣ поклясться, что никого въ мірѣ такъ любить не буду и не могу!» Слезы пресѣкли ея голосъ. Кемскій былъ въ изумленіи: сердце его забилося восторгомъ; онъ

готовъ былъ прижать Наташу къ груди своей, но страшился испугать, убить ее; старался не подать ни малѣйшаго знака жизни, удерживалъ дыханіе, сторожилъ за каждымъ біеніемъ пульса. Наташа приподнялась, отошла отъ гроба, сѣла на стулъ, и въ молчаніи вперила томные глаза свои на любезнаго. Чрезъ нѣсколько минутъ растворилась дверь въ залу, и вошла другая дѣвица, жившая въ домѣ Алевтины. «Что вы это дѣлаете, Наталья Васильевна!» спросила она съ состраданіемъ: «Вы мучите себя, а мертваго не разбудите. Упаси Боже, если Алевтина Михайловна узнаетъ, что вы и прощаться къ нему приходили!» — «Оставьте, оставьте меня, Авдотья Семеновна!» сказала Наташа слабымъ голосомъ: «дайте на него наглядѣться. Завтра, чрезъ нѣсколько часовъ, увезутъ его навсегда.» — «Полноте тосковать!» продолжала дѣвица: «ужъ вы ли мало для него дѣлали! Вотъ третья недѣля, что глазъ не смыкали, сидя у его постели. И батюшка вашъ старался объ немъ, какъ о родномъ сынѣ, но, видно, Богу не было угодно, чтобъ князь выздоровѣлъ. Перестаньте, ради Бога, терзаться!» Наташа объявила рѣшительно, что хочетъ провести сколько можно болѣе времени у тѣла того, кто ей былъ всего дороже въ жизни. Авдотья Семеновна перестала увѣщавать ее, но не уходила. Изъ рѣчей ихъ Кемскій узналъ, что Наташа съ перваго дня болѣзни его увидѣла, сколь мало будетъ пользы отъ леченья, которое производилось съ шумомъ и только для виду;

что днемъ толпилось около его постели множество докторовъ, лекарей, подлекарей, а съ наступленіемъ ночи онъ оставался одинъ, безъ всякой помощи и призрѣнія. Алевтина именно запретила и людямъ оставаться на ночь при больномъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ имѣетъ надобность въ отдохновеніи. Наталья Васильевна воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, бросилась къ отцу своему, и, рассказавъ всѣ обстоятельства фамиліи, умоляла его помочь несчастному, котораго готовы уморить жадные наследники. Василій Григорьевичъ Павленко, человекъ истинно добродѣтельный, врачъ искусный и совѣстный, согласился на просьбы дочери, не подозрѣвая впрочемъ, чтобъ это усердіе ея къ благу молодаго князя было иное что, какъ любовь къ ближнему. При помощи одного стараго, вѣрнаго служителя, почтенный врачъ являлся въ домъ съ наступленіемъ ночи, смотрѣлъ больного, испытывалъ предписанныя ему лекарства, и когда не находилъ ихъ дѣйствительными, (что случалось почти всегда), давалъ ему свои. Между тѣмъ это одностороннее леченіе не могло имѣть совершеннаго успѣха: оно только на нѣсколько времени облегчало страданія больного и доставляло ему краткое успокоеніе, и онъ непремѣнно сдѣлался бы жертвою двухъ противоположныхъ системъ, если бѣ здоровая, неиспорченная натура его не поддержала.

«Что жъ дѣлать!» сказала наконецъ Авдотья Семеновна: «ваша совѣсть можетъ быть покойна:

вы сдѣлали все, что могли, къ его спасенію. Пусть терзаются тѣ, которые его сгубили!» — «Нѣтъ, Дуняша!» отвѣчала Наташа голосомъ тоски и отчаянія: «совѣсть моя не можетъ быть покойна. Страшно вздумать, а мнѣ кажется, что и я отчасти виновна въ его гибели. Я, я, по внушенію любви къ нему, отважилась на поступокъ, который, вѣроятно, стоилъ ему жизни. Давно видѣла я замыслы Алевтины; видѣла, какъ эта коварная злодѣйка опутываетъ бѣднаго, легковѣрнаго брата; видѣла, какъ она, отчаявшись дожить до его смерти, рѣшилась отравить его жизнь, заставивъ его вступить въ бракъ съ женщиною, его недостойною. Татьяна Петровна не знала, не понимала, не любила князя; могу сказать, она ненавидѣла его; но любовь къ богатству и знатности была въ ней сильнѣе, нежели эта ненависть, и она рѣшилась воспользоваться случаемъ. Онъ стоялъ на краю гибели. Признаюсь, любовь моя къ нему, любовь безотрадная и безнадѣжная, заставляла меня не разъ терпѣть всѣ мученія ревности; однако, если бъ я могла быть увѣрена, что въ бракъ съ другою ожидаетъ его счастье, я все перенесла бъ въ молчаніи. Но видѣть его несчастіе, видѣть, что его готовы погубить навѣки, связавъ неразрывными узами съ холодною, безсердою и глупою кокеткою — этого я не могла вытерпѣть, и рѣшилась его предостеречь. Я написала къ нему записку, въ которой немногими словами старалась показать ему опасность его положенія; записку вложила въ

книгу, которую Медоръ приносилъ на просмотръ къ Алевтинъ Михайловнъ. Князь читалъ эту книгу каждый вечеръ, и конечно прочиталъ мою записку.» — «Такъ, что жъ?» спросила Авдотья Семеновна: «тутъ грѣха ни какого нѣтъ; напротивъ, вы исполнили долгъ свой. — «Да!» отвѣчала Наташа протяжно: «если бъ я удовольствовалась этою запискою! Но любовь внушила мнѣ это средство, а ревность — признаюсь, къ стыду моему — ревность заставила прибавить одно слово, которое, какъ теперь вижу, поразило несчастнаго. Я замѣтила, что одна италіянская фамилія, фамилія какой-то пѣвицы, невзначай произнесенная, заставила его покраснѣть — и я подписала эту фамилію подъ запискою. На другой день онъ пріѣхалъ къ намъ безпокойный, разстроенный, больной, и вдругъ сдѣлался съ нимъ припадокъ. Я увѣрена, что этимъ именемъ растравила рану его сердца, убила его!»

Что чувствовалъ въ это время несчастный счастливецъ, то легче вообразить, нежели описать возможно. Одну женщину въ свѣтъ онъ почиталъ достойною любви своей, но убѣгалъ ея, воображая, что она холодна, нечувствительна, что она его ненавидитъ — и эта самая женщина любила его пламенно, страстно, жертвовала всѣмъ для его спасенія!

Слова Наташи прерваны были шорохомъ шаговъ въ коридоръ. «Это батюшка вашъ!» сказала Авдотья Семеновна печально: «мы не успѣли увѣдомить его о несчастіи: онъ пріѣхалъ навѣ-

ститъ больного. Какъ онъ, бѣдный, огорчится!»

Въ это время растворилась дверь, и въ залу вошелъ почтенный старичекъ, невысокаго роста, въ старомодной одеждѣ. «Батюшка!» вскричала Наташа, бросившись къ нему: «все напрасно! Онъ скончался.» — «Знаю, знаю!» сказалъ онъ тихо: «я пришелъ съ нимъ проститься.»

Онъ подошелъ къ гробу, и перекрестился. Наташа сняла дымковый покровъ, и старикъ приложился къ устамъ покойника. Вдругъ онъ приподнялся и сказалъ: «Помилуйте, да онъ не умеръ!» — «Не умеръ!» вскричали, въ одинъ голосъ, и дочь его и Авдотья Семеновна. — «Тише, тише!» сказалъ Василій Григорьевичъ, вынулъ изъ кармана стекляночку съ спиртомъ, и началъ тереть ему виски. Кемскій обрадовался, что можетъ подать знаки жизни, не пугая людей: громко вздохнулъ и приподнялъ руку. «Живъ! живъ!» закричали женщины. Авдотья Семеновна побѣжала за людьми; мнимо умершаго подняли изъ гроба, вынесли изъ холодной залы въ его спальню, положили въ теплую постель. Онъ хотѣлъ говорить. Павленко просилъ его успокоиться. Вскорѣ благодѣтельный сонъ смежилъ его утомленныя вѣжды.

Уже было свѣтло, когда громкій шумъ разбудилъ его. Комната была наполнена людьми. Павленко сидѣлъ у его постели, и держалъ его за руку. Наташа стояла въ ногахъ, и смотрѣла ему въ лице. Они не обращали вниманія на Алевтину, которая бѣсновалась посреди безмолвнаго

своего штаба. Иванъ Егоровичъ вытянулся стрункою въ форменной позиціи, и глядѣлъ на нее съ раболѣпствомъ. Тряпицынъ разсчитывался съ псаломщикомъ. Въ отдаленіи стояли Авдотья Семеновна, Медоръ, и несчастный слуга, впускавшій Павленка въ комнату князя. Изрѣдка отдергивалась занавѣска стекляной двери, и Татьяна Петровна заглядывала въ комнату. «Кто это осмѣлился впускать чужихъ людей въ мой домъ? Это ты, мошенникъ Тимошка! Въ деревню тебя, въ пастухи! А ты, Авдотья Семеновна, изволь-ка сегодня же убираться изъ дому. Кто это тебя выучилъ чортъ знаетъ кого принимать у меня въ домъ! И какой вздоръ выдумали, будто братецъ ожилъ! Сумасшедшіе вы, что ли?» — «Извольте посмотрѣть сами,» тихо сказалъ Василій Григорьевичъ: «Князь приходитъ въ себя.» Алевтина подошла, увидѣла, что братъ ея раскрылъ глаза, и въ безмолвной злобѣ поблѣднѣла; но вдругъ опомнилась и кинулась обнимать его: «Братецъ любезный! ангелъ мой! Богъ возвратилъ тебя мнѣ!» — Кемскій удержалъ ее, и произнесъ слабымъ голосомъ: «Алевтина Михайловна! оставьте меня въ покоѣ. Позвольте — вижу, что вы хотите сказать — я въ вашемъ домѣ, но я здѣсь по неволѣ. Освобожу васъ отъ моего присутствія, какъ можно скорѣе. Несчастный этотъ случай далъ мнѣ способъ узнать истинныхъ друзей моихъ. Наталья Васильевна! жизнь моя есть вашъ даръ — и вамъ она принадлежитъ отнынѣ. Вы и почтенный родитель вашъ —

мои родные. — Ни слова, Алевтина Михайловна! Людей не извольте трогать — они мои. Одному мнѣ они обязаны отчетомъ въ своихъ поступкахъ.» Алевтина молчала въ бѣшенствѣ. Иванъ Егоровичъ дрожалъ со страху. Тряпицынъ дерзнулъ прервать молчаніе: «Но, ваше сіятельство, на основаніи духовнаго завѣщанія покойнаго вашего родителя....» — «Молчать!» закричалъ Кемскій, приподнявшись въ постелѣ: «вонъ отсюда, мерзавецъ!» — «Ради Бога, успокойтесь!» сказалъ ему Павленко, и обратился къ Ивану Егоровичу: «Вы будете отвѣчать предъ законами, если попрепятствуете его выздоровленію: ему нуженъ покой. Вы хозяинъ въ домѣ; прикажите всѣмъ вашимъ домашнимъ выйти отсюда!» Иванъ Егоровичъ обратился къ Алевтинѣ, и подалъ ей знакъ, что должно повиноваться. Она поспѣшно вышла изъ комнаты, и всѣ послѣдовали за нею, кромѣ врача и его дочери.

XX.

Выздоровленіе князя шло быстрыми шагами. И есть ли въ свѣтѣ болѣзнь, которой не исцѣлила бы любовь и дружба!

Онъ узналъ ту, которая могла составить его счастіе въ жизни. Наталья Васильевна, лишившаяся матери въ младенчествѣ, воспитана была въ Малороссіи, въ одномъ знатномъ домѣ, гдѣ отецъ ея былъ домашнимъ врачомъ, и получила

блистательное образованіе. Одаренная отъ природы сердцемъ пламеннымъ, но умомъ основательнымъ, она рано научилась въ чужемъ домѣ вести себя благоразумно и осторожно, привыкла жертвовать своими склонностями и желаніями обстоятельствамъ и приличію. Отецъ ея получилъ мѣсто въ Петербургѣ, и взялъ ее съ собою; по должности своей, онъ не могъ находиться безпрестанно въ столицѣ, и принужденъ былъ нерѣдко ѣздить въ разныя мѣста. Въ сихъ обстоятельствахъ желалось ему пристроить дочь свою въ какомъ либо хорошемъ домѣ. Алевтина узнала ее случайно, и предложила ей мѣсто у себя, при воспитаніи дѣтей своихъ. Наташа, въ угожденіе отцу, согласилась. Вскорѣ узнала она нравъ и правила Алевтины, лицемеріе ея матери, но, между тѣмъ, привязалась сердцемъ къ сиротѣ Сережѣ и къ маленькой дочери Алевтины, и не рѣшалась ихъ оставить. Къ этой склонности присоединилась въ скоромъ времени и другая, въ которой она долго не хотѣла самой себя признать — склонность къ Кемскому. Благородный, любезный мечтатель покорилъ сердце Наташи. Она уважала его характеръ, его достоинства, его добродѣтели, но не воображала любить его. Однажды вздумалъ онъ сдѣлать ей, какъ наставницѣ питомца своего, подарокъ — это оскорбило ея гордость, пробудило страсть, таившуюся въ глубинѣ души ея, и въ то же время показало ей всю безнадежность этой любви. Она рѣшилась заглушить въ себѣ страсть, заглу-

шить холодностью, суровостью, гордостью въ обращеніи съ тѣмъ, чей взглядъ доставлялъ ей отраду и утѣшеніе. Нѣсколько разъ порывалась она оставить домъ Алевтины, но это было выше силъ ея. Она страдала и безмолвствовала. Доколь одна любовь дѣйствовала въ ея сердцѣ, она могла владѣть собою; но когда къ этой страсти присоединилась другая, обыкновенная ея спутница, ревность — притворство и молчаніе сдѣлались ей нестерпимыми. Никто въ домъ не замѣчалъ волненія души ея; одна только Авдотья Семеновна ее понимала: она сама въ жизни своей испытала восторги и томленія несчастной любви.

Ревность и любовь заставили Наташу отважиться на предостереженіе Кемскаго: опасность его жизни вселила въ нее геройство. Нѣсколько разъ давала она чувствовать Алевтинѣ, что князя лечатъ не хорошо, и получала въ отвѣтъ, что это не ея дѣло, что доктора знаютъ, какъ поступать. Когда болѣзнь усилилась, она убѣдила отца своего, подать помощь несчастному, сама проводила ночи у его постели, и только при первомъ появленіи утреннихъ лучей, со слезами, удалялась, оставляя любезнаго на рукахъ его мучителей и злодѣевъ. Любовь восторжествовала. Кемскій былъ спасенъ; Кемскій зналъ, кому этимъ обязанъ, и въ тѣ минуты, когда съ одной стороны чувство благодарности къ давно обожаемой, а съ другой радость о спасеніи единственнаго друга, устранили всякія другія отношенія, признаніе во взаимной любви и клятва

въ вѣрности до могилы, излетѣли изъ устъ ихъ въ одно мгновеніе, и почти безъ ихъ воли и вѣдома.

При первой возможности, Кемскій переѣхалъ обратно къ себѣ. Не ужасъ и испугъ ощутилъ онъ, а пролилъ слезы унылаго, сладостнаго воспоминанія, увидѣвъ въ этотъ разъ картину, представлявшую мѣсто дѣтскихъ игръ и мечтаній его. Василій Григорьевичъ поселился у него въ домѣ, чтобъ ближе за нимъ присматривать. Кемскій учтивымъ, но холоднымъ письмомъ увѣдомилъ Алевтину о своемъ выздоровленіи и о намѣреніи жениться на Натальѣ Васильевнѣ, и просилъ прислать къ нему питомца его, Сережу. Алевтина, желая уколоть Наташу, поручила ей, какъ гувернанткѣ, свезти ребенка. Она вошла въ комнату въ ту самую минуту, когда Кемскій признался почтенному старцу въ любви къ его дочери, и просилъ его благословенія.

«А что, дочка:» спросилъ онъ по-малороссійски (въ дѣлахъ сердца употреблялъ онъ это нарѣчіе, какъ въ рецептахъ языкъ латинскій), «неужели правда, что ты готова итти замужъ за князя?» и прибавилъ изъ любимой своей пѣсни: «хочешь меня старенького да покинуты!» — «Нѣтъ, нѣтъ! никогда не покину васъ!» вскричала Наташа, бросаясь къ нему на шею. «Добре! добре!» сказалъ онъ, утирая слезы: «ступай за него, и будь счастлива. Онъ истинно добрый человѣкъ. Люби его всѣмъ сердцемъ, а я буду приходить къ тебѣ на борщъ и на вареники. Да

чуръ не забывать нашихъ малороссійскихъ пѣ-
сень! Никого у меня не осталось на родинѣ.
Жива одна сестра, да и та не въ живыхъ: въ
монастырской кельѣ доплакиваетъ горькіе дни.
Не увижу я болѣе своей Украйны; такъ будь же
здѣсь моя родина!» — — — — —

Восторги юной счастливой любви! кто васъ
опишетъ! — — — — —

XXI.

Прошла зима. Наташа была уже нѣсколько
мѣсяцевъ Княгинею Кемскою, а мужъ ея счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Никогда не чувствовалъ онъ такого спокойствія, такой свободы
духа, какъ нынѣ: всѣ мечтанія, грѣзы, видѣнія
его исчезли. Онъ пояснилъ Наташѣ, кто былъ
Алимари, возбудившій ея ревность, и конечно
съ удовольствіемъ встрѣтилъ бы его, но уже
не тосковалъ по немъ. Наташа вступила въ роль
княгини безъ усилія и труда. Не придавая ни
какой цѣны дороговизнѣ нарядовъ, она играла
бриллиантами и драгоценными шалами, какъ
прежде стеклярусомъ и простою тафтичкою.
Благородный ея тонъ, образованіе, привычка
къ свѣтскому обращенію, заставляли уважать ее,
а скромность и добродушіе возбуждали нелице-
мѣрную къ ней любовь и въ тѣхъ, которые хо-

тѣли бы позабавиться на счетъ новой княгини. Первымъ ея стараніемъ было помирить князя съ Алевтиною: это было не трудно. Князь не умѣлъ долго сердиться, ненависти не зналъ вовсе, и охотно дѣлалъ угодное милой своей подругѣ. Алевтина рада была, что возобновленіемъ прежнихъ связей можетъ прекратить вредные слухи, носившіеся въ городѣ на счетъ обращенія ея съ братомъ. Прасковья Андреевна оросила новобрачныхъ дешевыми слезами, когда они пріѣхали къ ней съ первымъ визитомъ. Иванъ Егоровичъ съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ подошелъ къ ручкѣ княгини, и при каждомъ случаѣ величалъ ее сіятельствомъ. Алевтина приняла ее съ выраженіемъ нѣжнѣйшей дружбы, и старалась всѣми средствами заставить ее забыть прошедшее. Иногда однако она, при всемъ лицемѣріи, не имѣла силъ преодолѣть внутреннее влеченіе злобы и ненависти, и пользовалась случаемъ, когда могла уязвить прежнюю свою наемницу; но стрѣлы ея отскакивали отъ твердаго щита, который Наташа противопоставляла ей своимъ праводушіемъ и благородствомъ. Такъ, однажды, въ домѣ ея, въ многочисленномъ обществѣ, зашла рѣчь о болѣзни и чудесномъ изцѣленіи Кемскаго. Одна старушка, охотница пожить, спросила: «Скажи, сдѣлай одолженіе, матушка Алевтина Михайловна, откуда ты взяла такого колдуна лекаря, который изъ гробу людей воскрешаетъ! Кто это, родная, вымечилъ твоего братца? Да сколько ты ему заплатила?

Теперь они страхъ какъ дорожатся, проклятые!» — Алевтина притворилась смущенною, и съ сожалѣніемъ посмотрѣла на молодую княгиню. Наташа, ни мало не смѣшавшись, сказала старушкѣ: «Позвольте мнѣ отвѣчать вамъ: этотъ счастливый лекаръ былъ мой отецъ. Мы оба, и я и мужъ, обязаны ему жизни!» Съ симъ словомъ она вскочила съ креселъ, подбѣжала къ князю, сидѣвшему въ нѣкоторомъ отдаленіи, и поцѣловала его. Эта сцена, угрожавшая развязкою очень непріятною, тронула всѣхъ присутствовавшихъ. И Алевтина утерла глаза.

Домъ Кемскаго сдѣлался пріютомъ любви, дружбы и тихихъ наслажденій жизни. Хвалынский пріѣхалъ къ новобрачнымъ съ нѣкоторою робостью: онъ совѣстился явиться къ Наташѣ, съ которою, въ прежнемъ ея состояніи, иногда обращался довольно смѣло. Она приняла его учтиво, съ выраженіемъ дружбы и уваженія къ давнишнему искреннему пріятелю своего мужа, и чрезъ нѣсколько минутъ разсѣяла его смущеніе и неловкость. Хвалынский, глядя на прелестную, умную, добродѣтельную женщину, въ сердцѣ своемъ радовался счастію друга, и признавалъ себя недостойнымъ такого сокровища. «Помнишь ли предсказаніе Жидовки въ бѣлорусской корчмѣ?» спросилъ онъ однажды съ улыбкою Кемскаго. — «Какое предсказаніе?» со страхомъ спросила Наталья Васильевна, боясь, чтобъ этотъ вопросъ не возбудилъ въ мужѣ ея прежнихъ мечтаній и безпокойствъ. — «Ничего

ничего!» сказалъ Кемскій, обнимая ее: «это предсказаніе сбылось, и я благословляю провидѣніе. Мнѣ предсказано было, что я найду счастье въ гробу. Только не я нашелъ его, а оно само нашло меня!»

Бериловъ, взглянувъ въ первый разъ на княгиню, пораженъ былъ красотою, благородствомъ и выраженіемъ души въ лицѣ ея. Онъ, по обыкновенію своему, былъ неловокъ, страненъ, боязливъ, но Наташа вскорѣ навела разговоръ на искусство, и оживила артиста. Онъ заговорилъ съ жаромъ и страстію, сталъ съ нею толковать и спорить, восхитился ея умомъ, познаніями, вкусомъ и нѣжною скромностію, и въ восторгѣ своемъ раза два называлъ ее Натальею Родіоновною. Онъ остался, попрежнему, ежедневнымъ гостемъ и домашнимъ другомъ князя.

Какъ обильны, разнообразны и занимательны описанія страданій и недуговъ человѣка, и какъ проста, суха, неинтересна исторія его счастья! Преслѣдуемый судьбою, онъ выходитъ на состязаніе со всѣми силами природы, и въ этой борьбѣ, падая ли подъ ударами рока, или одерживая надъ нимъ побѣду, представляетъ для ближнихъ своихъ зрѣлище богатое, грозное и умилительное. Истинное же счастье, обитая въ глубинѣ души человѣка, распространяя на все существо его спокойствіе и тишину, принимающія для другихъ единообразный видъ равнодушія, лишаютъ внѣшнюю жизнь его всякаго драматическаго движенія. — Но какъ рѣдки въ жиз-

ни нашей эти кануны небесныхъ праздниковъ — кануны, въ которые не бываетъ игрищъ для черни здѣшняго міра!

Кемскій былъ счастливъ, какъ только человекъ въ жизни счастливъ быть можетъ. Одно желаніе было у него — дожить до сентября мѣсяца, взять отставку, и ѣхать съ женою въ симбирскую свою вотчину, чтобъ показать ей въ природѣ то мѣсто, которое на картинѣ приводило его въ умилительный восторгъ.

Часть I.

RECEIVED

XXII.

Блаженъ, кто поутру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

С. ПЕТЕРБУРГЪ, 1799. Іюнь.

Въ одно утро Кемскій получилъ отъ полковаго командира своего записку слѣдующаго содержанія:

«Мнѣ приказано откомандировать въ Гатчину одного изъ надежнѣйшихъ офицеровъ полка. Прошу васъ отправиться туда немедленно, и съ приложенною у сего бумагою явиться къ генераль-адъютанту *****.»

Такая командировка была для Кемскаго не новость, но, по внушенію какого-то неизъяснимаго предчувствія, онъ, прочитавъ записку, вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Наташа замѣтила его смятеніе. «Что это, любезный?» спросила она съ участіемъ и боязнію. «Ничего» отвѣчалъ онъ, стараясь скрыть волненіе и казаться равнодуш-

нымъ: «нарядъ по службѣ. Только для меня пришелъ онъ очень не въ-время. Мнѣ не хотѣлось бы теперь ѣхать.» — «Что жъ дѣлать, другъ мой!» возразила жена, прочитавъ поданную имъ записку: «поѣдешь сегодня, а завтра воротишься.» — «Но нынѣшній день потерянь!» сказалъ онъ печально. — «Когда завтра воротишься рано, я скажу тебѣ тайну, новость, которая, можетъ быть, тебя порадуетъ. Или нѣтъ, пусть лучше батюшка тебѣ это скажетъ!» прибавила она, покраснѣвши, и бросилась къ нему на шею. Умиленіе проникло въ душу Кемскаго: онъ понималъ слова юной, стыдливой подруги, понималъ, что его ожидаютъ радости родительскія, и съ горячностью прижалъ Наташу къ своему сердцу. Чрезъ часъ онъ уже летѣлъ къ мѣсту назначенія.

Въ Гатчинѣ явился онъ къ генералъ-адъютанту ***** . «Вы конечно имѣете при Дворѣ сильныхъ покровителей!» сказалъ ему генералъ съ досадою. — «Могу увѣрить ваше превосходительство, что имѣю только просто знакомыхъ или начальниковъ!» отвѣчалъ Кемскій. — «Довольно! оставимъ это,» продолжалъ генералъ. «Вамъ готовится порученіе важное и пріятное. Вы должны отправиться въ Италію, и свезти къ главнокомандующему нашею арміею важныя бумаги. Признаюсь, я представилъ было для этого порученія моего племянника, но ваши друзья превозмогли меня: уладили дѣло такъ, что кажется, будто вы наряжены по случайно-

му выбору полковаго командира. Вы тотчасъ получите депеши, и должны отправиться, не теряя ни минуты.» Генераль поклонился и ушелъ обратно въ свой кабинетъ, а Кемскій остался въ пріемной комнатѣ, какъ громомъ пораженный. Долгъ и любовь, честь и привязанность къ женѣ — боролись въ душѣ его. Война, слава, Италія съ одной стороны обѣщали ему исполненіе давнишнихъ его желаній. Съ другой стороны мысль о разлукѣ съ тою, которая сдѣлалась его истинною жизнію, убивала его. Онъ погрузился въ глубокую думу. Неясныя мечтанія, какія-то мрачныя тучи носились въ его умѣ и воображеніи; ему казалось, что голова его не можетъ вытерпѣть движеній сердца. Стукъ экипажа по мостовой прервалъ его задумчивость. — «Вотъ наша тройка!» сказалъ ему безмолвный до того времени фельдъегерь, — «Такъ вы ѣдете со мною?» — «Точно такъ, ваше сіятельство. Я имѣю порученіе *поставить* васъ въ десятый день въ главную квартиру. Но, можетъ быть, вамъ не угодно будетъ ѣхать въ тельжкѣ? — Позвольте ли взять вашу коляску? И челоуѣку вашему будетъ лучше.» — «Какъ хотите!» сказалъ Кемскій. — Фельдъегерь выбѣжалъ изъ залы, и, отдавъ приказанія ямщику, воротился. Съ нимъ вошелъ другой фельдъегерь. — «Не угодно ли вашему сіятельству?» спросилъ первый: «дать товарищу моему порученія? Онъ сію минуту ѣдетъ въ Петербургъ!» — «Ахъ! точно такъ! очень хорошо!» сказалъ Кемскій: «мнѣ хотѣлось

бы увѣдомить жену мою.... Не зайдете ли вы со мною въ трактиръ? тамъ я написалъ бы письмо.» — «Никакъ нельзя,» отвѣчалъ другой фельдъегерь сербскимъ нарѣчіемъ: «я имѣю приказаніе вручить вотъ сіи бумаги чрезъ два часа господину генераль-прокурору, а фельдъегерь Соколовичъ никогда не опаздывалъ. Да что тутъ долго толковати! Вотъ и чернила и перо; добудемъ и бумаги!» Съ этими словами оторвалъ онъ половину лежавшаго на столѣ листа, на которомъ записывали имена свои посѣтители низшихъ классовъ, неимѣющіе права оставлять визитныя карточки. Кемскій присѣлъ къ столу, и написалъ нѣсколько строкъ къ Наташѣ, не помня самъ, что пишетъ; сложилъ бумагу, подписалъ и, не запечатавъ, отдалъ доброму Сербу, а этотъ, пожавъ ему руку, сказалъ: «Будьте увѣрены, что Соколовичъ вѣрно доставитъ вашу грамотку, и не стыдитесь, что она не запечатана; у насъ, въ Сербіи, всегда такъ: пишутъ рѣдко, а не запечатываютъ никогда — и сургучу въ заводъ нѣтъ. Счастливо оставаться!» — «Вы увидите мою жену — поѣзжайте къ ней сами,» — сказалъ Кемскій: «скажите ей....» — Онъ залился слезами и упалъ на стулъ. — «*Босомъ теремте!*» проворчалъ Соколовичъ: «да что вы за сумасшедшій! Плачете по бабѣ, когда Царь великій на службу посылаетъ? Полно-те, князь! Перестаньте! Я не скажу вашей княгинѣ, что вамъ трудно было разставаться съ нею: пусть думаетъ она, что вы храбрый юнакъ, славянская

кровь!» — Кемскій слышалъ эти слова, какъ сквозь сонъ. Его позвали въ кабинетъ. — «Вотъ,» сказалъ ему генералъ: «бумаги на имя графа. Можетъ быть, вы не запаслись деньгами на непредвидѣнную дорогу. Позвольте мнѣ предложить вамъ сколько нибудь. Я получу уплату отъ вашей супруги, если позволите.» Онъ подалъ ему нѣсколько свертковъ съ червонцами. Въ глазахъ его видно было сожалѣніе о прежнемъ разговорѣ; онъ удостовѣрился въ истинѣ словъ князя: голосъ искренняго чувства есть голосъ правды. — Кемскій съ благодарностью принялъ это предложеніе, и воспользовался симъ случаемъ, чтобъ переслать еще поклонъ своей любезной. Генералъ обѣщалъ это сдѣлать, и умолкъ въ замѣшательствѣ. Кемскій догадался, что ему, какъ курьеру, нельзя медлить долѣе, откланялся, и чрезъ нѣсколько минутъ коляска его простучала мимо колонны на Коннетабль. Вильна, Краковъ, Брюннъ, Вѣна промелькнули въ глазахъ его. Чрезъ нѣсколько дней ознакомился онъ съ своимъ положеніемъ: старался увѣрить себя, что тягостная разлука будетъ непродолжительна; рассчитывалъ, сколько времени можетъ пребыть въ Италіи, и когда воротиться; воображалъ минуту свиданія.... — Но эти прекрасныя, утѣшительныя мечты нерѣдко смѣнялись горькою печалью: ему казалось, что онъ впадаетъ въ прежнюю задумчивость, что предъ нимъ опять зачернѣлась та точка, изъ которой развивались прежнія грозныя видѣнія. — Въ

Въну пріѣхалъ онъ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа; но когда явился къ русскому послу, когда увидѣлъ, съ какимъ уваженіемъ принимаютъ его, офицера русской гвардіи, съ какимъ почтеніемъ смотрятъ на героевъ, подвижающихся подъ русскими знаменами, благородная гордость и патріотическое честолюбіе смѣнили чувство горести и унынія. Изъ Въны написалъ онъ первое порядочное письмо къ своей Наташѣ: дотолъ посылалъ онъ отрывки, наполненные восклицаніями. Въ этомъ письмѣ онъ открылъ ей желаніе свое, непременно воспользоваться настоящими обстоятельствами и послужить противъ непріятеля; писалъ, какъ пріятно и восхитительно ему будетъ свидѣться съ нею по исполненіи долга гражданина и воина. Въ лучахъ блистательнаго свѣтила славы затмилась тихая лампада сердечныхъ чувствъ — затмилась, но не потухла: пламенные мечты славолубія, въ минуты тишины и уединенія, смѣнялись помыслами о прежнихъ и будущихъ наслажденіяхъ чистой любви супружеской.

XXIII.

ЛОМБАРДІЯ.

Италянское утро, въ исходъ Іюля, озаряло прекраснѣйшій сельскій видъ на берегахъ Адды. Воздухъ прозрачный и легкій дышалъ еще свѣжестью ночи. Лазоревое небо разстилось надъ горизонтомъ, ограниченнымъ темно-зелеными рощами. На скатъ горы, простиравшейся къ ложу рѣки, бѣлѣлся крестьянскій домъ; вдоль стѣнъ его взвивались виноградныя лозы. Кемскій, прислонясь къ полуопрокинутой своей коляскѣ, у которой изломилась передняя ось, услаждалъ глаза прелестною картиною, и пилъ ароматное дыханіе полуденной земли. Въ воздухъ носился тихій, невыразимый гулъ утра — слышалось это непонятное движеніе воскресающаго дня. «Наташа!» тихо лепеталъ минутный счастливецъ — звукъ этого имени сдѣлался для него выраженіемъ всего, что наполняло его душу, что извлекало у него слезы и умиленія, и горести. — Вдругъ онъ вздрогнулъ, выпрямился и началъ прислушиваться. Внизу, на самомъ берегу рѣки, раздались звуки флейты, сначала тихіе, потомъ громче и громче. Звуки очаровательныя, знакомыя, отозвались въ душѣ Кемскаго: онъ гдѣ-то слышалъ ихъ прежде. Гдѣ? Флейта умолкла, и послѣдніе звуки ея вторились еще между крутыми берегами: тогда Кемскій вспомнилъ баркароллу, которая таилась въ

его памяти съ осенняго утра, проведеннаго имъ на высотахъ Токсовскихъ — та же музыка, та же игра, то же выраженіе. Прошедшее, при этомъ напоминовеніи, затолпилось въ его сердцѣ и умѣ. Онъ удивлялся странной игрѣ случая, что одна и та же музыка оглашала для него и пустынное озеро Кареліи, и живописное ложе роскошной Адды. — Въ правой сторонѣ отъ него послышались шаги: кто-то по крутому берегу взбирался наверхъ. Кемскій взглянулъ въ ту сторону, и взорамъ его предсталъ Алимари. Бѣдный нашъ странникъ изумился, поблѣднѣлъ, и, съ выраженіемъ душевнаго восторга кинувшись въ объятія пришельца, закричалъ по-русски: «Ахъ! это вы, Петръ Антоновичъ!» — Алимари въ тотъ же мигъ узналъ молодаго князя, который заинтересовалъ его при первомъ свиданіи, и врѣзался глубокими чертами въ его памяти. По курьерскому наряду Кемскаго, Алимари догадался, какимъ образомъ съ нимъ здѣсь сошелся; но Кемскій не думалъ спрашивать его, какъ очутились они вмѣстѣ подъ прелестнымъ небомъ Ломбардіи; онъ радовался, что нашелъ человѣка, который его знаетъ и понимаетъ; странно: радовался еще, что нашелъ человѣка, съ которымъ можетъ поговорить по-русски. Фельдъегерь его, Ярлыковъ, правда, говорилъ съ нимъ по-русски, да не умѣлъ говорить по-человѣчески. Вся сфера его познаній обращалась вкругъ дегтя, сала, осей, колесъ, подковъ, подпругъ, шлей и недоуздровъ. Цѣль жизни его была —

поставить такого-то какъ можно исправнѣе туда-то. Впрочемъ, это самое ограниченіе, тѣсное, определенное, было по душѣ Кемскому: Ярлыковъ молчалъ въ продолженіе всего пути; краснорѣчіе его начинало дѣйствовать только съ той минуты, какъ повозка останавливалась у почтовой станціи, и вновь прекращалось съ первымъ ея движеніемъ. Можно себѣ вообразить, какъ тягостно было бы его сотоварищество, если бѣ онъ вздумалъ разсуждать, говорить, утѣшать, совѣтовать!

Въ началѣ разговора, отрывистые вопросы, отвѣты, восклицанія — попеременно смѣнялись, и старые знакомцы не могли надивиться случаю, сведшему ихъ на берегу Адды. Мало по малу улеглось первое волненіе, и Кемскій разсказалъ все, что съ нимъ случилось въ продолженіе времени, истекшаго послѣ ихъ разлуки. Онъ говорилъ обо всемъ съ величайшею довѣрчивостію, въ полнотѣ чувствъ, и не прежде, какъ по окончаніи своего разсказа, вдругъ вспомнилъ, что Алимари никогда не былъ съ нимъ коротокъ, что они видѣлись другъ съ другомъ раза два въ жизни, и то мелькомъ, а тутъ онъ обошелся съ нимъ, какъ съ искреннимъ пріятелемъ, съ близкимъ родственникомъ! Онъ умолкъ, засмѣялся, и сообщилъ это замѣчаніе своему собесѣднику. Алимари отвѣчалъ съ чувствомъ: «Неужели вы не вѣрите въ созвучіе душъ, подобное созвучію тѣлъ неодушевленныхъ? Известенъ ли вамъ опытъ физики, въ которомъ, отъ

разбитія одного стеклянаго сосуда, другой, настроенный въ одномъ съ нимъ тонъ, разлетается въ дребезги безъ малѣйшаго къ нему прикосновенія? Въ самый первый вечеръ свиданія нашего въ Токсовъ, я почувствовалъ непреодолимое къ вамъ влеченіе, хотѣлъ искать вашего знакомства, заслужить вашу дружбу, но на другой день обстоятельства насъ разлучили, и я никакъ не могъ свидѣться съ вами въ послѣдствіи.» —

«Но вы жили въ Петербургъ?» — «Близъ Петербурга, и рѣдко бывалъ въ городъ. Но теперь не станемъ терять краткихъ мгновеній нашего свиданія. Я увидѣлъ въ деревнѣ фельдъегеря, заботившагося о починкѣ вашего экипажа, и узнавъ, что ѣдетъ русскій курьеръ, отыскалъ васъ. Вы не можете выѣхать отсюда ранѣе полудня — воспользуемся этимъ временемъ. Жаръ въ скоромъ времени сдѣлается несносенъ. Войдемъ въ этотъ домикъ. Я знаю хозяевъ.» — Кемскій пошелъ за другомъ своимъ. Они вошли въ сельскій домикъ, жилище бѣдности, трудолюбія и добродѣтели. Ихъ встрѣтила миловидная хозяйка, смугловатая, черноглазая, пламенная, съ амурчикомъ на рукахъ. Алимари заговорилъ съ нею тамошнимъ народнымъ нарѣчіемъ, вовсе непонятнымъ для иностранца, хотя бы онъ въ совершенствѣ зналъ языкъ Метастазія и Альфіери. Италіанка отвѣчала что-то, улыбаясь съ выраженіемъ добродушія, и ввела странника въ комнату, чрезвычайно чистую въ сравненіи съ обыкновенными жилищами бѣдныхъ Италіянцевъ.

Кемскій пораженъ былъ какимъ-то невольнымъ, какъ бы *инстинктымъ* изяществомъ всѣхъ формъ въ этой обители убожества и простоты. Дотолѣ ѣхалъ онъ сломя голову, и едва успѣвалъ вздохнуть и перехватить кое-чего на станціяхъ; — здѣсь, въ первый разъ, осмотрѣлся въ италіянскомъ быту. Онъ сообщилъ замѣчаніе свое товарищу. — «Подлинно,» сказалъ Алимари: «въ Италіи и Греціи чувство прекраснаго преобладаетъ въ народѣ. Слава, просвѣщеніе, богатство наше исчезли въ вѣкахъ; но и въ развалинахъ, поросшихъ мхомъ бѣдности и невѣжества, являются великолѣпныя формы, соврожденныя любимцамъ древняго міра. Здѣсь и посреди Греціи можно перенестись умомъ въ первобытный міръ, и въ необразованной поселянкѣ вообразить себѣ древнюю Гречанку или Этруску; въ простой кружкѣ, подносимой вамъ гостепріимствомъ, видѣть вазу, которой не достаетъ только тысячелѣтней давности, чтобъ красоваться въ богатомъ музеѣ.»

Друзья расположились у окна, изъ котораго видъ простирался на обворожительную сельскую картину. Свѣсившіяся надъ окномъ виноградныя лозы защищали ихъ отъ палящихъ лучей солнца. Кемскій ожилъ душою: въ первый разъ съ той минуты, какъ оставилъ Наташу, почувствовалъ онъ, что живъ еще, что можетъ мыслить и передавать мысли, что есть существо, умѣющее понимать его. Алимари раздѣлялъ его искреннюю радость. Въ усладительной бесѣдѣ уле-

тали быстрые часы. — «Другъ мой!» сказалъ Кемскій: «не сочтите моихъ вопросовъ пустымъ любопытствомъ; не поскучайте отвѣчать мнѣ. Скажите, кто вы; какимъ образомъ произошло, что вы и Италіянецъ, и Русскій; что вы дома и въ Финляндіи, и на берегахъ Адды? Гдѣ ваша родина? гдѣ ваше семейство? Кто открылъ вамъ тѣ познанія, тѣ соображенія, которыми вы изумляли не одного меня? Повѣдайте мнѣ тайну вашей жизни: я буду хранить ее свято, если она дѣйствительно тайна; но во всякомъ случаѣ узнаю васъ ближе, и тѣснѣе заключу союзъ, невидимо возникшій между нами въ то самое мгновеніе, когда звукъ вашего голоса коснулся моего слуха.» — «Вы знаете, князь,» сказалъ Алимари, улыбаясь: «что отвѣчалъ одинъ членъ голландскихъ генеральныхъ штатовъ, когда его разбудили въ собраніи, и спросили, согласенъ ли онъ сдать городъ французскому королю: да развѣ король требовалъ сдачи? — Такъ и я скажу: вы полагаете, что я скрываю отъ васъ, кто я; но развѣ вы меня о томъ когда либо спрашивали? А навязывать исторію моей жизни я никому не хотѣлъ; не всякъ охотно слушаетъ чужія похождения, и кому своя жизнь не дороже чужой, хотя бы Кировой или Александровой! — Вамъ угодно, извольте, я сообщу вамъ нѣкоторыя обстоятельства моей жизни; — нѣкоторыя, говорю, ибо въ жизни моей были такіе случаи, которыхъ я не только пересказать другому, но и самъ вспомнить едва ли въ состоя-

ніи.» При этихъ словахъ твердый голосъ Али-мари задрожалъ; слезы выступили на глазахъ его; но онъ вскорѣ оправился и продолжалъ.

XXIV.

«Отецъ мой былъ родомъ изъ Венеціи, мать Морлачка, оба люди неважные и небогатые благами земными. Отецъ мой былъ искусный шлюзовый и фонтанный мастеръ: въ обильной водою и скудной землею Венеціи находилъ онъ довольно работы и пропитанія. Однажды (это было около 1715 года, ему отъ роду было лѣтъ двадцать) чинилъ онъ въ Венеціи дождевую трубу у одного богатаго дворца. Примостясь къ краю канала, онъ работалъ прилежно, поглядывая изрѣдка на миловидную дѣвушку, въ славянскомъ нарядѣ, продававшую прохожимъ вкусные горячіе пирожки. Голубые глаза пирожницы встрѣчались съ пламенными взглядами молодаго работника, и уже раждалась та невидимая нить, которая соединяетъ сердца лучами глазъ. Эти безмолвные переговоры длились нѣсколько дней. Антоніо съ уныніемъ видѣлъ, что работа его приближается къ концу, что вскорѣ должно будетъ оставить это мѣсто и пригужую торговку, основавшую тутъ свою подвижную лавочку. Онъ замедлялъ окончаніемъ своего дѣла, чтобъ продлить еще минуты наслажденія. Ему казалось,

что и Славянка съ прискорбіемъ глядитъ на приготовленія его къ оставленію мѣста, сдѣлавшагося имъ драгоцѣннымъ. Вдругъ выходитъ изъ дворца молодой человѣкъ въ богатой одеждѣ; въ походкѣ, во всѣхъ его движеніяхъ и въ чертахъ лица, прекраснаго отъ природы, изображались гордость, дерзость и безстыдство. Онъ приближается къ торговкѣ, лѣвою рукою беретъ за одинъ пирожокъ, а правою треплетъ ее по щекѣ, спрашиваетъ о цѣнѣ пирожка, и въ то же время произноситъ что-то въ полголоса. Она краснѣетъ и уклоняется отъ его ласкъ; молодой человѣкъ становится смѣлѣе, схватываетъ ее обѣими руками; она вскрикиваетъ.... Не прошло двухъ секундъ, какъ дерзкій юноша летѣлъ стремглавъ въ каналъ; за нимъ сыпались горячіе пирожки съ лотка дѣвушки. Антоніо бѣжалъ съ нею на первой гондолѣ. Они вышли на берегъ въ Местрѣ, и наняли извозчика до Тревиза. Тамъ былъ у Антоніа братъ, каноникъ, человѣкъ добрый и сострадательный. Бѣглецы явились къ нему, и со слезами объяснили причину своего поступка. Въ Тревизѣ уже было извѣстно, что племянникъ дожа кѣмъ-то былъ столкнутъ въ каналъ, и вытащенъ въ безпамятствѣ. Искали виновниковъ этого несчастнаго случая: замѣтили, что работавшій у берега мастеръ скрылся, и послали погоню въ разныя стороны. Каноникъ совѣтовалъ Антоніо бѣжать за границу венеціанскихъ владѣній, а Морлачкѣ воротиться въ Венецію, потому что никто не подозрѣвалъ

ся въ соучастіи. Они было согласились и со вздохомъ потупили глаза; но когда подняли ихъ, чтобъ проститься, не могли удержать влеченія сердца, бросились въ объятія другъ другу, и объявили брату, что никогда въ жизни не разлучатся. Каноникъ, избравшій духовное званіе съ отчаянія о потерѣ любезной, понялъ ихъ: чрезъ часъ служитель Церкви освятилъ союзъ ихъ въ скромной часовнѣ, и только при вѣнчаніи Антоніо узналъ имя своей подруги: ее звали Еленою. Каноникъ отдалъ имъ все, что могъ отдать, самъ проводилъ за городъ по дорогѣ въ Швейцарію, простился съ ними, и далъ имъ напутственное благословеніе. Вскорѣ перешли они границу, перебрались чрезъ грозныя Альпы, и очутились во Франціи. Антоніо рѣшился итти въ Парижъ: въ малыхъ городахъ онъ не могъ снискивать пропитанія ремесломъ своимъ. Они добрались до Парижа, и отправились въ Версаль, гдѣ требовались искусные мастера для поддержанія тамошнихъ великолѣпныхъ фонтановъ. Антоніо поселился съ женою въ селеніи Поръ-Марли, неподалеку отъ машины марлійской; работалъ прилежно и успешно, и, утомленный дневными трудами, въ объятіяхъ доброй жены находилъ отраду и отдохновеніе. Музыка была главною ихъ забавою: Антоніо игралъ на флейтѣ и на гитарѣ венеціянскія баркаролы; Елена пѣла, по внушенію природы и вѣрнаго вкуса, прекрасныя пѣсни морлацкія. Время текло для нихъ непримѣтно. Иногда Елена горе-

вала, что вскорѣ забудетъ свой славянскій языкъ, и Антонію, въ угожденіе ей, выучилъ нѣсколь-морлацскихъ словъ.

Однажды, это было лѣтомъ 1717 года, Антонію работалъ на большой марлійской машинѣ. Къ нему подходятъ какіе-то иностранцы. Одинъ изъ нихъ, одѣтый проще другихъ, отличался сановитостью и благороднымъ видомъ. Онъ входилъ во всѣ подробности устройства машины, любопытствовалъ узнать въ точности законы, по которымъ она составлена, разсматривалъ всѣ орудія. Онъ говорилъ чрезъ переводчика, но Антонію понималъ большую часть словъ его — они были славянскія, — и предупреждалъ отвѣтами переводъ вопросовъ. «Откуда ты родомъ?» спросилъ его съ пріятною улыбкою иностранецъ.» — «Я Венеціянецъ, синьоръ,» отвѣчалъ онъ. — «Какъ же ты понимаешь мои слова?» — «Не диво!» отвѣчалъ отецъ мой: «вы говорите нарѣчіемъ славянскимъ, похожимъ на языкъ жены моей; она Морлачка, Славянка, и пойметъ васъ еще лучше моего.» — «Хотѣлось бы мнѣ увидѣть землячку, Славянку,» сказалъ иностранецъ съ возрастающимъ участіемъ: «гдѣ твоя жена?» — «Мы живемъ недалеко отсюда, и если синьоръ не погнушается нашимъ простымъ обѣдомъ, мы угостимъ его славянскими пирожками, какихъ конечно нѣтъ на столѣ регента Франціи.» — «Хорошо,» сказалъ иностранецъ: «ударилъ адмиральскій часъ, и я охотно принимаю твое приглашеніе. Пойдемъ!» — «Нѣтъ!» сказалъ Ан-

тонію: «вашъ часъ ударилъ, а нашъ еще не пробилъ. Я не смѣю до звонка отлучиться отъ работы.» Одинъ изъ провожатыхъ незнакомца сказалъ Антонію по-французски, что онъ можетъ отлучиться до срока, въ угожденіе почтенному посѣтителю, но иностранецъ никакъ не хотѣлъ этого дозволить, похвалилъ прилежаніе мастера, и, для сокращенія времени, самъ занялся его работою. Ударилъ обѣденный колоколъ: отецъ мой сложилъ инструменты, и пригласилъ своего гостя пойти за нимъ. Провожатые хотѣли итти туда же, но онъ велѣлъ имъ дождаться его возвращенія, и пошелъ въ жилище бѣдности, довольства и благополучія. На порогъ встрѣтила ихъ Елена, бросилась въ объятія мужа, не обращая вниманія на пришельца, стала цѣловать его и отирать потъ съ его лица. «Вотъ, Елена!» сказалъ отецъ мой: «я привелъ къ тебѣ гостя, твоего земляка: онъ хочетъ пообѣдать съ нами.» — «Вы Славянинъ? Морлакъ?» спросила Елена съ радостнымъ трепетомъ. — «Славянинъ, хоть и не Морлакъ,» отвѣчалъ иностранецъ, поцѣловавъ ее въ лобъ: «я Русскій, Москвичъ, и тебѣ не чужой! Слыхала ли ты о Русскихъ?» — «Какъ не слыхать!» воскликнула Елена: говорятъ, они народъ добрый и ласковый, и хотятъ освободить всѣхъ нашихъ земляковъ отъ ига турецкаго. А Царь у нихъ, сказываютъ, куда смѣшлый и умный человекъ. Добро пожаловать, господинъ Москвичъ! Прошу не погнушаться на нашу простую славянскую пищу — мы подно-

симъ ее вамъ съ любовію и уваженіемъ.» Съли за столъ. Иностранецъ кушалъ и пилъ охотно, и не могъ нахвалиться пирожками, издѣлья хозяйки. «Послушай!» сказалъ онъ Антонію: «нашъ Царь беретъ въ службу хорошихъ и трудолюбивыхъ мастеровъ: не хочешь ли ты къ намъ опредѣлиться? Тебѣ, на Руси, будетъ житье привольное, и Елена твоя заживетъ тамъ, какъ дома. Вамъ здѣсь оставлять и терять нечего. Подумайте, и если найдете, что это вамъ выгодно, то приходите завтра въ квартиру Царя, въ Парижѣ подлѣ арсенала, да спросите Петра Михайлова, а я между тѣмъ поговорю о васъ съ Царемъ, и увѣренъ, что онъ вамъ не откажетъ.» Супруги не могли еще образумиться, какъ незнакомецъ, простясь съ ними, вышелъ изъ ихъ дому. Чего тутъ было долго размышлять? На другой день отправились они въ Парижъ, добрались до арсенала, и узнали жилище Царя, по множеству каретъ, которыя стояли въ готовности для его разъѣздовъ. Они спросили Петра Михайлова, и были введены въ богатую комнату, гдѣ увидѣли вчерашняго своего гостя среди русскихъ и французскихъ царедворцевъ. Имъ нетрудно было узнать, кого принимали вчера. Петръ обнялъ ихъ ласково, и, не теряя времени, далъ имъ письмо къ Меншикову, велѣлъ выдать паспортъ и отпустить денегъ на дорогу. Чрезъ мѣсяцъ были они въ Петербургъ. Отецъ мой и еще одинъ землякъ его употреблены были при постройкѣ шлюзовъ на рѣкахъ Ижорѣ и Уверѣ.

Государь, по возвращеніи въ Россію, посѣтилъ мастеровъ въ новомъ ихъ жилищѣ, освѣдомился, довольны ли они содержаніемъ, покушалъ пирожковъ печенья Елены, шутилъ надъ нею, что у ней нѣтъ дѣтей, и взялъ слово, что она позоветъ его въ кумовья, когда родится у ней сынъ. Это было и пламенное желаніе моихъ родителей, но оно сбылось не скоро: я родился въ исходѣ 1724 года. Отецъ привезъ меня въ Петербургъ, и великій Государь, за два мѣсяца до своей кончины, былъ моимъ воспріемникомъ. Онъ надѣлъ на меня вотъ этотъ золотой крестъ, который пойдетъ со мною въ могилу.»

Алимари вынулъ крестъ, висѣвшій у него на шеѣ, поцѣловалъ его со вздохомъ и продолжалъ.

XXV.

«И такъ вы видите, что я, хотя Италіянецъ по происхожденію, католикъ по исповѣданію, но Славянинъ по матери, и Русскій по мѣсту рожденія. Вскорѣ послѣ моего рожденія скончался нашъ великій благодѣтель. Родители мои оросили слезами искренней скорби хладные его останки, и неоднократно на гробницѣ воспріемника моего пламенно молились Богу, почерпали новыя силы для перенесенія бѣдствій и тягостей житейскихъ. Отецъ мой умеръ, когда мнѣ

было отъ роду семь лѣтъ. Братъ его, возвысившійся между тѣмъ на степень епископа Тревизскаго, упросилъ мою мать отправить меня на родину отца. Она согласилась, но сама не могла за мною слѣдовать, не могла оставить того мѣста, гдѣ былъ погребенъ ея любезный Антоніо. Меня привезли къ дядѣ, который осыпалъ меня ласками и милостями. Сначала жилъ я у него въ домѣ, потомъ отданъ былъ въ іезуитское училище. Дядѣ хотѣлось, чтобъ я вступилъ въ духовное званіе; я же самъ не зналъ, чего хочу, только учился прилежно и успѣшно. Когда мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, получилъ я отъ матушки извѣстіе, что она занемогла, тоскуетъ по мнѣ, предчувствуетъ близкую свою кончину, и хочетъ благословить меня. Почтенный епископъ ни минуты не колебался, отправилъ меня въ Петербургъ съ позволеніемъ жить тамъ, сколько времени пожелаю. Я увидѣлся съ моею матерью, о которой въ душѣ моей оставалось одно темное воспоминаніе, украшенное чувствомъ любви и благодарности дѣтской. Она была очень слаба, и умоляла меня не оставлять ея. И я не могъ бы рѣшиться на вторичную разлуку съ нею. Мы увѣдомили объ этомъ намѣреніи дядю; онъ охотно на то согласился, прислалъ мнѣ денегъ, и совѣтовалъ искать въ Петербургъ случая, продолжать начатое ученіе. Я искалъ не долго. Однажды, по обыкновенію, проводилъ я матушку на могилу отца, за Невою у церкви Самсонія, и между тѣмъ, какъ она молилась надъ

прахомъ ей любезнымъ, я бродилъ по кладбищу, и читалъ надгробныя надписи — италіянскія, французскія, латинскія. Вскорѣ замѣтилъ я, что по слѣдамъ моимъ ходитъ какой-то человѣкъ, высокій ростомъ, блѣдный, съ унылымъ взглядомъ, и прислушивается къ моему чтенію. Дѣтское мое тщеславіе возбуждилось этимъ вниманіемъ: нашедъ на одномъ камнѣ эпитафію въ латинскихъ стихахъ, я прочиталъ ее громко, съ точнымъ наблюденіемъ мѣры стиховъ. На лицѣ незнакомца изобразилось удовольствіе. Онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, и ласково спросилъ по-латыни, кто я. Я объявилъ ему мое имя и званіе, и указалъ на матушку. «Горестъ ея священна,» сказалъ онъ съ участіемъ: «не надобно нарушать ея. Ты мнѣ нравишься, юноша! Мнѣ желалось бы познакомиться съ тобою покороче. Когда можешь, приходи въ Невскую Лавру, и спроси тамъ Селлія, учителя семинаріи.» — Онъ пожалъ мнѣ руку и удалился. Я всегда имѣлъ большую склонность къ таинственному и необыкновенному: это знакомство, начавшееся на кладбищѣ, объясненіемъ на мертвомъ языкѣ, казалось мнѣ привлекательнымъ. Дня чрезъ два явился я по адресу, и нашелъ Селлія въ укромной кельѣ, окруженнаго рукописями и книгами. Онъ не былъ монахъ и, удивительно, былъ протестантъ, но по любви къ Россіи, къ Греческой Вѣрѣ, къ наукамъ, поселился въ русскомъ монастырѣ. Онъ сдѣлался моимъ учителемъ, руководителемъ, другомъ. Мнѣ легко

было вспомнить Русскій языкъ, который я было совершенно забылъ въ Италіи, но никогда не могъ я выучиться говорить на немъ, какъ на природномъ. Селлій выучилъ меня языку нѣмецкому, усовершилъ въ познаніи языковъ древнихъ, посвятилъ въ таинства науки Естества, познакомилъ съ Русскою Исторіею, и — вселилъ въ меня отвращеніе къ монашеству католическому, хотя никогда не говорилъ со мною о моей вѣрѣ, никогда не позволялъ себѣ ни малѣйшаго замѣчанія на католическіе обряды и преданія. Такъ провелъ я жизнь свою до осмнадцати лѣтъ, въ бесѣдѣ съ доброю матерью, въ строгихъ, но усладительныхъ занятіяхъ науками. Тогда постигъ меня первый ударъ судьбы: матушка скончалась.»

Алимари умолкъ на минуту, и отеръ слезу.

«Селлій зналъ положеніе моего семейства. Съ кончиною матушки прекращался пенсіонъ, который производили ей по указу царскому. Я оставался одинъ, безъ надежды, безъ помощи въ Россіи. Онъ совѣтовалъ мнѣ послѣдовать приглашенію дяди, призывавшаго меня къ себѣ. Оросивъ искренними слезами могилы моихъ родителей, обнявъ въ послѣдній разъ почтеннаго моего наставника, я уѣхалъ въ Италію. Епископъ принялъ меня съ прежнею любовію, обрадовался моимъ успѣхамъ, написалъ собственноручное благодарственное письмо къ моему наставнику, хотѣлъ послать ему и подарокъ, но я, зная моего друга, удержалъ его: Селлій отослалъ бы этотъ

подарокъ назадъ, къ огорченію дяди. Меня отправили въ Павійскій университетъ. Я страстно занялся науками. Изслѣдованіе чудесъ природы, свойствъ человѣка и судебъ его, изученіе древности, были главными предметами моихъ занятій. Тщетно старался дядя обратить вниманіе мое на духовныя науки; тщетно представлялъ мнѣ въ отдаленіи тіару и ключи святаго Петра. Я былъ послушенъ ему во всемъ, только въ этомъ остался непреклоненъ: почтительно, но безусловно объявилъ ему, что хочу остаться міряниномъ. Онъ былъ огорченъ и раздраженъ моимъ отказомъ, и, въ минуту гнѣва, объявилъ мнѣ, что за непокорность лишаетъ меня наследства. Я не горевалъ о потерѣ богатства, ибо въ тотъ самый день другая, бóльшая печаль преисполнила мое сердце: я получилъ извѣстіе о кончинѣ Селлія. Это было въ 1746 году. Тогда....»

Алимари всталъ съ своего мѣста, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и, какъ будто вновь собравшись съ силами, продолжалъ:

«Чрезъ десять лѣтъ послѣ этого, получилъ я въ Бадахосѣ извѣстіе о кончинѣ моего дяди. Угроза его ограничилась словами: я наследовалъ значительный капиталъ, отданный имъ навсегда въ венеціанскій банкъ, съ тѣмъ, чтобъ при малѣйшей опасности, которая бы угрожала Венеціанской Республикѣ, этотъ капиталъ былъ переведенъ въ Голландію или въ Англію; это сдѣлано, по его завѣщанію, года за четыре предъ симъ, когда французская армія приблизилась къ

границамъ Венеціи. — Съ того времени, вотъ уже этому слишкомъ сорокъ лѣтъ, я живу въ міръ одинъ, занимаюсь науками и искусствами, ѣзжу изъ одной страны въ другую, люблю жить въ Италіи, но иногда непреодолимою силою влекусь на Сѣверъ, посѣщаю Россію, любезную, гостепріимную, спокойную, величественную и, признаюсь вамъ, желалъ бы быть погребеннымъ подлѣ отца и матери, ибо другихъ могилъ, для меня священныхъ, нѣтъ въ міръ. Теперь я странствую по Италіи, служу переводчикомъ для Русскихъ, Французовъ и Италіянцевъ; помогаю, сколько могу, тѣмъ и другимъ. И здѣсь, любезный князь, судьба насъ опять соединила. И въ какое время! Повсюду льется кровь; повсюду борются между собою адскія страсти! Французы и Италіянцы, приверженцы новаго и стараго порядка вещей, терзаютъ другъ друга, какъ кровожадные тигры. Вы, добрые Русскіе, пришли сюда для того, чтобъ разсѣчь этотъ Гордіевъ узелъ. Намѣренія вашего Государя безкорыстны и великодушны. Вашъ предводитель понимаетъ свой долгъ, и исполняетъ во всей точности. Но они имѣютъ дѣло съ ужаснѣйшими страстями — изувѣрствомъ и мщеніемъ. Впрочемъ, каковъ бы ни былъ успѣхъ этой войны, на чьей бы сторонѣ ни остался перевѣсъ — Русскіе стяжали въ ней славу безсмертную — не одною храбростью — и благородствомъ. Мнѣ привелось быть очнымъ тому свидѣтелемъ. За нѣсколько дней предъ симъ былъ я на одномъ изъ венеціанскихъ

острововъ, отнятыхъ у Французовъ соединенными силами Россіянъ и Турокъ. Любопытное было зрѣлище — видѣть Русскихъ и вѣчныхъ враговъ ихъ, Мусульманъ, сражающихся въ однихъ рядахъ, за одно дѣло! Но любопытнѣе всего была взаимная борьба этихъ новыхъ союзниковъ. Турки не могутъ покинуть древняго своего обычая, отсѣкать головы у плѣнныхъ непріятелей, а Русскіе не могутъ вразумить ихъ, что это противно правиламъ войны. Что жъ дѣлаютъ ваши соотчичи? Они покупаютъ плѣнниковъ у Турокъ, и тѣмъ спасаютъ имъ жизнь. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ маіоръ морскихъ полковъ, Соколовъ, удержалъ саблю, поднятую турецкимъ солдатомъ надъ головою одного французскаго офицера. — «Что тебѣ дадутъ за его голову?» спросилъ онъ у него чрезъ переводчика. — «Червонецъ.» — «Вотъ тебѣ два — отпусти его.» — И не одни офицеры — солдаты спасали многихъ несчастныхъ. Да сохранитъ Богъ въ нашемъ народѣ эту кротость къ побѣжденнымъ, эту преданность Государю и отечеству — и Россія вознесется надъ всѣми царствами Европы, погрязшими нынѣ въ бѣдствіяхъ и преступленіяхъ, порожденныхъ забвеніемъ законовъ Божіихъ! Я въ Россіи родился, надѣюсь умереть въ Россіи: ея слава и благоденствіе мнѣ драгоценны.»

XXVI.

Последнія слова произнесъ Алимари съ выраженіемъ глубокаго чувства. Кемскій дружески пожалъ ему руку, но молчалъ, какъ будто дожидаясь продолженія разсказа. Алимари понялъ его. «Вижу,» сказалъ онъ, «что повѣствованіе мое не удовлетворило вашему ожиданію. Не знаю, съ чего многіе взяли, что я долженъ быть человѣкъ необыкновенный, загадочный. Не отъ того ли, что я то появляюсь, то исчезаю въ одномъ мѣстѣ, какъ Аполлоній Тианскій?» — «Признаюсь,» возразилъ ему Кемскій: «и я полагалъ, что вы не принадлежите къ нашему кругу, къ числу людей обыкновенныхъ. Думаю такъ и теперь: какая-то непонятная сила влечетъ меня къ вамъ, и я увѣренъ, что бесѣда съ вами, пріязнь ваша, не смѣю сказать, дружба, меня бы осчастливила. Притомъ ваши познанія, особенный взглядъ на міръ вещественный и духовный — все это влекло и влечетъ меня къ вамъ съ непреодолимою силою. И теперь, послѣ вашего простаго разсказа, я остаюсь въ томъ увѣреніи, что не много найду такихъ людей, какъ вы.» — «Какъ легко,» сказалъ съ улыбкою Алимари: «прослыть въ свѣтѣ человѣкомъ необыкновеннымъ! Меня видятъ лѣтъ тридцать въ одной порѣ, то есть, волосы мои уже не сѣдѣютъ съ того времени, тѣло не сохнетъ, потому что нечему ни посѣдѣть, ни высохнуть; никто не видалъ меня больнымъ; многихъ я излечилъ простыми сред-

ствами — вотъ и прославили меня неуязвимымъ, безстрадальнымъ, едва ли не бессмертнымъ. Я ни у кого не занималъ денегъ, иному и помогалъ бездѣлицею — отъ этого прослылъ милліонщикомъ, алхимикомъ. Я занимаюсь изученіемъ природы — говорятъ, что я чародѣй, духовидецъ, колдунъ.» — «И я,» возразилъ Кемскій, «принадлежу къ числу людей, которыхъ вы изумили своими мнѣніями. Ни отъ кого не слышалъ я столько любопытнаго о важныхъ и грозныхъ явленіяхъ жизни, какъ отъ васъ — а бесѣдовалъ съ вами всего только два часа. Вы изумили меня особенно тѣмъ, что проникли въ міръ духовный не только съ вѣрою, но и съ знаніемъ. И вы хотите оставаться въ рядахъ обыкновенныхъ?» — «Это было и есть,» продолжалъ Алимари: «слѣдствіе усерднаго изученія природы, слѣдствіе того, что я отбросилъ школьныя вериги, презрѣлъ насмѣшки вольнодумства и дерзости осьмнадцатаго вѣка, и изучалъ природу не въ книгахъ, а въ ея дѣйствіяхъ и въ своей душѣ. Не думайте, чтобъ я одинъ обладалъ этими знаніями и средствами къ ихъ пріобрѣтенію. Посреди грозныхъ бурь войны и революціи, зрѣетъ школа натуралистовъ — философовъ, которые начали изученіе природы съ познанія Бога, источника всего видимаго и невидимаго. Теперь они сами еще въ школѣ, еще разсматриваютъ, еще обдумываютъ предметъ своей науки, но вскорѣ, вскорѣ свѣтъ увидитъ плоды трудовъ ихъ. Начавъ изслѣдованіе при-

роды съ источника всѣхъ силъ, мы, при окончаніи сего изслѣдованія, естественно обратимся опять къ этому источнику, и такимъ образомъ соорудимъ систему, основанную на законахъ вѣчныхъ и непреложныхъ. Исчезнутъ гнусныя, богопротивныя положенія матеріалистовъ; духъ всеобщій, духъ человѣчества займетъ свое мѣсто въ природѣ, и всѣ люди вновь обратятся съ чистымъ сердцемъ къ Всевышнему Строителю міровъ, какъ поклонялись ему въ дни свѣтлаго своего младенчества — тогда поклоненіе было дѣтское, невольное; нынѣшнее будетъ вѣчное, неизмѣнное!» — При сихъ словахъ глаза Алимари блистали огнемъ необыкновеннымъ; звуки голоса его были звучнѣе, разительнѣе нежели когда-либо; слезы умиленія лились по морщинамъ лица. Кемскій былъ пораженъ его словами. — «И въ слѣдствіе этого ученія,» сказалъ онъ, чрезъ нѣсколько минутъ торжественнаго молчанія: «вы вѣрите существованію духовъ?» — «Неужели,» спросилъ Алимари: «вы, какъ философъ и христіанинъ, могли отвергать существованіе духовнаго міра? Но вы не то, вѣроятно, сказать хотѣли. Вы хотѣли спросить: вѣрю ли я духовидѣнію, появленію духовъ въ земномъ, вещественномъ мірѣ. Такъ ли? На это отвѣчаю вамъ вопросомъ: вѣрите ли вы существованію фигуръ, ясно представляемыхъ вамъ волшебнымъ фонаремъ на бѣлой стѣнѣ? Неужели это призракъ воображенія? Нѣтъ! это есть искусственное преломленіе лучей, произведенное по законамъ на-

него зрѣнія. Слепой ничего на гладкой стѣнѣ не ошупаетъ. Такъ и съ видѣніями. Ихъ нѣтъ въ существѣ, въ осязаемости, какъ нѣтъ цвѣтовъ, лучемъ свѣта производимыхъ, нѣтъ звуковъ флейты, потрясающихъ фибры нашего слуха, но эти видѣнія существуютъ въ глубинѣ души нашей, суть представленія внутреннихъ ея движеній, изображаютъ прошедшее, затаившееся въ душѣ нашей темнымъ воспоминаніемъ, иногда и будущее, по особенному, таинственному сочетанію дѣйствій духовнаго міра — какъ въ вещественномъ, на примѣръ, птицы предчувствуютъ непогоду. Душа наша, по словамъ великаго вашего Державина, есть гостя міра: заключенная въ темницѣ своей, тѣлѣ, она играетъ и дѣйствуетъ своими цѣпами, не можетъ перенестись за стѣны тѣсной и темной храмы, но въ ней есть свои силы, дремлющія въ этомъ заключеніи, и проявляющіяся во всемъ блескѣ, когда она наконецъ исторгнется на свободу.» — «Но все это однѣ догадки,» сказалъ Кемскій съ возрастающимъ любопытствомъ: «кто видѣлъ душу внѣ этой темницы? Кто видѣлъ дѣйствія невещественныхъ ея органовъ?» — «Она дремлетъ въ сей темницѣ, но иногда и просыпается,» отвѣчалъ Алимари. «Бываютъ состоянія души, въ которыхъ она дѣйствуетъ не внѣшними органами: и это случается во снѣ естественномъ и магнитическомъ. Размышляли ль вы когда либо о сновидѣніяхъ? старались ли вы постигнуть эту силу, которая бодрствуетъ въ насъ, когда спятъ

всѣ прочія силы? Старались ли вы постигнуть этотъ міръ поэзіи и чаръ, который пробуждается въ насъ, когда міръ вещественный покрывается мглою? Это сонъ естественный. Замѣьте, что мы помнимъ только тѣ еновидѣнія, которыя грѣзились намъ предъ просыпленіемъ; но если бѣ могли вспомнить и сообразить то, что видится душѣ нашей, когда она погружена въ полноту этого забвенія внѣшняго міра! А лунатисмъ? а сонъ магнитическій? а ясновидѣніе?» — При этихъ словахъ Кемскій не могъ удержаться отъ вопроса: «Какъ! И вы вѣрите существованію и силѣ магнитизма? И вы убѣждены, что магнитизмъ не есть ложь и шарлатанство?» — «Убѣжденъ,» отвѣчалъ твердымъ голосомъ Алимари: «какъ въ существованіи свѣта дневнаго.» — «А помните ли рѣшеніе Парижской Академіи Наукъ?» — «Помню и знаю лучше всякаго другаго, ибо я въ то самое время былъ въ Парижѣ и слѣдилъ за ея изысканіями. Но что значитъ рѣшеніе академіи? Академія ли открыла Коперникову систему, Нютоново ученіе о притяженіи, Кеплеровы законы небесной механики, порохъ, книгопечатаніе, зрительныя трубы, громовые отводы? Академія ли сочинила Иліаду, Энеиду, Филиппики, Короля Лира, Освобожденный Іерусалимъ, Сидя, Аталію? Я признаю и уважаю труды многихъ людей, засѣдающихъ въ академіяхъ на досугъ, но академія природы для меня выше всѣхъ. Знайте же, любезный князь, что не далеко то время, въ которое живой магнитизмъ, эта чудес-

ная сила существа нашего, открывающая намъ многія таинства души, займетъ принадлежащее ему мѣсто въ ряду познаній и опытовъ чело-вѣческаго рода, какъ сила электрическая, магнитная и другія, бывшія неизвѣстными Древнимъ. И въ какое время Академія Парижская изслѣдовала эту силу? Когда открытіе ея было еще во младенчествѣ, когда не было ни опытовъ достаточныхъ, ни свидѣтельства заслуживающихъ вѣроятія людей, въ подкрѣпленіе ученія Месмера, который, впрочемъ, напрасно облекъ свое великое открытіе ребяческимъ шарлатанствомъ. Вотъ въ чемъ состоятъ мои изслѣдованія и изученія! Я не ищу средствъ къ обнародованію ихъ, но отъ людей умныхъ и добросовѣстныхъ не скрываю того, что мнѣ узнать случилось. Пусть ученая недовѣрчивость, въ борьбѣ съ гнуснымъ шарлатанствомъ, нѣсколько времени густымъ облакомъ скрываетъ отъ взоровъ людскихъ эту выпреннюю силу: наступитъ время, и лучи истины разгонятъ мракъ страстей и предразсудковъ! И обратите вниманіе еще на одно обстоятельство: въ истекающемъ нынѣ столѣтіи, когда дерзкіе умы посягнули на все священное для челоука, когда хотѣли отнять у него и душу безсмертную, и надежду на вѣчную жизнь, превративъ его въ машину, дѣйствующую механически по волѣ одного скотскаго инстинкта; когда отринули они и существованіе Бога, утѣшителя и хранителя міра,—тогда душа челоуческая, изгнанная съ лица

земли, затаилась въ глубинѣ самой себя, и тамъ, въ сновидѣніяхъ, вновь обрѣла то, что у ней отнимали наяву — обрѣла вѣру въ свое существованіе, въ свое безсмертіе. Когда молчатъ люди, тогда краснорѣчивы камни; когда заблуждается бодрствующій, тогда истина проявляется спящему; когда не даютъ свидѣтельства живые — раздается пророческій голосъ мертвыхъ!» — Алимари умолкъ. Кемскій молчалъ также, съ умиленіемъ глядя на лице своего друга, пылавшее пламенемъ внутренняго восторга. «Желалъ бы я,» сказалъ онъ наконецъ: «увѣриться собственными глазами, собственнымъ слухомъ въ истинѣ того, что вы мнѣ говорите, и чему я, впрочемъ, уважая васъ, охотно вѣрю.» — «Для этого должно ждать случая,» отвѣчалъ Алимари. «Случай магнитическаго сна могъ бы я доставить вамъ безъ труда, ибо это зависитъ отъ воли нашей; но вѣщій сонъ естественный есть дѣло рѣдкое. Показать вамъ не могу, но могу рассказать случай, которому я былъ свидѣтелемъ, и который подтвердятъ вамъ земляки ваши, офицеры двухъ полковъ. И это было очень недавно, не въ далекомъ отсюда разстояніи.

XXVII.

«На странствіяхъ моихъ по театру войны, провелъ я вечеръ въ Веронѣ. Проходя мимо одного трактира, услышалъ я хохоть, прерываемый звономъ рюмокъ и русскими восклицаніями. «Это наши!» подумалъ я съ удовольствіемъ, и, не утерпѣвъ свидѣться съ земляками, вошелъ въ трактиръ: человѣкъ шесть артиллерійскихъ офицеровъ ужинали по-русски, то есть, съ шумомъ и смѣхомъ. Я подсѣлъ къ нимъ, и вскорѣ съ ними познакомился. — «Веселитесь, забавляйтесь, молодые люди!» сказалъ я имъ, когда одинъ изъ нихъ сталъ извиняться предомною въ излишней шумливости ихъ бесѣды: «вы моложе меня, но я далѣе васъ стою отъ опасностей и смерти. Что будетъ завтра — не знаемъ; поживемъ весело сегодня.» — «И не станемъ говорить объ опасностяхъ,» сказалъ одинъ милый блондинъ офицеръ: «онъ и незваные пожалуютъ къ намъ на встрѣчу; лучше потолкуемъ о родимой землѣ, о друзьяхъ и родныхъ, оставленныхъ нами въ Россіи.» — «А тебѣ не худо бы, Александръ, подумать и о вѣчности,» — сказалъ другой, черноглазый острякъ, съ значительною улыбкою. — «Мнѣ?» спросилъ первый: «почему жъ именно мнѣ, а не другому?» — «Потому, что — потому, что мнѣ это приснилось.» — «Вотъ прекрасно!» закричали всѣ: «ему приснилось! Двинскому приснилось! Вотъ пророкъ!» — Всѣ хохотали, и Двинскій вмѣстѣ съ прочими. —

«Въ самомъ дѣлѣ,» сказалъ онъ: «я видѣлъ эту ночь странный сонъ. Я было совершенно забылъ о немъ, но теперь, глядя на Ладина, припомнилъ всѣ обстоятельства. Выслушайте, что мнѣ пригрѣзилось. Вы помните мѣсто прогулки нашей въ Виченцѣ за городомъ? — «Какъ не помнить!» вскричалъ другой: «по прекрасной каштановой аллеѣ, къ древнему монастырю, гдѣ мы не разъ восхищались и унылымъ звономъ колоколовъ и вечернею зарею.» — «И гдѣ всѣмъ, кромѣ Ладина, бывало страшно!» сказалъ третій. — «Точно,» продолжалъ Двинскій. «Вотъ мнѣ снится, что я прогуливаюсь по этой аллеѣ, подхожу къ монастырю; вижу, отворены ворота, и въ оградѣ множество народу; вступаю въ ограду; двери церковныя отперты; во мглѣ древняго храма теплятся свѣчи. Вхожу туда: посреди церкви стоитъ на амвонѣ гробъ лиловаго цвѣту.» — «Лиловаго!» закричалъ одинъ офицеръ: — «новая мода!» — «Вокругъ гроба стоятъ незнакомые мнѣ кирасирскіе офицеры, и только одинъ нашъ, полковникъ Ельцовъ. Подхожу къ гробу, смотрю на покойника — это Ладинъ — блѣдный, ужасный. — Я испугался и проснулся. — Но это такъ ясно, такъ отчетисто представилось глазамъ моимъ, что я теперь могъ бы нарисовать все. Какъ я обрадовался, увѣрившись, что это мечта!» Всѣ молчали. Ладинъ призадумался. — «Что за вздоръ!» сказалъ одинъ офицеръ, старше прочихъ: «Этому вѣтренику пригрѣзилась какая-то дичь, и онъ всѣхъ насъ опечалилъ. Полно-те, господа! вы-

пьемъ за здравіе нашего главнокомандующаго, и пожелаемъ, чтобъ наши ядра скорѣе зажуужали въ ушахъ непріятельскихъ! Въ животъ и смерти Богъ воленъ, а пока живы мы, грустить не о чемъ, менѣе всего о томъ, что приснится сытому или голодному!»—Разговоры о другихъ предметахъ вскорѣ изгладили это минутное впечатлѣніе грусти и грозныхъ предчувствій. Ужинъ кончился весело. Я простился съ офицерами, и пошелъ въ свою квартиру. На другой день я еще спалъ, какъ барабанный бой и стукъ колесъ по мостовой возвѣстили мнѣ объ отходѣ этихъ минутныхъ, но искреннихъ моихъ пріятелей. — Чрезъ двѣ недѣли послѣ того былъ я въ Виценцъ. Въ одно утро вышелъ я за городъ, и примѣтилъ, что иду по той самой аллеѣ, о которой говорилъ Двинскій. Воспоминаніе о томъ вечерѣ и о сновидѣніи возобновилось въ душѣ моей; иду далѣе — вотъ черныя стѣны монастыря; ворота отперты; народъ толпится въ оградѣ и на паперти церкви. Вхожу въ монастырь, въ церковь — посреди ея стоитъ на возвышеніи лиловый гробъ. Вокругъ него русскіе кирасирскіе офицеры и одинъ артиллерійскій. Я приблизился къ покойнику — взглянулъ — это былъ Ладинъ. Ужасъ объялъ меня. Я удалился въ уголъ церкви, боясь видимымъ волненіемъ чувствъ моихъ нарушить священное безмолвіе. Обрядъ погребенія, по неимѣнію русскаго священника, совершали монахи католическіе. Пособравшись съ мыслями, я подошелъ къ

артиллеристу и спросилъ у него, кого хоронять и не отъ ранъ ли умеръ этотъ офицеръ. — «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ: «бѣдный мой товарищъ умеръ отъ болѣзни, отъ недостатка врачебнаго пособія. Онъ шелъ съ ротою къ арміи. Миновавъ Верону, онъ былъ отправленъ обратно съ приказаніями ко мнѣ на встрѣчу (я иду изъ Вѣны съ запасными орудіями); не довѣзжая двухъ станцій отсюда, занемогъ, Богъ знаетъ отъ чего, и умеръ чрезъ два дня. Вотъ я принужденъ хоронить его, хоронить не по обряду Православной Церкви, и даже долженъ былъ обить гробъ лиловымъ атласомъ — здѣсь, въ городѣ, не нашлось малиноваго.» — Обрядъ кончился; мы снесли гробъ юноши въ юдоль вѣчнаго покоя. Потомъ разсказалъ я полковнику Ельцову (это былъ онъ самъ) о встрѣчѣ моей съ офицерами въ Веронѣ, о вѣщемъ сновидѣніи Двинскаго. Мы оба не могли надивиться этому случаю, и согласились только въ одномъ....»

Въ это время слышался на улицѣ шумъ, и раздался голосъ Ярлыкова: «Все готово, ваше сіятельство! извольте садиться.» Друзья вышли изъ дому. Кемскій былъ въ глубокомъ размышленіи. Коляска подъѣхала къ крыльцу. «Простите, другъ мой!» вскричалъ Кемскій: «можетъ быть, навсегда!» — «Не можетъ быть!» отвѣчалъ Алимари: «мы непременно увидимся, и еще въ этомъ мірѣ. — Теперь,» продолжалъ онъ по-французски: «сдѣлайте мнѣ одолженіе — примите отъ меня на память вещь, которая, въ слу-

чаѣ нужды, можетъ послужить вамъ.» Съ сими словами вынулъ онъ изъ записной книжки своей лоскутъ бумаги, написалъ на немъ нѣсколько словъ карандашемъ, свернулъ его и подалъ Кемскому. «Возьмите! вы будете въ сраженіяхъ....»— «Не думаю,» прервалъ его Кемскій: «я ѣду съ депешами и, вѣроятно, съ тѣмъ же и ворочусь.»— «Но — можетъ статья! Кто знаетъ будущее? Берегите эту бумажку. Въ случаѣ крайней опасности прочтите слова, на ней написанныя. Это вамъ не повредитъ, а вѣроятно поможетъ. Теперь мнѣ нѣкогда толковать вамъ, что это такое; прошу только вѣрить, что я не чародѣй, а истинный другъ вашъ!» Алимари улыбнулся сквозь слезы. Кемскій прослезился также. Они обнялись въ безмолвіи. Кемскій бросился въ коляску, и она помчалась по косогору.

XXVIII.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ то время, когда Кемскій быстро летѣлъ къ мѣсту своего назначенія, вѣрная его Наташа испытала всѣ мученія, какія только могутъ столпиться надъ головою человѣка. Неожиданный, внезапный отъѣздъ мужа сразилъ ее жестоко. Она была близка къ отчаянію; будущее рисовалось въ ея воображеніи самыми ужасными

чертами: она видѣла друга своего раненаго, убитаго, взятаго въ плѣнъ; ей слышались звуки какого-то тайнаго голоса, который нашептывалъ ей въ минуту унынія и тоски: ты его не увидишь! Въ этихъ жестокихъ терзаніяхъ не разъ помышляла она о смерти, не разъ молила Бога отозвать ее отъ здѣшняго міра до совершенія грозившихъ ей ударовъ. И надежда, вѣчная утѣшительница и обманщица смертныхъ, не могла бы подкрѣпить ея, если бъ другое чувство — возвышеннѣйшее, не придавало ей силы: она ощущала уже обязанности матери.

Если съ одной стороны это неизъяснимое въ женщинѣ ощущеніе придавало ей силы переносить настоящія горести, съ другой — жестокой ударъ судьбы, поразившій ее въ то самое время, могъ показаться ей вѣстникомъ новыхъ страданій въ будущемъ. Неожиданно, скоропостижно лишилась она добраго своего родителя. Она сидѣла однажды, поутру, у письменнаго столика, повѣреннаго ея страданій и утѣшеній, и выраженіями пламенной любви покрывала листъ, готовившійся летѣть къ другу ея сердца. Вдругъ вбѣжала въ кабинетъ ея горничная и прерывающимся голосомъ объявила, что отъ Василья Григорьевича присланъ человекъ; что Наталью Васильевну просятъ немедленно пожаловать къ батюшкѣ; что онъ опасно заболѣлъ. Испуганная Наташа бросилась къ отцу. Съ нимъ приключился ударъ. Онъ лежалъ безъ языка, дышалъ съ трудомъ, и только рукою манилъ

кого-то къ себѣ. Увидѣвъ дочь свою, онъ нѣсколько пришелъ въ себя и едва внятнымъ голосомъ произнесъ: «Наташа! прости! ты — мужъ твой — сестра моя — монастырь — Наташа, прости!» Онъ простеръ къ ней руки — это было послѣднее усиліе отлетающей жизни. Чрезъ нѣсколько минутъ спокойствіе смерти водворилось на кроткомъ челѣ честнаго человѣка и добраго христіанина.

Казалось бы, что этотъ новый ударъ усугубить ея страданія, доведетъ ее до отчаянія — но, нѣтъ! Природа такъ устроила сердце человѣческое, что въ немъ есть мѣсто для всякой печали, что новая горестъ, присоединяясь къ прежней, не усугубляетъ, а какъ будто утоляетъ ее. Наташа горько рыдала надъ прахомъ добраго отца, и эти слезы о потерѣ невозвратной чудеснымъ образомъ дали ей отраду и утѣшеніе въ воспоминаніи объ отсутствовавшемъ. «Алексѣя здѣсь нѣтъ, но онъ живъ: онъ помнитъ, онъ любить меня!» говорила она, перечитывая страстные его письма.

Алевтина Михайловна принимала живѣйшее участіе въ судьбѣ Наташи, навѣщала ее ежедневно, освѣдомлялась съ нѣжностью о ея здоровьѣ, съ восторгомъ читала письма брата, и орошала ихъ слезами. «Это слезы искренняго раскаянія,» думала добрая Наташа: «ей совѣстно, что она, по извинительнымъ впрочемъ побужденіямъ материнской любви, слишкомъ неосторожно порадовалась мнимому наслѣдству. Слава Бо-

гу, что это такъ кончилось! Время исправить ее еще болѣе, и она бросить всѣ свои интриги и замыслы, когда удостовѣрится, что они излишни и вредны ей самой.»

Одинъ нечаянный случай открылъ глаза простодушной. Чрезъ нѣсколько дней по погребеніи отца, Наташа сидѣла вечеромъ у Алевтины, которая самымъ нѣжнымъ вниманіемъ старалась доказать ей свое участіе, съ чувствомъ уваженія говорила о покойномъ, и разсыпалась въ похвалахъ отсутствующему брату. Наташа слушала ее въ молчаніи. Алевтина, окончивъ заученный молебенъ, умолкла. Иванъ Егоровичъ счелъ обязанностію своею воспользоваться этою пережкою и подтвердить слова жены. «Вы не повѣрите, Княгиня Наталья Васильевна, какъ мы любимъ вашего супруга, какъ о немъ стараемся. Теперь онъ на пути къ счастію; теперь исполнились давнишнія его желанія отличиться на войнѣ. Долго ждалъ онъ этого случая! Да и трудненько было выхлопотать для него такое лестное порученіе. Сколько охотниковъ изъ самыхъ случайныхъ фамилій набивались на отправленіе въ Италію! Намъ Богъ помогъ уладить,» — Наташа измѣнилась въ лицѣ, и уронила изъ рукъ своихъ работу. Алевтина Михайловна, разговаривавшая между тѣмъ съ матерью, не слыхала начала рѣчи, но вдругъ догадалась и закашляла, поглядывая на своего мужа съ выраженіемъ изумленія и злобы. Онъ смутился и затвердилъ: да! да! да! — Испуганная Наташа спросила тре-

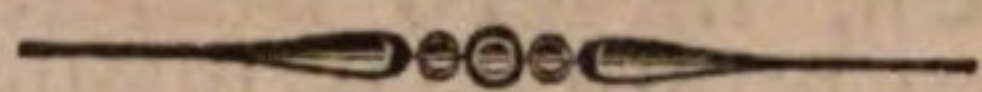
пещущимъ голосомъ: «Скажите, ради Бога, что это значитъ? Такъ это былъ не случайный нарядъ? такъ эта разлука — такъ это вы? — Несчастный! онъ погибъ, и я также!» вскричала она съ выраженіемъ отчаянія, и кинулась въ двери. Всѣ бросились къ ней. Алевтина стала клясться и божиться, что ничего не знаетъ; что не понимаетъ, съ чего Иванъ Егоровичъ взялъ это; плакала, рыдала. Прасковья Андреевна готовилась снять образъ со стѣны. Иванъ Егоровичъ, блѣдный, испуганный, говорилъ заикаясь: «Ей, ей-съ, да-съ, ничего незнаемъ-съ. — Ваше сіятельство — это я такъ — хотѣлъ пошупить, утѣшить васъ.» — «Молчите, сударь!» закричала Алевтина: «вы своимъ хвастовствомъ меня губите: выдумали о какихъ-то связяхъ моихъ съ случайными людьми! Что вы! съ ума что ли сошли? Извольте выйти вонъ, а то еще Богъ знаетъ, чего нагородите.»

Наташа поуспокоилась, но не говорила ни слова съ Алевтиною и ея матерью, приказала подать карету, и, отдавъ имъ холодный поклонъ, уѣхала домой. Тоска безотрадная ждала ее въ одиночествѣ. Она кинулась на колѣни предъ образомъ, подареннымъ ей теткою, и усердною молитвою тщила подкрѣпить себя въ борьбѣ съ отчаяніемъ.

И такъ Алевтина дѣйствительно была причиною отправленія Кемскаго? И такъ она не отказалась еще отъ своихъ коварныхъ замысловъ? Возможно ли, чтобъ умирительное счастье бра-

та и жены его не могло ее тронуть? — Къ несчастію, возможно. Невозможно было бы противное. Солнце идетъ неизмѣннымъ путемъ своимъ; луна въ урочное время перемѣняетъ свой обликъ; левъ упивается кровію; горлица умираетъ за птенцовъ своихъ: злой человѣкъ низжетъ одно злодѣяніе къ другому — и каждое препятствіе на пути къ исполненію своихъ желаній считаетъ только новою ступенью лѣстницы, ведущей къ желаемой цѣли. Таковъ законъ природы!

XXIX.

Лагерь при Нови.

Солнце катилось за Боккету, когда Кемскій, въ глубокомъ раздумьѣ, приблизился къ мѣсту своего назначенія. Дорога шла лощиною и вдругъ поднялась на крутой холмъ. Съ высоты этого холма открылась пространныя равнина, живописная, величественная, прелестная. Бѣлые шатры рисовались вдали на темнозеленомъ коврѣ, по сторонамъ свѣтлой рѣчки, сребрившейся изгибами въ крутыхъ берегахъ. Необычайная тишина господствовала въ этомъ временномъ жилищѣ многихъ тысячъ. Изрѣдка приносились къ страннику отголоски русскихъ заунывныхъ пѣсень, какъ звуки арфы Эоловой, и приводили въ движеніе всѣ жилки его сердца. Слезы вы-

ступили на глазахъ Кемскаго — слезы сладкаго унынія, неизъяснимой тоски, небеснаго утѣшенія. Русскій читатель! бывалъ ли ты на чужбинѣ, среди людей, тебѣ незнакомымъ, тебя непонимающихъ? И тамъ случалось ли, что прелетный вѣтерокъ приносилъ, какъ бы невзначай, къ слуху твоему звукъ родной стороны? Ты поймешь слезы моего героя.

Ночь уже наступила, когда Кемскій прибылъ къ главной квартирѣ. Адъютанты главнокомандующаго, объявивъ ему, что графъ легъ спать, и что должно представиться ему утромъ въ пять часовъ, повели новопріѣзжаго въ свои палатки. Долго ли знакомиться землякамъ, молодымъ, военнымъ? Чрезъ полчаса князь сидѣлъ въ кругу искреннихъ пріятелей, рассказывалъ имъ о Петербургѣ, о вѣстяхъ московскихъ; слушалъ о новыхъ подвигахъ нашихъ храбрыхъ воиновъ, и не видалъ, какъ летѣло время. Когда новые знакомцы готовились разойтись, вошелъ въ комнату молодой солдатъ, вѣстовой, и подалъ пакетъ хозяину. «Отъ дивизіоннаго генерала къ вашему благородію!» примолвилъ онъ тономъ учтивымъ, но вовсе не солдатскимъ. Кемскій, пораженный звукомъ его голоса, подошелъ, чтобы всмотрѣться въ него, и узналъ въ молодомъ солдатѣ своего добраго, вѣрнаго слугу! — «Миша!» вскричалъ онъ съ изумленіемъ. Солдатъ взглянулъ на него, залился слезами, и бросаясь въ ноги, закричалъ: «Ахъ, ваше сіятельство! васъ ли я вижу!» — Князь поднялъ его и заключилъ

въ свои объятія. — Когда прошли первыя минуты радостнаго забвенія, Кемскій объявилъ удивленнымъ этою странною сценою офицерамъ, что этотъ солдатъ — сынъ его кормилицы, другъ и товарищъ его дѣтства. — «Какимъ же ты образомъ попалъ въ солдаты?» спросилъ Кемскій съ недоумѣніемъ и состраданіемъ. — «По вашему господскому приказанію,» отвѣчалъ Миша печально. — Кемскій поблѣднѣлъ. «Помилуй! какъ ты можешь это думать? что это тебѣ на умъ взбрело? чтобъ я, я отдалъ тебя въ солдаты?» — «Точно такъ, ваше сіятельство! Вы изволили меня послать съ винокуромъ на свиданье съ матушкою; но, не доѣзжая до села, въ первой изъ деревень вашихъ, сотскій остановилъ насъ; винокура отправилъ далѣе, а меня заковалъ и послалъ съ другими рекрутами въ уѣздный городъ. Я бился, плакалъ, спрашивалъ, молилъ растолковать, что это значитъ. Мнѣ отвѣчали, что уже до пріѣзда моего получено ваше приказаніе, немедленно по пріѣздѣ въ вотчину, забрить мнѣ лобъ, за дерзкіе поступки съ вами, за обманы, за — не могу выговорить, ваше сіятельство, — за воровство. Приказъ исполнили въ точности. Оправданія мои были напрасны. Я ссылался на ваши милости, на ваши ласки. «Видно братъ, порядкомъ накудесилъ,» отвѣчалъ мнѣ сотскій, — «когда такой добрый баринъ, какъ Князь Алексѣй Ѳеодоровичъ, отдаетъ тебя въ солдаты. По дѣламъ вору и мука.» — «Да гдѣ же былъ мой приказъ?» спросилъ князь:

«показали ль тебѣ его?» — «Показывали, ваше сіятельство! Приказъ былъ отъ имени вашего и сестрицы вашей, Алевтины Михайловны, и подписанъ Яковомъ Лукичемъ.» — «Злодѣи!» прошепталъ огорченный князь. — «Меня отправили съ партіею къ границѣ, на Волынь.» — «И ты не писалъ ко мнѣ?» спросилъ Кемскій съ укоризненнымъ взглядомъ. — «Не посмѣлъ, ваше сіятельство!» — «И ты думалъ, что я могъ быть виною твоего несчастія?» — «Несчастіе было для меня одно, ваше сіятельство, что я разлученъ съ вами, да не видался съ старухою матерью, а она, впрочемъ, слава Богу, здорова и больна не бывала — это выдумали. Въ службѣ же царской быть, что за несчастіе? Только неразумный мужикъ можетъ называть это бѣдою, да развѣ еще семьянину больно разставаться съ родными. А мнѣ что? радъ служить Царю, какъ служилъ вашему сіятельству. Только вы...» Слезы прервали слова его. Князь увѣрилъ Мишу, что никогда не думалъ отчуждать его отъ себя, и убѣдилъ его, что все это сдѣлано коварнымъ управителемъ — ему совѣстно было обвинять не Тряпицына. Миша ожилъ душею, видя, что добрый его баринъ на него не гнѣвенъ, и просилъ князя взять его къ себѣ на вѣсти, на все время войны. «Это очень легко сдѣлать!» сказалъ одинъ изъ адъютантовъ: «стоитъ написать къ полковому командиру.»

Кемскій отправился въ отведенную ему палатку, волнуемый попеременно то радостными,

то грустными чувствами. Душа Алевтины открылась предъ нимъ во всей чернотѣ своей. «И Наташа въ ея рукахъ?» подумалъ онъ съ трепетомъ.

Въ пять часовъ утра явился онъ у палатки главнокомандующаго. Тамъ былъ уже полдень, по шуму и движенію. Вчерашніе друзья окружили его съ нѣжнымъ участіемъ. Вечерняя сцена съ Мишею привела всѣхъ въ умиленіе: молодые люди плѣнились кротостью, нѣжностью души Кемскаго. Они были еще въ тѣхъ лѣтахъ, когда подвиги благородства, великодушія, самоотверженія восхищаютъ насъ; когда не закралось еще въ душу, незакаленную жестокимъ опытомъ, исключительное уваженіе въ холодности, благоразумію и эгоизму. Тутъ же случился и Мишинъ полковникъ: онъ охотно согласился прикомандировать Силантьева (такъ окрестили Мишу въ полку) къ поручику Князю Кемскому на время пребыванія его въ главной квартирѣ.

«Пожалуйте къ графу!» сказалъ Кемскому офицеръ, вышедшій изъ палатки. Кемскій съ невольнымъ трепетомъ вступилъ въ палатку. Въ ней расхаживалъ съдой, низенькій, сухощавый старичекъ — въ солдатской курткѣ. — Увидѣвъ Кемскаго, онъ подошелъ къ нему, взялъ изъ рукъ его бумаги; не говоря ни слова, распечаталъ и началъ пробѣгать глазами. Кемскій боялся, что графъ, по обыкновенію, станетъ шутить съ нимъ, говорить вздоръ, спрашивать о пу-

стякахъ. Ни чуть. Просмотрѣвъ бумаги, графъ кликнулъ камердинера своего, Прошку, и, велѣвъ ему позвать *сухощаваго бригадира*, обратилъ проницательные глаза свои на Кемскаго, и сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ о Петербургѣ, о Вѣнѣ и вообще о дѣлахъ того времени. Кемскій, имѣвшій время собраться съ духомъ, отвѣчалъ твердо, рѣшительно. Это понравилось графу. Онъ сталъ спрашивать молодого человѣка о его родственникахъ, хотѣлъ знать, не служилъ ли кто нибудь изъ его родныхъ въ арміи. — «Зять мой, генераль-поручикъ Элимовъ, имѣлъ счастіе служить подъ вашимъ начальствомъ въ Польшѣ, и положилъ тамъ голову.» — «Знаю, помню!» поспѣшно отвѣчалъ Суворовъ: «онъ былъ храбрый человѣкъ, рассуждалъ не много, говорилъ не красно, а гдѣ надобно было постоять за матушку Государыню, тамъ другаго не спрашивай, царство ему небесное!» — Въ это время вошелъ въ палатку высокій, худощавый человѣкъ, въ гражданскомъ мундирѣ. «Возьми, мой дипломатъ, эти бумаги, поразбери ихъ, а потомъ мы прочитаемъ ихъ вмѣстѣ. — Вотъ родственникъ нашего храбраго Элимова. Поди, любезный, отдохни съ дороги! Богъ съ тобою!» Съ сими словами онъ перекрестилъ Кемскаго, и поцѣловалъ его. — Кемскій вышелъ изъ палатки съ радостнымъ сердцемъ: ему удалось видѣть русскаго героя, на котораго обращены были взоры всего міра, видѣть его съ глазу на глазъ, наединѣ, когда онъ не прикры-

вался плащемъ Діогеновскимъ. Весь тотъ день прошелъ для Кемскаго, какъ быстрое сновидѣніе: жизнь, движеніе, шумъ военнаго стана занимали его каждую минуту. Онъ ходилъ изъ полка въ полкъ, отыскивалъ и находилъ корпусныхъ товарищей, и въ бесѣдѣ съ ними улаживалъ душу.

Вечеромъ стоялъ онъ, въ кругу офицеровъ, неподалеку отъ палатки фельдмаршала. Когда забили зорю, графъ вышелъ, въ сопровожденіи русскихъ, австрійскихъ и плѣнныхъ французскихъ генераловъ. Завидѣвъ Кемскаго, онъ подошелъ къ нему скорыми шагами и спросилъ насмѣшливо: «Сколько у васъ въ Петербургѣ тетушекъ, храбрый князь?» — «Ни одной,» отвѣчалъ князь, принимая это за шутку. — «Быть не можетъ,» вскричалъ фельдмаршалъ: «у васъ ихъ тма тмушая! А если нѣтъ тетушекъ, такъ есть бабушки, двоюродныя сестрицы, братцы камергеры. Хорошо тому жить, кому бабушка ворожить! Далеко ли ему до генеральства!» — Кемскій смутился. «А вотъ былъ адъютантъ у вашего зятя, не помню, какъ звали его — нихт-бештимтзагеръ, унтеркунфтщикъ — тотъ и безъ бабушекъ успѣлъ улизнуть изъ арміи. Храбрый офицеръ, миролюбивый офицеръ!» Съ симъ словомъ онъ отвернулся, заговорилъ съ однимъ изъ генераловъ, и пошелъ далѣе. Кемскій былъ въ неопisanномъ волненіи: такое привѣтствіе, совершенно противное утреннему пріему, изумило и испугало его. Въ это время подошелъ къ

нему секретарь, котораго онъ видѣлъ поутру въ палаткѣ. Замѣтивъ замѣшательство Кемскаго и зная тому причину, онъ сказалъ ему съ участіемъ: «Мнѣ жаль, что вы ошиблись, князь! На что вамъ было такое множество рекоменда- тельныхъ писемъ? Чрезъ часъ послѣ вашей явки, графъ получилъ ординарную почту, и удивился множеству вашихъ заступниковъ. Неужели его еще не знаютъ? Онъ врагъ всякой протекціи, и на зло дѣлаетъ противное тому, о чемъ его про- сятъ. Теперь вообразилъ онъ, что ваши покро- вители желаютъ поберечь васъ; надѣются, что графъ при первомъ случаѣ отправитъ васъ об- ратно въ Петербургъ съ реляціею о побѣдѣ.» — «Могу васъ увѣрить честью,» отвѣчалъ Кемскій съ досадою: «что я вовсе не зналъ объ этихъ рекомендаціяхъ, и не понимаю, какъ это могло случиться. Меня послали въ армію безъ моего вѣдома и почти противъ желанія. Когда я не успѣлъ даже проститься съ женою....» Голосъ его задрожалъ. — «Вѣрю, охотно вѣрю вамъ,» съ чувствомъ отвѣчалъ ему секретарь, убѣжден- ный тономъ истины. «Но письма эти въ моихъ рукахъ, и такъ какъ въ нихъ нѣтъ секретовъ, то вы сами можете удостовѣриться. Между тѣмъ, это дѣло надо поправить. Я попрошу Князя Пе- тра Ивановича Багратіона, чтобъ онъ употребилъ васъ въ первомъ дѣлѣ, и тогда фельдмаршалъ увидитъ, дорожите ли вы рекомендаціями.» — Въ это время скомандовали на молитву. Князь, снимая шляпу, пожалъ руку доброму своему хо-

датаю. — Послѣ зари пошли они въ палатку секретаря, и тамъ Кемскій увидѣлъ дѣйстви- тельно, что въ пяти или шести письмахъ зна- комые и родственники Суворова рекомендовали ему назначеннаго къ посылкѣ въ Италію, гвар- діи офицера Князя Кемскаго. Иные просили его поберечь молодаго человѣка, слабаго здоровьемъ, послѣднюю отрасль знаменитой фамиліи, един- ственную отраду сестры и племянниковъ. Кем- скій остолбенѣлъ: въ числѣ просителей видѣлъ онъ нѣкоторыхъ знакомцевъ Алевтины, другихъ не зналъ вовсе. «Несносная страсть вмѣшивать- ся въ чужія дѣла!» вскричалъ онъ: «навязывать свои услуги тому, кто ихъ не проситъ и не хо- четъ! Ради Бога, помогите мнѣ изгладить это непріятное впечатлѣніе въ умъ графа! Я жиз- нію пожертвую, чтобы этотъ великій человѣкъ не имѣлъ обо мнѣ ложнаго понятія.» Секретарь успокоилъ его честнымъ словомъ. Онъ пошелъ, въ раздумьѣ, въ свою палатку, гдѣ ожидалъ его добрый Силантьевъ. Князь разсказалъ ему слу- чившееся, и объявилъ, что непременно хочетъ кровью смыть съ себя это постыдное пятно. — «Повѣрьте мнѣ, ваше сіятельство,» сказалъ ему Силантьевъ: «не любовь и не усердіе къ вамъ заставили Алевтину Михайловну искать вамъ по- кровителей. Это...» — «Молчи, Миша!» вскри- чалъ Кемскій съ жаромъ: «не договаривай того, о чемъ я самъ страшусь подумать! О люди! люди!»

XXX.

Это происходило въ послѣдніе дни Іюля. Суворовъ, поразивъ на Треббїи Макдональда, готовился, какъ разъяренный (тенетами гофкригсрата) левъ, броситься на Жубера, который, въ обаяніи славы, любви и надежды юныхъ лѣтъ, спустился съ Пеннинскихъ Альповъ на сѣвернаго Аннибала. Обѣ арміи кипѣли нетерпѣніемъ. Сначала полагали, что Французы произведутъ первое нападеніе, но мнѣніе благоразумнаго Моро одержало верхъ въ военномъ совѣтѣ: рѣшено было занять неприступную позицію на скатѣ горъ, и ждать подкрѣпленій. Суворовъ взглянулъ орлинымъ окомъ на положеніе враговъ, и рѣшился двинуться на нихъ грудью. Начальникъ авангарда, Князь Багратіонъ, на другой день получилъ приказаніе, лишь только услышитъ пальбу австрійскаго генерала Барона Края на правомъ флангѣ, открыть непріятеля на лѣвомъ, и завязать съ нимъ дѣло. До отбытія своего, онъ пригласилъ къ себѣ Кемскаго, и объявилъ ему, что, узнавъ о случившейся съ нимъ непріятности, беретъ его съ собою за адъютанта. — «Позвольте мнѣ вступить во фронтъ, ваше сіятельство,» возразилъ Кемскій: «позвольте сражаться въ рядахъ храбраго вашего авангарда. Не довольно *быть* въ дѣлѣ: непременно хочу и *дѣйствовать*.» — «Извольте,» сказалъ генералъ съ привѣтливою улыбкою: «ваше желаніе будетъ исполнено.» — Чрезъ часъ объявили Кемскому,

что онъ прикомандированъ къ егерскому Князя Багратіона полку, и имѣетъ немедленно явиться къ своей должности. Онъ не мѣшкалъ въ главной квартирѣ, посѣтилъ только добраго секретаря графскаго, и отправился впередъ съ своимъ Силантьевымъ, кипя ревностью загладить вчерашній позоръ. Ему казалось, что всѣ офицеры, всѣ солдаты знаютъ, какое дурное мнѣніе имѣетъ о немъ Суворовъ; казалось, что надъ нимъ издѣваются, указываютъ на него пальцами.

Авангардъ выстроился впереди деревни. Генералъ, въ раздумьѣ, разъѣзжалъ предъ фронтомъ. Кемскій явился къ нему, и получилъ приказаніе стать въ шефской ротѣ. Всѣ хранили глубокое молчаніе. Вотъ летитъ казакъ къ генералу, съ донесеніемъ, что на передовыхъ пикетахъ слышна пальба. Чрезъ нѣсколько минутъ пушечные выстрѣлы справа сдѣлались явственными. Потомъ сталъ перекатываться и батальный огонь изъ ружей. «Теперь пора,» сказалъ генералъ: «охотники впередъ!» Надлежало послать отрядъ для открытія непріятеля. Надобно было тридцати человѣкъ, а охотниковъ высыпало десятиро болѣе. Въ минуту кинули жеребій, и счастливыцы съ радостною улыбкою выступили впередъ. Кемскій обратился къ баталіонному командиру съ убѣдительною просьбою поручить ему эту команду. — «Невозможно:» отвѣчалъ тотъ. «Штабсъ-капитанъ Леоновъ, ваша очередь!» сказалъ онъ, оборотясь къ фронту. Вышелъ молодой человѣкъ. Кемскій узналъ въ немъ кор-

пуснаго товарища. «Леоновъ!» вскричалъ онъ: «уступи мнѣ свое мѣсто!» — «Такъ это ты, Кемскій!» воскликнулъ съ радостнымъ изумленіемъ Леоновъ: «такъ ты тотъ гвардейскій офицеръ, о которомъ я сегодня слышалъ? Сердце мое говорило, что этотъ упрямый храбрецъ долженъ быть нашъ кадетъ. Радуюсь, что вижу тебя, но мѣста своего не уступлю ни за что въ міръ. Я двѣ недѣли ждалъ очереди. Прости!» Онъ сталъ впереди отряда, отдалъ честь генералу, и скомандовалъ: «маршъ, маршъ!» — Чрезъ нѣсколько минутъ храбрая дружина исчезла за кустами. Авангардъ медленно двигался впередъ. — Не прошло получаса, какъ впереди послышались ружейные выстрѣлы. Авангардъ прибавилъ шагу: предъ нимъ открылась лощина, въ которой передовой отрядъ наткнулся на непріятеля. Французы скакали назадъ, въ лѣсъ; наши отступали въ свою сторону. Изъ тридцати осталось человѣкъ двѣнадцать. Впереди вели троихъ пленныхъ, и несли убитаго — это былъ Леоновъ. Старшій унтеръ-офицеръ донесъ генералу, что по вступленіи въ эту лощину, высыпала на нихъ французская кавалерія. Наши стали было отстрѣливаться и отступать, но когда пали нѣсколько человѣкъ, ярость заглушила голосъ благоразумія. Защита превратилась въ атаку. Одинъ французскій генералъ, одинъ полковникъ и еще человѣкъ двадцать пали отъ русскихъ штыковъ. Но роковая пуля сразила Леонова, и весь отрядъ увидѣлъ себя обреченнымъ на неизбѣжную смерть,

когда звукъ Русскихъ барабановъ въ подступающемъ авангардѣ заставилъ Французовъ отступить. Невольный трепетъ пробѣжалъ по всему тѣлу Кемскаго, когда онъ взглянулъ на блѣдное, недавно цвѣтшее здоровьемъ и юностью лице Леонова. Мысль о Наташѣ мелькнула въ душѣ его, но вскорѣ громъ боя, чувство мщенія, голосъ чести заглушили легкій шопотъ любви.

Авангардъ двинулся впередъ. Вскорѣ открылись предъ нимъ ряды непріятельскіе, и завязалось жестокое дѣло. Кемскій посланъ былъ съ застрѣльщиками. Одушевленный какою-то высшею силою, онъ подавалъ своимъ товарищамъ и подчиненнымъ примѣръ блистательнѣйшей храбрости. Его линія непрерывно подвигалась впередъ. Французская отступала, сражаясь неустрашимо. Вдругъ почувствовалъ онъ, что его чѣмъ-то ударило въ лѣвую руку выше локтя. Онъ оборотился въ ту сторону, и увидѣлъ подлѣ себя Мишу. «Ваше сіятельство! вы ранены!» закричалъ Миша. — «Нѣтъ, братецъ! тебѣ такъ кажется!» — «Ей Богу, ранены, ваше сіятельство! Посмотрите на лѣвую вашу руку.» — Кемскій взглянулъ, увидѣлъ, что весь рукавъ его покрытъ кровію, и въ ту минуту почувствовалъ боль. — «Нужды нѣтъ!» сказалъ онъ хладнокровно: «это рана не важная; не для чего оставлять сраженіе.» — «Правда,» сказалъ ему командиръ его въ цѣпи, старый армейскій капитанъ, восхищавшійся во все время мужествомъ молодаго воина: «она, можетъ быть, не

опасна; но я вижу, вы потеряете много крови и ослабнете. Велите себя перевязать, и потом можете воротиться.» — «Ей такъ, ваше сіятельство!» примолвилъ Миша умоляющимъ голосомъ. Кемскій согласился, и, въ сопровожденіи вѣрнаго слуги своего, отправился къ отряду. — «Поздравляю закричалъ ему генералъ: «вотъ вамъ и обнова! Теперь, кажется, довольно?» — «Нѣтъ, генералъ!» отвѣчалъ ему Кемскій: «только въ позорномъ поединкѣ достаточно первой крови, а здѣсь присягали мы драться до послѣдней капли. Велите перевязать меня, а потомъ отпустите опять въ цѣпь.» Явился лекарь, осмотрѣлъ рану, объявилъ ее неопасною, и началъ перевязывать. Вдругъ раздались громкія, единогласныя восклицанія во фронтъ, и заглушили на минуту звуки ружейной пальбы. «Это что значитъ?» спросилъ Кемскій у лекаря. — «Ничего,» отвѣчалъ лекарь, разматывая бинты: «это, видно, старикъ фельдмаршалъ ѣдетъ.» И въ самомъ дѣлѣ появился Суворовъ верхомъ, въ каскѣ австрійскаго гренадера, безъ мундира, съ голубою лентою по рубашкѣ. — «Славно, помилуй Богъ, славно!» кричалъ онъ войску: «впередъ, чудобогатыри! Что жалѣть супостатовъ: перекрестясь, да и въ штыки!» Новые усердные клики были ему отвѣтомъ. Генералъ подѣхалъ къ фельдмаршалу, и сталъ докладывать объ успѣхахъ дня. Суворовъ слушалъ его со вниманіемъ, потомъ съ улыбкою удовольствія обратился въ ту сторону, гдѣ, въ интервалъ взводовъ, пере-

вязывали Кемскаго. Проницательный взгляд сѣдаго героя осчастливилъ, воскресилъ юнаго воина: онъ видѣлъ, что прежнее непріятное впечатлѣніе уже изглажено. Фельдмаршалъ поскакалъ по линіи далѣе. Кемскій возвратился на свое мѣсто.

Бой крѣпчалъ. Ужасная канонада, повторяемая эхомъ сосѣднихъ горъ, превратилась въ непрерывный гулъ, пересѣкаемый ружейными выстрѣлами. Земля, въ точномъ смыслѣ, стонала подъ ногами сражающихся. Непріятель усиливался. Генераль хотѣлъ послать за подкрѣпленіемъ, но не успѣлъ. Изъ-за кустарниковъ показалась сильная колонна Французовъ: скомаандовали: впередъ, въ штыки! Русскіе бросились, разсѣкали густой строй непріятелей и довершали ихъ пораженіе; но вдругъ наскочили на нихъ два французскіе эскадрона, отрѣзали сражавшихся спереди, и за конницею появилась сильная пѣхота. Русскіе видѣли себя на краю гибели. Тутъ подоспѣла къ нимъ помощь. Корпусъ Дерфельдена показался на высотахъ, и передовой отрядъ, подъ начальствомъ храбраго Милорадовича, вскорѣ примкнулъ къ ослабѣвшимъ баталіонамъ Багратіона. Непріятель открылъ огонь изъ двадцати орудій, но всѣ его усилія были тщетны. Натискъ свѣжихъ войскъ рѣшилъ дѣло. Французы колебались, начали отступать, и потомъ обратились въ совершенное бѣгство. Ночь прекратила убійство, и прикрыла бѣгущихъ крыломъ своимъ. Наши остановились, утомлен-

ные дневнымъ жаромъ, усиленіемъ боя, жаждою мести, избыткомъ славы. Взводы порѣдѣли. Стали считать уцѣлѣвшихъ. Съ горестнымъ чувствомъ увидѣли, что Кемскаго не было въ числѣ ихъ. Въ одинъ день успѣлъ онъ пріобрѣсть общее уваженіе, общую довѣренность. Покрытые пылію, не слишкомъ видные и опрятные армейцы въ началѣ съ недовѣрчивостью и досадою смотрѣли на молодаго гвардейца, отличавшагося осанкою, свѣтскимъ обращеніемъ, щегольскимъ мундиромъ; полагали, что его выслали въ армію за какую нибудь шалость; но когда онъ вышелъ впередъ и выдержалъ жестокой огонь въ передовой цѣпи, когда объявилъ, что не хочетъ воспользоваться предлогомъ раны, и воротился въ сраженіе — искреннее почтеніе и усердная любовь замѣнили прежнія чувства въ груди честныхъ воиновъ. Товарищи положили непременно, отыскать его тѣло, и отдать ему особо послѣднюю воинскую почесть, но никакъ не могли доискаться. Послѣ многихъ распросовъ, нашли одного раненаго егеря, который былъ въ отрядѣ князя. Егерь объявилъ, что офицеръ былъ впереди со стрѣлками, когда появилась непріятельская конница; что онъ хотѣлъ было отступить и примкнуть къ своимъ, но не успѣлъ: его отрѣзали. Французскіе драгуны окружили горсть храбрыхъ егерей, и съ дикимъ воплемъ изрубили всѣхъ. Этотъ егерь видѣлъ, какъ палъ Князь Кемскій; самъ же онъ, бывъ раненъ прежде, притаился въ кустарникъ, и, не

вѣдая какъ, одинъ изъ всего отряда очутился посреди своихъ.

Искренній вздохъ братскаго сожалѣнія и краткая солдатская молитва къ Богу за упокой души храбраго товарища — были панихидою по Кемскомъ.

XXXI.

Кемскій не погибъ. Атакъ непріятельской конницы изумила, но не испугала его. Видя себя отрѣзаннымъ отъ своихъ, онъ выстроилъ всю свою команду въ карре, и началъ отстрѣливаться. Французы нападали на него съ звѣрскимъ ожесточеніемъ. «Нѣтъ пощады! нѣтъ вамъ помилованія!» кричали они. «Австрійцы убили Жубера, а вы — нашего Гаро! вы! вы! мы узнаемъ ваши мундиры! Смерть! смерть вамъ!» — Наши, въ безмолвіи отчаянія, не понимая кликовъ непріятельскихъ, сражались и умирали. Силантьевъ палъ изъ первыхъ, придерживавшись рукою за полу своего господина. Кемскій видя, что нѣтъ спасенія, рѣшился умереть. Онъ чувствовалъ, что раненъ нѣсколько разъ; уже близко блистали вражескія сабли; уже падали послѣдніе изъ храбрыхъ егерей. Вдругъ пуля ударила ему въ грудь, и придавила медаліонъ съ портретомъ Наташи въ его записной книжкѣ. Мысль о женѣ возвратила ему чувство и любовь къ жизни. Онъ схватился за книжку,

вынулъ ее изъ-за пазухи, чтобъ еще разъ взглянуть на милыя черты, развернулъ ее; изъ нее выпала бумажка, и онъ увидѣлъ слова, начертанныя другомъ Алимари при послѣднемъ прощаніи. Не зная самъ, что дѣлаетъ, онъ громко произнесъ эти слова — не помнилъ, какія именно, но они были французскія. Въ то же мгновеніе почувствовалъ онъ ударъ сабли въ плечъ, и вдругъ въ ряду непріятельскомъ раздался голосъ: «Остановитесь! не рубите его! Именемъ республики, онъ мой плѣнникъ!» — Сабли опустились, выстрѣлы умолкли, драгуны раступились. Французскій полковникъ приблизился къ Кемскому, взялъ его за руку и повелъ съ собою, прежде нежели онъ могъ опомниться. — «Берите плѣнника,» бормотали драгуны: «но деньги и вещи его принадлежатъ намъ.» — «Молчать!» воскликнулъ полковникъ грозно: «и онъ и его вещи принадлежатъ мнѣ.» — «Они правы,» возразилъ Кемскій: «я отдамъ все, что у меня есть!» — «Нѣтъ, братъ мой!» отвѣчалъ ему полковникъ дружескимъ тономъ: «вы изранены, вы въ плѣну.» — «Въ плѣну!» съ горестью повторилъ Кемскій. — «Что дѣлать? такова участь войны!» возразилъ полковникъ. «Вамъ теперь деньги нужны, но если бъ ихъ не стало, располагайте моими.» — «Великодушный человѣкъ!» сказалъ ему тронутый Кемскій: «не деньги мнѣ нужны, но если уже вы хотите довершить доброе дѣло....» «Говорите! говорите!» воскликнулъ полковникъ: «минуты дороги. Я долженъ воро-

титься на свое мѣсто.» — «Въ моемъ отрядѣ былъ одинъ человѣкъ, дорогой моему сердцу. Онъ палъ, но, можетъ быть, онъ живъ. Умоляю васъ, отыщите его на мѣстѣ сраженія.» — «Охотно; но какъ его узнать? Онъ конечно офицеръ?» — «Нѣтъ,» отвѣчалъ Кемскій: «онъ простой солдатъ; скажу болѣе: онъ былъ у меня тѣмъ — что вы называете невольникомъ; но онъ выросъ со мною, онъ мнѣ другъ! Узнать же вы его легко можете. Всѣ мои егери были въ мундирахъ съ зелеными воротниками; онъ одинъ съ краснымъ.» — «Извольте!» отвѣчалъ полковникъ. «Непремѣнно его отыщемъ.»

Въ первомъ жару Кемскій не чувствовалъ ранъ своихъ; но вскорѣ природа взяла свое. Едва пришли они къ первой французской перевязкѣ, онъ почувствовалъ ослабленіе силъ. Въ глазахъ его затуманилось. Онъ помнилъ только, что полковникъ сдалъ его на руки военному лекарю, старичку пріятной наружности; его ввели въ полуразрушенную хижину, положили на скамью — и все предъ нимъ исчезло.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ очнулся. Вокругъ него было темно. Кто-то охалъ подлѣ его скамьи, на полу. «Кто тутъ?» спросилъ онъ по-французски. Отвѣта не было. Онъ повторилъ этотъ вопросъ по-русски. — «Я, сударь!» отвѣчалъ слабый голосъ. — «Да кто ты?» — «Силантьевъ, рядовой мушкетерскаго Барановскаго полку. Левую руку отняли, ваше благородіе!» — «Миша!» закричалъ въ радости Кемскій. — «Ваше сіятель-

ство! это вы!» воскликнулъ Силантьевъ. «Слава Богу, что онъ привелъ меня къ вамъ. Встать не могу.» — «Да какъ ты здѣсь очутился?» — «Самъ не знаю, ваше сіятельство! Когда меня ранили, я упалъ подлѣ васъ и вскорѣ обезпамятѣлъ. Вдругъ слышу шарять вокругъ меня. Открываю глаза, и вижу Французовъ. Ну, думалъ я, послѣдній часъ мой наступилъ, и уже хотѣлъ сотворить молитву. — Они, увидѣвъ меня, будто обрадовались, подняли на ноги, посадили на лошадь и привезли сюда. Здѣсь, на дворѣ, лекаръ посмотрѣлъ на мою руку, сорвалъ съ меня мундиръ, засучилъ себѣ рукава, да и давай рѣзать; я было не давался, да двое драгунъ меня держали. Онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отпилилъ мнѣ руку, перевязалъ и положилъ меня на траву. Къ ночи меня внесли сюда. Ахъ, больно, ваше сіятельство! Одна отрада, что я съ вами.»

Послышался шумъ у дверей; показались огни; двери растворились, и въ избу внесли двухъ раненыхъ французскихъ офицеровъ. «Посторонитесь!» вскричалъ провожавшій ихъ унтеръ-офицеръ!» — Кемскій хотѣлъ привстать, но не могъ. — «Долой съ кровати, проклятый казакъ!» закричалъ унтеръ-офицеръ еще громче, и готовился стащить раненаго. Въ это время вбѣжалъ въ комнату лекаръ. «Что ты дѣлаешь, гражданинъ!» закричалъ онъ унтеръ-офицеру: «эти плѣнные находятся подъ покровительствомъ законовъ!» — «Вздоръ!» отвѣчалъ тотъ: «это непріатели; безоружныхъ не обижу, но и не уступлю

имъ мѣста, которое принадлежитъ Французамъ. Долой!» — «Удержись, гражданинъ!» воскликнулъ лекарь: «знаешь ли, кто отдалъ ихъ мнѣ на руки?» — «А кто? хоть бы всѣ пять директоровъ, чтобъ ихъ чортъ побралъ!» — «Нѣтъ! полковникъ Уде!» — «Полковникъ Уде?» повторилъ, понизивъ голосъ, унтеръ-офицеръ. «Что жъ ты мнѣ не сказалъ этого ранѣе, гражданинъ лекарь? Не што! Только полковникъ конечно не захочетъ, чтобъ и наши раненые валялись, какъ собаки. Позволь положить ихъ здѣсь въ комнату, хоть на полу.»

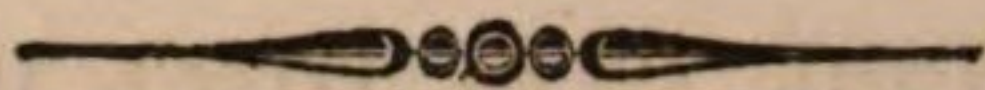
Въ это время раздались издали ружейные выстрѣлы, и озарили блескомъ своимъ темноту ночи; слышались крики на улицѣ: «Непріатели! Русскіе! казаки! спасайся, кто можетъ!» — «Вотъ-те чортъ!» закричалъ унтеръ-офицеръ: «ну, ребята! скорѣй поднимайте раненыхъ; поплетемся какъ нибудь, чтобъ они не достались непріателю.» Съ этими словами подняли безмолвныхъ страдальцевъ, и поспѣшно вынесли ихъ изъ комнаты. — «И намъ надобно убираться!» торопливо сказалъ лекарь: «вставайте, господинъ офицеръ!» — «Оставьте меня,» сказалъ Кемскій: «и спасайтесь одни: я не боюсь вашихъ непріателей; напротивъ, радъ ихъ видѣть.» — «Помилуйте!» воскликнулъ лекарь жалобно: «неужели вы хотите меня погубить? Когда я дамъ вамъ уйти, меня разстрѣляютъ. Вы не знаете полковника Уде!» — Звуки выстрѣловъ приближались. Лекарь, не дожидаясь отвѣта, выбѣжалъ

изъ комнаты, и воротился съ солдатами. Они подняли раненыхъ, вынесли на улицу и положили на телѣгу, покрытую соломой. Лекаръ взмогся, какъ говорится по-французски, *кроликомъ* (en l'air) подлѣ фурлейта, ударили по лошадямъ и поскакали. Ружейные выстрѣлы вскорѣ затихли вдали, и, по просьбѣ Кемскаго, телѣга пошла шагомъ. — «Скажите пожалуйста,» сказалъ онъ лекарю: «кто этотъ полковникъ Уде, которому я обязанъ жизнью?» — «Какъ? вы его не знаете и не слыхали о немъ? Да такой сорви-головы у насъ нѣтъ въ цѣлой арміи. Храбръ какъ шпага; уменъ какъ чортъ; упрямъ какъ Бретонецъ. И что за взглядъ! На кого посмотреть, тотъ такъ и съежится. Это одинъ человекъ во Франціи, предъ которымъ и самъ Бонапарте не устоитъ. Экая голова! Однажды заепорилъ онъ (это было въ Миланѣ) съ нашимъ главнымъ докторомъ объ одной ранѣ, утверждая, что она была не смертельна. Докторъ заставилъ его молчать двумя анатомическими терминами. На другой день полковникъ возобновилъ споръ, и сбилъ доктора съ поля доводами, основанными на самомъ глубокомъ познаніи анатоміи. — «Что жъ вы не отвѣчали ему вчера?» спросилъ я потомъ у полковника. — «Да вчера,» отвѣчалъ онъ съ простодушною улыбкою: «я самъ не зналъ того, о чемъ говорилъ сегодня.» Вообразите: онъ послѣ перваго спора купилъ Руководство къ Анатоміи и въ ночь выучилъ. Сущій чародѣй! Да ему не сдо-

бровать у насъ. Такихъ людей въ свободныхъ земляхъ не любятъ. Бонапарту и одному тѣсно было во Франціи, такъ отправился въ Египетъ, а вдвоемъ, съ полковникомъ, они и на цѣлой планетѣ простора не найдутъ.» — Лекаръ продолжалъ свои разсужденія безъ умолку. Кемскій и Силантьевъ, качаемые на повозкѣ, заснули.

XXXII.

Проворный лекаръ спѣшилъ съ своими плѣнными въ безопасное мѣсто, боясь погони Русскихъ и взгляда полковникова. Черезъ нѣсколько дней привезъ онъ ихъ благополучно въ Ниццу, и сдалъ на руки старшему врачу тамошняго госпиталя. Кемскій, не чувствовавшій въ первыя минуты ни какой боли, дорогою разнемогся, и привезенъ былъ въ Ниццу почти въ безпамятствѣ. Между тѣмъ Миша, страдавшій только тѣломъ, выздоравливалъ со дня на день. Недѣли чрезъ три лѣвая рука его почти совершенно зажила; онъ вскорѣ выучился дѣйствовать одною правою, и жалѣлъ о потерѣ лѣвой только потому, что не могъ такъ ловко и проворно услуживать своему господину, какъ прежде. Понимая по-Французски, онъ выучился говорить съ тамошними жителями, и въ короткое время снискалъ знакомыхъ и пріятелей. Къ счастью плѣнниковъ нашихъ, они снабжены были средствомъ,

купить въ свѣтъ все, разумѣется кромѣ счастья, которое не покупается. Миша честно и бережливо распоряжалъ казною: нашелъ для князя покойную квартиру въ домъ одной семидесятилѣтней старушки, платилъ врачу за визиты, строго наблюдалъ всѣ его предписанія, и берегъ своего барина, какъ нѣжный сынъ отца.

Кроткій, благорастворенный воздухъ Ниццы, тишина и спокойствіе оказали ощутительное вліяніе на здоровье страдальца. Раны его стали закрываться, лихорадка уменьшилась. Онъ вскорѣ началъ ходить, прихрамывая, по комнатамъ: пуля, пролетѣвшая сквозь пятку лѣвой ноги, оставила на всю жизнь его воспоминаніе о битвѣ при Нови. Но, съ возвращеніемъ силъ и здоровья, возникало страданіе въ душѣ его: онъ видѣлъ себя въ странѣ чуждой, далекой отъ отечества, вражеской, — въ плѣну, не постыдномъ, но убійственномъ для благороднаго русскаго воина. А она? а Наташа? — За этою мыслию возникалъ въ душѣ его рядъ горестныхъ ощущеній — одно другаго мучительнѣе, одно другаго ужаснѣе. Онъ искалъ средствъ дать вѣсть о себѣ на родину, но не было ни какой возможности: всѣ сношенія Франціи и Италіи съ Россіею были въ то время совершенно прерваны. Между тѣмъ, наавось, пересылалъ онъ ежедневно по письму, чрезъ Парижъ, Лондонъ, Стокгольмъ, въ Санкт-петербургъ.

Наступилъ ноябрь мѣсяцъ — не нашъ ноябрь, угрюмый, дождливый, снѣжный, морозный, а

время прохладное, пріятное, живительное послѣ зноя лѣтняго. Прогулка по возвышенной аллеѣ на берегу морскомъ сдѣлалась ежедневнымъ времяпровожденіемъ Кемскаго. Въ глубокой задумчивости глядѣлъ онъ на темныя волны, разсыпавшіяся жемчужною пѣною, на быстрый бѣгъ судовъ, являвшихъ зрѣлище свободы на непокоренной стихіи — зрѣлище мучительное для унылаго плѣнника. Изъ глубины растерзанной души его стали возникать тѣ видѣнія, которыя исчезли было при полуденномъ свѣтѣ счастья и довольства судьбою. Часто сумерки заставляли его на этихъ прогулкахъ. Тогда, въ полусвѣтѣ, въ борьбѣ тмы съ владычествомъ солнца, чудился ему давно знакомый призракъ: въ концѣ аллеи появляется бѣлая точка, развивается, развивается, и наконецъ принимаетъ видъ черной женщины, которой воображеніе духовидца придавало любезныя ему черты Наташи. Она, казалось ему, поглядывала на него печально, и покачивала головою, какъ будто къ словамъ: нѣтъ, не вѣрь! садилась на скамью, и въ задумчивости облокачивалась на ручку. Онъ быстро подходилъ къ скамьѣ, но призрака уже не было. Обманутый мечтою, садился онъ на то мѣсто, гдѣ видѣлъ незримую, и таинственный шелестъ листьевъ, колеблемыхъ вечернимъ вѣтромъ, нашептывалъ въ слухъ его что-то знакомое, что-то родное. Люди перемѣняются по временамъ и странамъ: природа вездѣ одна и всегда неизмѣнна. Вездѣ говоритъ она человѣку языкомъ, ему понятнымъ:

и сибирскій кедръ, и италіянскій каштанъ говоромъ листьевъ своихъ ему знакомы.

Къ тоскѣ о милой женѣ присоединилась питаемая неизвѣстностью скорбь объ участи соотечественниковъ, о судьбѣ русскаго оружія. Бѣдный плѣнникъ не зналъ, что въ точности стало съ русскою арміею. Живые бюллетени, издаваемые тогдашнимъ слабымъ и презрѣннымъ правительствомъ Франціи, смѣшивали его мысли и догадки, и не могли сообщить ему правды. Изъ всего однако жъ могъ онъ заключить, что наши войска, потерпѣвъ уронъ, вышли изъ Италіи и изъ Швейцаріи; но мысль, чтобъ Суворовъ могъ быть побѣжденъ, не находила мѣста въ головѣ его. Нѣтъ! Суворовъ не можетъ быть разбитъ никѣмъ въ мірѣ! повторялъ онъ громко, въ порывахъ благороднаго патріотисма. Онъ не ошибался: сѣверный левъ, брошенный завистью и недоброжелательствомъ въ непроходимыя дебри, проложилъ себѣ кровавый путь къ свободѣ, и дорого заставилъ заплатить тѣхъ, которые дерзнули мыслить, что могутъ его остановить, стѣснить, уничтожить.

Рѣдко случается, чтобъ истинная горестъ, истинное несчастіе не нашли себѣ отголоска въ сердцѣ ближняго. Старушка, хозяйка того дома, въ которомъ остановился Кемскій, сначала не хотѣла пускать къ себѣ на квартиру варвара, казака, людоѣда, а согласившись на убѣжденія и посулы врача, прятала отъ постояльца осмысленною внучку. Кротость Кемскаго, его томный

взглядъ, которымъ выражались страданіе, добродушіе и терпѣливость, учтивость его со всѣми — вскорѣ перемѣнили мнѣніе старушки, и изъ непріятельницы сдѣлалась она усерднымъ его другомъ и защитницею Москвитянина отъ злобныхъ навѣтовъ ея сосѣдокъ. Правда, она испугалась и поблѣднѣла, когда однажды Кемскій, встрѣтивъ на крыльцѣ прекрасную Лоретту, сталъ ее ласкать, хвалить ея прелестные глаза, играть каштановыми ея кудрями — сталъ просить, чтобъ милое дитя иногда посѣщало его въ грустномъ уединеніи. Мало по малу нелѣпыя опасенія суевѣрной старушки разсѣялись: она позволила Лореттѣ ходить къ доброму казаку. Кемскій находилъ развлеченіе своему горю въ бесѣдѣ съ Лореттою, учился у ней тамошнему нарѣчію, самъ училъ ее читать и писать, и послѣ уроковъ строилъ для нея карточные домики, вырѣзывалъ игрушки изъ бумаги. Дѣтскій возрастъ чувствителенъ къ добру и благодаренъ: дѣвочка душею привязалась къ Кемскому, который, въ невинномъ взглядѣ, въ доверчивой улыбкѣ ея, находилъ облегченіе своимъ страданіямъ. «И я, можетъ быть, теперь отецъ!» думалъ онъ, глядя на ея дѣтскія игры съ чувствомъ горести и отрады, мученія и утѣшенія.

Однажды у этихъ новыхъ друзей не стало матеріалу на постройку бумажнаго домика. — «Я тотчасъ принесу еще бумаги!» сказала Лоретта: «у сосѣдки нашей, Симони, есть пребольшей запасъ. Я побѣгу къ ней, и возьму охапку;

она не поскупится.» Лоретта побѣжала, и чрезъ нѣсколько минутъ воротилась, неся въ передникѣ множество бумаги: «Посмотрите, сколько!» вскричала она, вошедъ въ комнату: «мы можемъ выстроить цѣлый городъ.» — «Хорошо!» сказалъ ей архитекторъ: «начнемъ!» Съ сими словами сталъ онъ разбирать принесенныя отъ сосѣдки бумаги; но въ какое пришелъ удивленіе, когда въ числѣ ихъ увидѣлъ множество писемъ на русскомъ языкѣ! «Это что? откуда это?» спросилъ онъ вошедшую въ комнату его хозяйку, съ радостнымъ взглядомъ, какъ будто отыскалъ старыхъ друзей. — «Это изъ того глупаго чемодана, который сосѣдъ нашъ, Симони, раненый гдѣ-то далеко за горами, кажется, въ Швейцаріи, привезъ сюда, думая, что захватилъ Богъ знаетъ какую добычу. Видно, какой нибудь курьеръ обронилъ этотъ чемоданъ. Ни денегъ, ни вещей въ немъ не было — одни письма, въ которыхъ толку не добьешься. Сосѣдка Симони стопила съ этихъ писемъ сургучу фунта два — вотъ и вся прибыль. — Между тѣмъ Кемскій съ жадностію читалъ разбросанныя предъ нимъ письма — то была почта изъ Петербурга въ армію. Видно, курьеръ былъ убитъ или ограбленъ въ дорогѣ. . . . .

XXXIII.

Алимари остановился предъ домомъ, въ которомъ, какъ ему сказывали, живетъ раненый русскій офицеръ, и готовился постучаться въ двери. Вдругъ онъ распахнулись, и изъ дому выбѣжалъ опрометью человѣкъ. «Батюшки! помогите! помогите!» кричалъ онъ по-русски: «князь умираетъ!» Слезы градомъ катились по блѣдному лицу; онъ дрожалъ, какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ. «Кто умираетъ? какой князь!» спросилъ у него Алимари. — «Мой баринъ, то есть мой начальникъ, Князь Алексѣй Ѳедоровичъ Кемскій!» отвѣчалъ Силантьевъ, протягивая оставшуюся правую руку свою къ Алимари, и какъ бы прося о помощи. — «Боже мой!» вскричалъ Алимари: «такъ это онъ точно! И умираетъ! Веди меня къ нему!» — «Извольте!» отвѣчалъ Силантьевъ, въ отчаяніи своемъ неудивившійся и тому, что слышалъ въ Ниццѣ звуки русскаго языка.

Они вошли въ комнату Кемскаго.

Какое печальное зрѣлище представилось имъ! Кемскій, въ безпамятствѣ, блѣдный, бездыханный, лежалъ на диванѣ. Перевязки ранъ его были сорваны; изъ нѣкоторыхъ выступила кровь. Передъ нимъ на столѣ разбросаны были бумаги. Одна бумага сжата была въ лѣвой его рукѣ.

Алимари поспѣшилъ помочь своему другу, и вскорѣ привелъ его въ чувство, но разсудокъ несчастнаго былъ разстроенъ. Онъ не узнавалъ

окружавшихъ его, и только повторялъ: «Несчастный случай — предметъ разговоровъ!»

Явился врачъ, употребилъ нѣкоторыя средства, и больной поуспокоился, но все еще былъ очень слабъ, горѣлъ и бредилъ.

Алимари взялъ бумагу, бывшую въ рукъ князя, и нашелъ, что это письмо изъ Петербурга, неизвѣстно кѣмъ, неизвѣстно къ кому писанное. Между прочимъ нашелъ онъ въ немъ слѣдующее: «Несчастный случай составляетъ здѣсь предметъ разговоровъ во всѣхъ обществахъ. Ты зналъ, я думаю, Князя Алексѣя Кемскаго. Онъ посланъ былъ отсюда курьеромъ къ вамъ, въ армію — оставивъ беременную жену свою въ тоскѣ и горѣ. За мѣсяць предъ симъ, полученъ здѣсь и обнародованъ списокъ убитыхъ: князь былъ первымъ въ числѣ ихъ. Эту бумагу, по неосторожности, показали княгинѣ. Она до того испугалась, что родила преждевременно. Дочь ея не прожила часу. Сама она, недѣли чрезъ три, воспользовавшись небрежностью ходившихъ за нею, въ припадкѣ отчаянія и сумасшествія, ночью убѣжала изъ дому, и утопилась въ Невѣ.» За симъ слѣдовали обыкновенныя при такихъ случаяхъ разсужденія.

Ужасная тайна открылась изумленному Алимари. Онъ не зналъ, чего желать своему другу для его счастья — исцѣленія ли, для того, чтобъ влачить жизнь въ одиночествѣ и горести, или смерти — которая соединить его съ любезными для него существами. Между тѣмъ прилагалъ

онъ самое нѣжное, самое усердное стараніе къ облегченію его мученій, къ возвращенію ему разсудка. Долгое время всѣ его труды, всѣ пособія врача были тщетны; наконецъ удалось переломить горячку, съ которою прекратился бредъ, и раны его стали заживать снова. Кемскій какъ будто проснулся отъ глубокаго сна, но ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова; узналъ Алимари, но не изъяснилъ ни удивленія, ни радости, что видитъ его у себя. Казалось, онъ припоминалъ прошедшее, и шарилъ у себя въ постель, будто ища чего-то. Пылъ и бредъ горячки превратились въ тихую задумчивость и почти совершенное безмолвіе. Окружавшимъ больного часто казалось, что онъ хочетъ обмануть ихъ притворнымъ спокойствіемъ, что онъ высматриваетъ удобное время и случай для того, чтобъ освободиться отъ ихъ надзора. Они усугубили свою бдительность, и всѣ покушенія несчастнаго къ прекращенію ненавистой ему жизни, были тщетны.

XXXIV.

Кемскій лежалъ въ безмолвіи на диванѣ, и смотрѣлъ пристально на потолокъ комнаты. Алимари стоялъ у окна, и глядѣлъ на улицу. Вдругъ раздался глухой бой барабановъ, и вслѣдъ за тѣмъ послышались унылые звуки погребальной музыки. «Хоронятъ французскаго генерала,» сказалъ Алимари, какъ будто желая успокоить Кем-

скаго, который могъ быть изумленъ и испуганъ этими необыкновенными звуками; но Кемскій не обратилъ вниманія на эти слова; казалось, и во все не слыхалъ ихъ. Печальное шествіе проходило мимо оконъ. — «Почій съ миромъ, храбрый, благородный воинъ!» говорилъ Алимари въ полголоса: «ты совершилъ свое земное поприще, какъ честный человекъ и усердный гражданинъ! Облагренная кровію враговъ твоего отечества — шпага лежитъ, какъ должное украшеніе, на гробъ твоёмъ, но въ самомъ гробъ покой, миръ и отдохновеніе по трудахъ. Ты храбро и мужественно сражался съ врагами явными и скрытными; враги чтили и уважали тебя, соотечественники преслѣдовали; но ты не совратился съ пути, предначертаннаго честью, долгомъ, присягою. Ты не унылъ, не упалъ духомъ подъ ударами судьбы, преслѣдующей человека въ земной жизни. Ты имѣлъ въ виду цѣль высшую, благороднѣйшую, и теперь достигъ ея — претерпѣлъ до конца, и положилъ странническій посохъ свой лишь тамъ, гдѣ Провидѣніе назначило предѣлъ твоей жизни. Теперь ты освобожденъ, успокоенъ, награжденъ. Блаженство тамъ — благословенія здѣсь!» — Кемскій началъ прислушиваться. Алимари, замѣтивъ это, умолкъ. — Кемскій спросилъ: «Какого генерала хоронятъ?» «Шампіонета,» отвѣчалъ Алимари сухо. — «Какъ, Шампіонета?» спросилъ Кемскій съ горестнымъ изумленіемъ: «покорителя Неаполя и Рима, побѣдителя Мака:» — «Того самаго,» отвѣчалъ Алимари:

«того самого, котораго уважалъ и чтилъ Суворовъ. За подвиги и услуги отечеству былъ онъ награжденъ гнусною неблагодарностью, и когда отечество, на краю гибели, воззвало къ нему, онъ вновь взялся за оставленный мечъ, и сталъ на стражъ. Въ несчастіи, въ гоненіяхъ, онъ не унизился, не возненавидѣлъ жизни, ибо зналъ, что человекъ самъ въ ней не властенъ. Настала его чреда — и онъ успокоился.» — «Преслѣдованіе, гоненіе, тюрьма,» — возразилъ Кемскій: — «все это ничто, когда въ сердцѣ хранится еще надежда; когда мы знаемъ, что есть въ мірѣ люди, которые однимъ словомъ, одною улыбкою награждаютъ насъ за претерпѣнное нами.» — Али-мари обрадовался этому отвѣту: кто спорить, кто доказываетъ, тотъ ужъ не въ отчаяніи. «Въ этомъ мірѣ, говорите вы? Жалко утѣшеніе, которое ограничивается *этимъ* ничтожнымъ, временнымъ міромъ рабства и тлѣнія! Жалокъ человекъ, который отъ обыкновенныхъ, неизбѣжныхъ всякому бѣдствій въ жизни, можетъ впасть въ отчаяніе, презрѣть Провидѣніе, возстать противу своего Творца! Онъ не знаетъ, чего лишается въ вѣчности.» — «Но неужели,» возразилъ Кемскій съ видомъ оскорбленнаго самолюбія: «нѣтъ случаевъ, нѣтъ горестей въ жизни, которые не могли бы преодолѣть слабаго человека?» — «Слабаго, конечно; но человекъ слабый не есть человекъ истинный, царь земнаго творенія.» — «Нѣтъ!» сказалъ Кемскій: «часто случается, что долгъ и совѣсть, честь и правила Вѣры прихо-

дятъ въ бореніе между собою, и человѣкъ, впрочемъ сильный характеромъ и твердый духомъ, падаетъ отъ ударовъ высшей силы.» — «Вы говорите о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ долгъ гражданина и сына отечества находится въ бореніи съ правилами человѣка и христіанина. Не вамъ, Русскимъ, упоминать объ этихъ случаяхъ: у васъ одинъ Богъ, одинъ Царь, одно отечество! Живите и умирайте за нихъ: вы исполните всѣ свои обязанности, и онѣ никогда одна другой противорѣчить не будутъ. Чтобъ доказать вамъ, до какой степени можно, изъ любви къ своему долгу, заглушить въ сердцѣ голосъ природы, приведу еще примѣръ — я долженъ взять его въ рядахъ вашихъ непріятелей. Примѣръ этотъ представляетъ вамъ генераль Моро. Въ то время, когда онъ, сражаясь за Францію, оборонялъ ее отъ натиска сильныхъ враговъ, неистовые изверги, называвшіеся правителями его отечества, казнили роднаго его отца. Человѣкъ слабодушный, хотя бѣ и добрыйшій сердцемъ, бросилъ бы службу неблагодарному отечеству, но Моро умѣлъ отличить Францію отъ ея притѣснителей: проливая слезы о невозвратной потерѣ, онъ не забывалъ обязанностей гражданина, не унывалъ душею, не ослабѣвалъ въ усердіи къ родинѣ жестокой, но всегда любезной!» — «Такъ!» сказалъ Кемскій, сквозь слезы: «Моро поступилъ въ этомъ случаѣ, какъ истинно великій человѣкъ; но вы не знаете, какъ жестоки

могутъ быть иногда удары судьбы, какъ неисцѣлимы раны сердца! Вы не знаете.....»

«Не знаю?» вскричалъ Алимари съ жаромъ и въ нѣкоторомъ изступленіи: «не знаю? Нѣтъ, другъ мой! Я знаю, слишкомъ хорошо знаю эти потери, эти страданія, которымъ предѣлъ — только во гробъ!» — Сказавъ эти слова, онъ громко зарыдалъ.

Кемскій изумился: онъ никогда не видалъ своего друга въ такомъ положеніи. Твердый, благоразумный, убѣленный сѣдинами, охлажденный лѣтами, Алимари рыдалъ, какъ дитя, какъ юноша, лишившійся подруги своего сердца.

Чрезъ нѣсколько минутъ Алимари обратилъ наполненные слезъ глаза свои на Кемскаго. «Молодой человѣкъ!» сказалъ онъ ему: «это невольное изліяніе чувствъ старика, стоящаго уже одною ногою въ гробу, васъ изумило. Но я не въ состояніи былъ удержаться отъ слезъ при воспоминаніи объ одномъ ужасномъ случаѣ моей жизни. Я никому не говорилъ о немъ, потому, что не надѣялся найти человѣка, который могъ бы постигнуть и оцѣнить всю жестокость моихъ страданій. Съ вами же раздѣлю воспоминаніе, которое слишкомъ сорокъ лѣтъ тяготитъ мое сердце.»

Кемскій, при этихъ словахъ друга, забылъ на минуту собственное горе и страданіе, не отвѣчалъ ни слова, — но любопытнымъ взглядомъ далъ знать, что готовъ слушать.

XXXV.

«Я не буду много распространяться, не буду искать, выбирать выражений. И простой рассказ этого періода моей жизни едва ли не истощитъ силъ моихъ. Слушайте!

«Вы помните, думаю, что я, сообщая вамъ исторію свою, умолчалъ о десяти годахъ моей жизни; вы помните, что я вамъ говорилъ о нежеланіи моемъ вступить въ духовное званіе. Я умолчалъ тогда объ истинной причинѣ моего отказа: причина эта была любовь. Любовь, — чувство благороднѣйшее, святѣйшее изъ вложенныхъ Творцемъ въ сердце человѣческое, — чувство, которое, какъ по всему видно, становится рѣже и рѣже въ свѣтъ; которое вскорѣ будетъ пылать въ сердцѣ только немногихъ избранныхъ, а прочимъ извѣстно будетъ лишь по сказаніямъ минувшаго вѣка. Преданія и развалины священной старины, завѣты родительскіе, игры дѣтскихъ лѣтъ, мечтанія юношескія — все это истребляется тлетворнымъ дыханіемъ эгоизма, властолюбія и алчности къ золоту — все поглощается такъ называемою политикою, равенствомъ, свободою — какъ цвѣтущіе города и поля покрываются истребительною лавою, составляющею на нихъ, по охладѣніи, ровную поверхность. Мы мечтали, мы любили, мы блаженствовали! Вы еще видите закатъ того свѣтила, которое лучами живило міръ пѣитическій, волшебный. Близкіе наши потомки станутъ читать

въ книгахъ повѣсть о бывшемъ, незнакомомъ имъ вѣкѣ Астреи: одни не будутъ вѣрить, чтобъ онъ когда либо существовалъ; другіе станутъ осыпать его насмѣшками и презрѣніемъ. Едва ли немногіе избранные будутъ питать въ сердцахъ огонь священный. Но, можетъ быть, все клонится къ лучшему, только не для насъ, запоздалыхъ въ міръ гостей изъ прошлаго вѣка! — Вы знаете, что я учился въ Павійскомъ Университетѣ. Я учился прилежно, неутомимо, страстно. Особенно занимала меня древняя литература, преимущественно греческая, занимала не столько важностію своихъ произведеній, сколько священнымъ благоговѣніемъ, возбуждаемымъ во мнѣ помыслами о юныхъ дняхъ міра, о свѣжей жизни Эллиновъ. Мнѣ не довольно было книгъ печатныхъ: я списывалъ ихъ на свиткахъ, стараясь поддѣлываться подъ самую древнюю скоропись; стихи Гомера писалъ уставомъ по образцамъ, оставшимся на памятникахъ и медаляхъ. Профессоръ мой полюбилъ и отличилъ меня за это предпочтеніе его предмета, но не могъ заняться мною исключительно. Онъ познакомилъ меня съ своимъ бывшимъ учителемъ, осмидесятилѣтнимъ іезуитомъ, который, отслуживъ въ профессорской должности пятьдесятъ лѣтъ, посвящалъ остальные годы жизни своей изученію любимого предмета. Онъ жилъ уединенно, въ предмѣстіи города. Я приходилъ, когда могъ удосужиться, къ почтенному старцу и читалъ съ нимъ авторовъ, поэтовъ греческихъ. Вскорѣ увидѣлъ

я, что нашелъ кладъ въ этомъ старикѣ: онъ любилъ древнюю Грецію до изступленія, и, какъ я слышалъ, за это страстное обожаніе языческаго времени и народа, былъ въ самой молодости притѣсняемъ начальниками своего ордена. Его употребляли, какъ знающаго и искуснаго профессора, приносившаго честь обществу Св. Игнатія, но не давали ему ходу въ іерархіи: онъ всегда оставался простымъ монахомъ. Это стѣсненіе отнюдь его не огорчало; напротивъ, онъ радовался, что занятія духовныя не мѣшали его любимымъ упражненіямъ. Жизнь отшельническая и непрерывное занятіе ума однимъ и тѣмъ же предметомъ — неминуемо должныствовали подѣйствовать на его душевныя силы: онъ дѣйствительно помѣшался на греческомъ языкѣ, утверждалъ, что нашелъ истинное греческое произношеніе, и открылъ настоящую мелодію древняго пѣва Эллиновъ. Можно вообразить, какъ онъ обрадовался, нашедши во мнѣ ученика прилежнаго и страстнаго. Я проводилъ у него цѣлыя утра. Старикъ съ восторгомъ сообщалъ мнѣ свои правила, наблюденія и открытія, но иногда, въ срединѣ рѣчи, останавливался и, пристально посмотрѣвъ на меня, говорилъ: жаль! Потомъ обращался опять къ любимому предмету. Я былъ бы еще вдвое прилежнѣе, если бѣ одна мечта не отвлекала меня отъ древней Эллады. Я замѣтилъ въ одно воскресенье, въ іезуитской церкви, молодую, небогато одѣтую дѣвицу, молившуюся съ выраженіемъ глубокаго чув-

ства. Она стояла на колѣняхъ, обратясь къ главному алтарю. Сначала не могъ я видѣть ея въ лице: гибкій станъ, лебединая шея, херувимская головка — все обличало въ ней красавицу. Я протѣснился къ ней съ боку, и ждалъ окончанія молитвы. Незнакомка приподнялась и обратилась къ образу, висѣвшему на той сторонѣ, гдѣ я стоялъ. Обликъ ангела, взглядъ праведницы, слезы христіанскаго умиленія — поразили меня. Я едва не закричалъ, чуть не упалъ, удержавшись за перила ограды. Легкое дымчатое покрывало спустилось на прелестное лице. Дѣвица, преклонивъ еще разъ колѣни предъ алтаремъ, пошла изъ церкви, сопровождаемая другою женщиною. Я не смѣлъ слѣдовать за нею. Неизвѣстная дотолъ, новая жизнь возникла въ душѣ моей: всѣ предметы облеклись въ глазахъ моихъ радужными цвѣтами; на лицахъ женщинъ искалъ я, чего и самъ не зналъ, искалъ выраженія лица незнакомки. Я искалъ и ея самой, но напрасно. Въ церкви она не являлась. Впрочемъ, какъ ни желалъ я увидѣть ее еще разъ, какъ ни горѣлъ нетерпѣніемъ узнать, кто она — душа моя довольствовалась воспоминаніемъ: она питалась лицомъ божественнымъ, явившимся на минуту, и заронившимъ въ нее искру вѣчнаго огня. И разсудокъ говорилъ мнѣ, что я не долженъ доискиваться того, что благодѣтельное Провидѣніе, можетъ быть съ умысломъ, отъ меня скрываетъ: пусть одна душа наслаждается тѣмъ, что для души создано! Мечтанія юныхъ лѣтъ! Но

стоитъ ли вся остальная существенная жизнь наша этихъ мгновенныхъ мечтаній? — Мысль о незнакомкѣ наполняла меня всего: я учился и занимался прилежно, по прежнему, но только механически. Всѣ греческія буквы старинныхъ манускриптовъ казались мнѣ обведенными красною каемкою; только тѣ мѣста классиковъ занимали меня, гдѣ говорилось о женщинахъ. Этихъ женъ, этихъ дѣвъ юной Эллады, думалъ я, давно уже нѣтъ въ мірѣ: такъ и моя мечта существуетъ для меня только въ воображеніи. Мой наставникъ сталъ замѣчать мою разсѣянность, невнимательность, забывчивость, и видимо огорчился этимъ. Онъ началъ, сперва стороною, а потомъ и прямо, упрекать меня въ небреженіи, въ холодности къ великому предмету изученія Древности. Я пытался было возобновить въ себѣ прежнее рвеніе къ любимой наукѣ, но оно улетѣло невооруженно. Наконецъ рѣшился я сказать почтенному старцу, что сухость предмета нашихъ занятій убила во мнѣ всю охоту къ ученію, и что молодому человѣку нѣтъ возможности долго заниматься изслѣдованіемъ мертваго языка. — «Мертваго!» вскричалъ оскорбленный старецъ: «мертваго! Сынъ мой! что ты сказалъ? Мертвы только тѣ языки, которыми человѣкъ выражаетъ свои земныя нужды и страсти. Но языкъ Греціи — языкъ Платона и Демосѣена, Гомера и Софокла — языкъ Божественнаго Откровенія — ты называешь мертвымъ! Онъ живъ, какъ живо солнце Адама!» — Я извинился въ

неосторожномъ выраженіи, но присовокупилъ, что подробное изученіе столь великаго предмета превосходить мои силы. «Твои силы!» воскликнулъ онъ: «твои силы! У тебя силы атлета, у тебя память желѣзная, у тебя — довольно! Я докажу тебѣ, что не нужно исполинскихъ силъ, не нужно продолжительнаго занятія для постиженія предмета, если только мы обнимемъ его душею. Приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ, когда смеркнется. Теперь ступай, подумай на свободѣ о неразуміи словъ своихъ, и — принеси чистое покаяніе! Неужели я въ тебѣ ошибся! Неужели одна — ступай съ Богомъ, сынъ мой!» Послѣднія слова произнесъ онъ дрожащимъ отъ душевнаго волненія голосомъ. Мнѣ жаль стало почтеннаго старца. Я повиновался: вечеромъ, лишь только смерклось, отправился я къ нему, нетерпѣливо желая знать, чѣмъ онъ докажетъ обязанность мою, учиться греческому языку. Онъ встрѣтилъ меня на порогѣ дома, ввелъ въ пріемную комнату, въ которой не было свѣтъ, велѣлъ мнѣ сѣсть въ углу и молчать, а самъ вошелъ въ кабинетъ, не запирая за собою дверей, и только задернулъ ихъ завѣсою, — «Продолжай, Антигона!» сказалъ онъ кому-то. Женскій голосъ началъ читать Софоклова Эдипа въ Колоннѣ, именно привѣтствіе хора несчастному слѣпцу. Невидимая читала смѣло, чисто, съ строгимъ наблюденіемъ размѣра. — Когда она начала вторую антистрофу, старикъ потребовалъ объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ. Тотъ же голосъ отвѣ-

чалъ ему. Засимъ началось пѣніе: пріятнѣйшій женскій голосъ, какой когда либо раздавался подъ сводами неба Италіи, запѣлъ прочитанныя строфы, на мелодію, вымышленную старикомъ: онъ самъ дрожащимъ, но вѣрнымъ голосомъ сталъ вторить — и я перенесся мыслію въ глубокую древность, въ то судилище, которое, выслушавъ эти стихи Софокла, отринуло доносъ неблагодарныхъ дѣтей, обвинявшихъ его въ безуміи. Когда утихло пѣніе стиховъ Эдипа, началось чтеніе прозы Демосѣеновой. Старикъ останавливался на каждомъ періодѣ, на каждомъ сомнительномъ словѣ, требовалъ объясненія, и получалъ его. Послѣ такого подробнаго разбора, тотъ же голосъ женскій прочиталъ разобранные періоды по правиламъ декламаціи моего учителя. Голосъ былъ такъ же чистъ и пріятенъ, какъ прежде, но нѣжность и мягкость его уступили мѣсто величію и твердости. По окончаніи чтенія, раздался звукъ одобренія: старикъ поцѣловалъ эленистку. Свѣтъ въ кабинетъ исчезъ. Онъ вышелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, подвелъ къ двери на улицу, и сказалъ торжественнымъ голосомъ: «Ты слышалъ, чего можетъ достигнуть слабая женщина. Стыдись. Теперь ступай съ Богомъ!»

Голосъ невидимки проникъ глубоко въ мою душу, и сначала едва не изгладилъ изъ нея прежняго впечатлѣнія, произведеннаго зрѣніемъ. Но потомъ слились обѣ мечты, и я началъ воображать себѣ, что невидимая Антигона была дѣй-

ствительно слышанная мною дѣвица. Эта мысль возбудила во мнѣ прежнее рвеніе къ эллинской древности. Старикъ видѣлъ чудесное дѣйствіе примѣра, и восхищался своею стратагемою. Такъ неопытный поэтъ радуется успѣху актрисы, читающей его стихи, и приписываетъ произведенію своей фантазіи дѣйствіе прекрасныхъ глазъ! Но для меня оба мои идеала оставались идеалами: незнакомки я, попрежнему, не встрѣчалъ нигдѣ; невидимки не слыхалъ, ибо старикъ принималъ меня лишь по утрамъ въ своемъ отдѣльномъ кабинетѣ, сообщавшемся съ сѣнями посредствомъ пріемной залы: я никогда не видалъ у него никого посторонняго. Иногда слышались шорохъ и невнятные отдаленные голоса изъ жилыхъ покоевъ. По вечерамъ домъ его былъ неприступенъ. Однажды я съ умысломъ забылъ у него книгу, и вечеромъ пришелъ за нею, но не могъ достучаться. Утромъ, видно, мой старикъ жилъ въ кабинетѣ ученаго; вечеромъ запирался въ кельѣ монаха. — Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, единообразныя занятія мои прерваны были поѣздкою къ дядѣ, въ Виценцу. Пробывъ тамъ недѣли двѣ, я воротился въ Павію, и, тотчасъ по пріѣздѣ, пошелъ навѣстить почтеннаго моего наставника. Двери его дома были закрыты, по обыкновенію, но въ этотъ разъ я не могъ достучаться. Странно! подумалъ я: неужели никого въ домъ не осталось? и опять началъ стучать. Въ сосѣднемъ домѣ высунулась въ окошко старуха и, съ недовольнымъ

видомъ спросила, кого мнѣ надобно. — «Отца Валентина!» отвѣчалъ я. «Онъ умеръ,» отвѣчала она: «сегодня хоронятъ его въ іезуитской церкви.» — Эта вѣсть поразила меня: я былъ молодъ и не привыкъ еще къ тратамъ; теперь, если умретъ кто изъ пріятелей моихъ, мнѣ кажется, что мы съ нимъ были въ гостяхъ, и онъ только ранѣе меня пошелъ домой, гдѣ я вскорѣ найду его. Я побѣжалъ въ іезуитскую церковь. Тамъ, въ одномъ скромномъ придѣлѣ, стоялъ гробъ, освѣщаемый тусклыми лампадами. Хоръ иноковъ окружалъ почившаго брата, и пѣлъ хвалебные гимны Неисповѣдимому. Поодаль у стѣны стояло нѣсколько женщинъ, въ траурной одеждѣ и покрывалахъ. Онѣ тихими голосами вторили пѣнію; иногда казалось мнѣ, что я въ этихъ унылыхъ звукахъ слышу что-то знакомое. По окончаніи обряда, братія подняли гробъ и понесли на близлежащее кладбище. Женщины послѣдовали за ними. Я шелъ подлѣ. «Не вы ли синьоръ Алимари?» спросила одна изъ нихъ дрожащимъ отъ старости голосомъ. — «Я Алимари,» отвѣчалъ я. — «Покойный братъ мой искренно васъ любилъ и, чувствуя приближеніе кончины, хотѣлъ видѣть. Но васъ не было въ Павіи. Это его огорчило. Онъ скончался, твердя ваше имя.» — «Такъ вы сестра моего почтеннаго наставника! А это?» сказалъ я, указывая на женщину, которая шла подлѣ насъ, тихо рыдая. — «Эта дочь моя, его крестница и ученица, теперь совершенная сирота — я ей не подпора!» Мы по-

дошли между тѣмъ къ могилѣ, опустили гробъ при молитвѣ священника, при пѣніи монаховъ и при общихъ рыданіяхъ. Покрывъ хладною землею останки друга, мы воротились въ городъ. Я шелъ за сестрою покойнаго, самъ не зная для чего. Она остановилась съ дочерью у одного дома, и спросила, не хочу ли я посѣтить ее на минуту. Я согласился; мы вошли въ комнаты, убранныя не богато, но чисто и со вкусомъ. «Антигона!» сказала старушка дочери: «помоги мнѣ принять новаго гостя.» Антигона? подумалъ я: это она — невидимка. Въ эту минуту онъ сняли съ себя покрывала. Въ матери увидѣлъ я женщину почтеннаго вида, какъ казалось, кроткую и добродушную; — когда же обратилъ глаза на дочь — узналъ мою незнакомку. Мечта моя осуществилась: Антигона была дѣйствительно та самая дѣвица, которая красотою своею поразила меня въ церкви. Я смутился. Хозяйки мои приписали это застѣнчивости, начали говорить со мною, старались ободрить. Я оправился, вслушался въ ихъ рѣчи, сталъ отвѣчать, и чрезъ часъ познакомился съ ними, какъ будто зналъ ихъ нѣсколько лѣтъ. Вскорѣ узналъ я всѣ подробности ихъ состоянія и жизни. Мать была вдова художника, умершаго, когда Антигона едва начала себя помнить. Дядя взялся за воспитаніе племянницы, и, преподавая ей уроки въ первоначальныхъ знаніяхъ, замѣтилъ въ ней необыкновенныя дарованія и способности. Это родило въ немъ желаніе воспитать племянницу, какъ бы

племянника, познакомить ее съ высшими науками, съ языками и литературою древности. Антигона училась охотно и прилежно, радовалась своимъ успѣхамъ, ибо они восхищали ея благодѣтеля, но не догадывалась, что познанія ея рѣдки и необыкновенны въ женщинѣ, и потому сохранила скромность, смиреніе, кротость своего пола; твердя стихи Гомера и Софокла, готовила умѣренный обѣдъ своего семейства, и пѣла строфы Анакреона, какъ обыкновенныя народныя пѣсни. Старикъ дядя жилъ въ одной съ ними квартирѣ, имѣвшей выходы на двѣ улицы. Приходившіе къ нему поутру не догадывались, что онъ живетъ въ семействѣ. Вечеромъ уходилъ онъ въ другую половину дома, и занимался обученіемъ Антигоны. — — — Чрезъ два года я сочетался бракомъ съ Антигоною. Не буду говорить вамъ, какъ я былъ счастливъ, счастливъ нѣсколько лѣтъ, — на это не станеть у меня словъ. Дядя не соглашался на бракъ мой, готовя меня въ духовное званіе, и когда узналъ, что я женился, написалъ ко мнѣ, чтобъ я не ожидалъ отъ него ни какого пособія, что онъ предоставляетъ меня судьбѣ моей — судьбѣ моей! — Мать моей жены въ томъ же году скончалась. Намъ нечего было дѣлать въ Павіи. Одинъ университетскій товарищъ, родомъ Португалецъ, пригласилъ меня къ себѣ, въ Лиссабонъ, обѣщая доставить мнѣ хорошее мѣсто. Мы туда отправились. Я поступилъ въ службу подъ начальство министра Помбаля, одного изъ вели-

чайшихъ государственныхъ мужей истекающаго столѣтія. Досужіе часы проводилъ я въ бесѣдѣ моей Антигоны, въ занятіяхъ науками. Богъ даровалъ намъ двоихъ дѣтей. — И нынѣ, по истеченіи полувѣка съ того времени, каждый день, отходя ко сну, я молю несповѣдимаго Подателя благъ душевныхъ, воскресить для меня въ мечтѣ дни молодыхъ лѣтъ: иногда молитва моя бываетъ услышана, и это случается только тогда, когда въ теченіе дня мнѣ удалось сдѣлать что либо доброе, укротить въ сердцѣ чувство самолюбія или нетерпѣнія, помочь ближнему. — Тогда переносусь я во снѣ въ Лиссабонъ; сижу въ саду моемъ, подъ тѣнію каштановъ; подлѣ меня сидитъ Антигона. Антоніо трехлѣтній играетъ у ногъ нашихъ. Елена у ней на рукахъ.» — — — Алимари при сихъ словахъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ; слезы навернулись у него на глазахъ; голосъ его пресѣкся. Кемскій взялъ его за руку съ выраженіемъ сердечнаго участія — и самъ заплакалъ. «Что жъ съ ними сдѣлалось! гдѣ они?» спросилъ онъ.

«Перваго Ноября пятьдесятъ пятаго года,» продолжалъ Алимари: «я былъ счастливѣйшимъ человекомъ въ мірѣ; но какое-то мучительное волненіе, какъ бы предчувствіе несчастія, волновало грудь мою. Воздухъ въ тотъ день былъ необыкновенно тяжелъ. Густыя тучи носились надъ Лиссабономъ. Зловѣщія птицы хриплымъ крикомъ предвѣщали жестокую бурю. Я легъ спать въ ожиданіи какого-то неизвѣстнаго бѣдствія.

Страшныя мечты вскорѣ разбудили меня. Проснувшись, вижу Антигону: она стоитъ на колѣняхъ предъ Распятіемъ, и, заливаясь слезами, усердно молится. — «Что съ тобою, другъ мой?» спросилъ я въ безпокойствѣ. — «Мнѣ страшно!» сказала она: «хочу подкрѣпить и успокоить себя молитвою!» — Я хотѣлъ было отвѣчать ей, но вдругъ ужасный грохотъ и трескъ на улицѣ изумилъ и ужаснулъ меня. «Что это?» закричала съ трепетомъ Антигона, и кинулась къ спящимъ дѣтямъ. — Я набросилъ на себя платье и поспѣшилъ выйти изъ дому. На улицѣ, полной утрашеннаго народа, раздавались вопли ужаса и отчаянія. Земля колебалась подъ моими ногами; стѣны огромныхъ зданій падали, какъ карточные домики, и давили людей подъ собою. Ночь была темная. Громъ небесный вторилъ подземному грохоту. Молніи ежесекундно освѣщали картину опустошенія. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, я обратился назадъ къ своему жилищу, но уже бездонная пропасть отдѣляла меня отъ моихъ. Я стоялъ въ двадцати шагахъ отъ своего дома, въ мертвенномъ оцѣпенѣніи, самъ не зная, гдѣ я и что со мною дѣлается. Вдругъ сверкнула молнія: Антигона стояла у окна, держа на рукахъ дѣтей; увидѣвъ меня, она закричала: «прости навѣки!» Еще молнія — и я видѣлъ, какъ домъ мой рухнулъ въ бездну. Я чувствовалъ, что на меня посыпались каменья, и больше ничего не помнилъ. На другой день, сказываютъ, меня вытащили изъ-подъ груды раз-

валинъ. Не знаю, что происходило со мною съ того времени. Я очнулся, какъ говорилъ вамъ, чрезъ годъ послѣ того, въ Бадахосъ — на рукахъ добрыхъ монаховъ, одинокій сирота, забвенный въ мірѣ. Я пошелъ въ Лиссабонъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ мой, лежали груды камней. Все исчезло навѣки.»

— «И вы остались живы?» спросилъ Кемскій. — «Живу, ибо такъ угодно Создавшему меня; живу, и жизнью стараюсь заслужить мѣсто подлѣ жены и дѣтей моихъ.» — «И вы не находите въ этомъ случаѣ, что судьба жестоко поступила съ вами, что она съ адскимъ злорадствомъ погубила невинныхъ, а васъ пощадила, вамъ дала долготѣе, чтобъ ежедневно возобновлялись въ вашемъ сердцѣ мучительныя воспоминанія! И вы не клянете часа своего рожденія?» — «Нѣтъ!» отвѣчалъ Алимари тихо и протяжно: «ежедневно благословляю и благодарю Провидѣніе: оно знаетъ, что дѣлаетъ. И чѣмъ долѣе живу, тѣмъ тверже, усладительнѣе становится во мнѣ мысль о премудрости, правосудіи и благи Божіихъ и въ самымъ грозныхъ для человѣка явленіяхъ. Признаюсь, иногда возникалъ въ душѣ моей ропотъ на непостижимость судебъ человѣческихъ, но онъ утихалъ при первомъ взглядѣ моемъ на этотъ свѣтъ, при помышленіи о таинственности духовнаго міра. Въ ту ночь, которая разрушила все мое земное счастіе, одна великая государыня, великая въ женахъ, Марія Терезія, дала жизнь принцессѣ, рожденной со всѣми правами

и надеждами на счастіе въ міръ. Я былъ свидѣтелемъ торжественнаго въѣзда Маріи Антоніи во Францію, неоднократно видалъ ее и посреди великолѣпнаго Двора и въ простомъ одѣяніи помѣщицы Тріанонской, и при взглядѣ на нее не могъ удержаться отъ тайнаго трепета, отъ тайнаго негодованія на судьбу, въ одно и то же мгновеніе отнимающую у одного человѣка все — и все дающую другому. Но потомъ, когда душевныя страданія, всѣ жесточайшіе удары судьбы посыпались на эту несчастную принцессу; когда она сведена была съ трона въ темницу, лишилась супруга, разлучена была съ дѣтьми, когда въ одну ночь посѣдѣли ея волосы, и на другой день она взошла на эшафотъ — тогда, въ растерзанной страданіями ближнихъ душъ своей, я принесъ покаяніе Господу, что державъ роптать на него, видя счастіе, возникшее въ одинъ день съ моими страданіями, и благословилъ невидимую десницу, меня покаравшую.»

«Удивляюсь вашей твердости, вашей покорности судьбѣ,» сказалъ Кемскій, «но не постигаю, какъ можно пережить тѣхъ, для кого мы жили въ міръ. Для меня, въ нынѣшнемъ моемъ положеніи, смерть, и самая мучительная, была бы благодѣяніемъ. Что мнѣ осталось въ міръ?»

— «И Русскій спрашиваетъ объ этомъ?» сказалъ съ жаромъ Алимари. «У васъ осталось отечество и въ отечествѣ вашемъ люди, достойные вашей любви, вашего попеченія.»

«Отечество!» возразилъ Кемскій: «гдѣ оно?

Я плѣнникъ, на чужбинѣ — можетъ быть, осужденъ нѣсколько лѣтъ томиться въ неволѣ. И что отечеству во мнѣ! Я отжилъ вѣкъ свой!»

Алимари хотѣлъ возразить, радуясь, что Кемскій началъ спорить — знакъ, что раны сердца его заживаютъ.

Въ это время постучались у дверей, и, на отзывъ Кемскаго, вошелъ французскій офицеръ держа въ рукахъ шпагу съ русскимъ темлякомъ.

«Вы ли поручикъ Князь Кемскій?» спросилъ онъ учтиво.

«Я, сударь. Что вамъ угодно?»

«Республика Французская заключила миръ съ Имперіею Россійскою. Первый Консулъ, чтя вашего Императора, уважая храбрость Русскихъ, возвращаетъ всѣмъ плѣннымъ свободу. Я присланъ сюда для извѣщенія объ этомъ пребывающихъ здѣсь офицеровъ. Вотъ ваша шпага; примите ее изъ рукъ недавнихъ враговъ вашихъ, умѣющихъ чтить воинскія доблести. Все приготовлено къ вашему отъѣзду. Вы можете ѣхать въ свое отечество, когда угодно.»

Изумленный Кемскій, взявъ въ безмолвіи шпагу, не зналъ, что отвѣчать. Офицеръ поклонился и вышелъ.

«Вѣрите ли теперь, что есть Провидѣніе, которое посреди жестокихъ испытаній указываетъ намъ путь долга и чести?» сказалъ Алимари.

«Вѣрю!» воскликнулъ Кемскій, и бросился въ объятія друга.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Greč, Nikolaj Ivanovič,

Sočinenija

Bd.: 1. Černaja ženščina. Č. 1.

Petersburg 1838

P.o.rel. 3067-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10047827-3